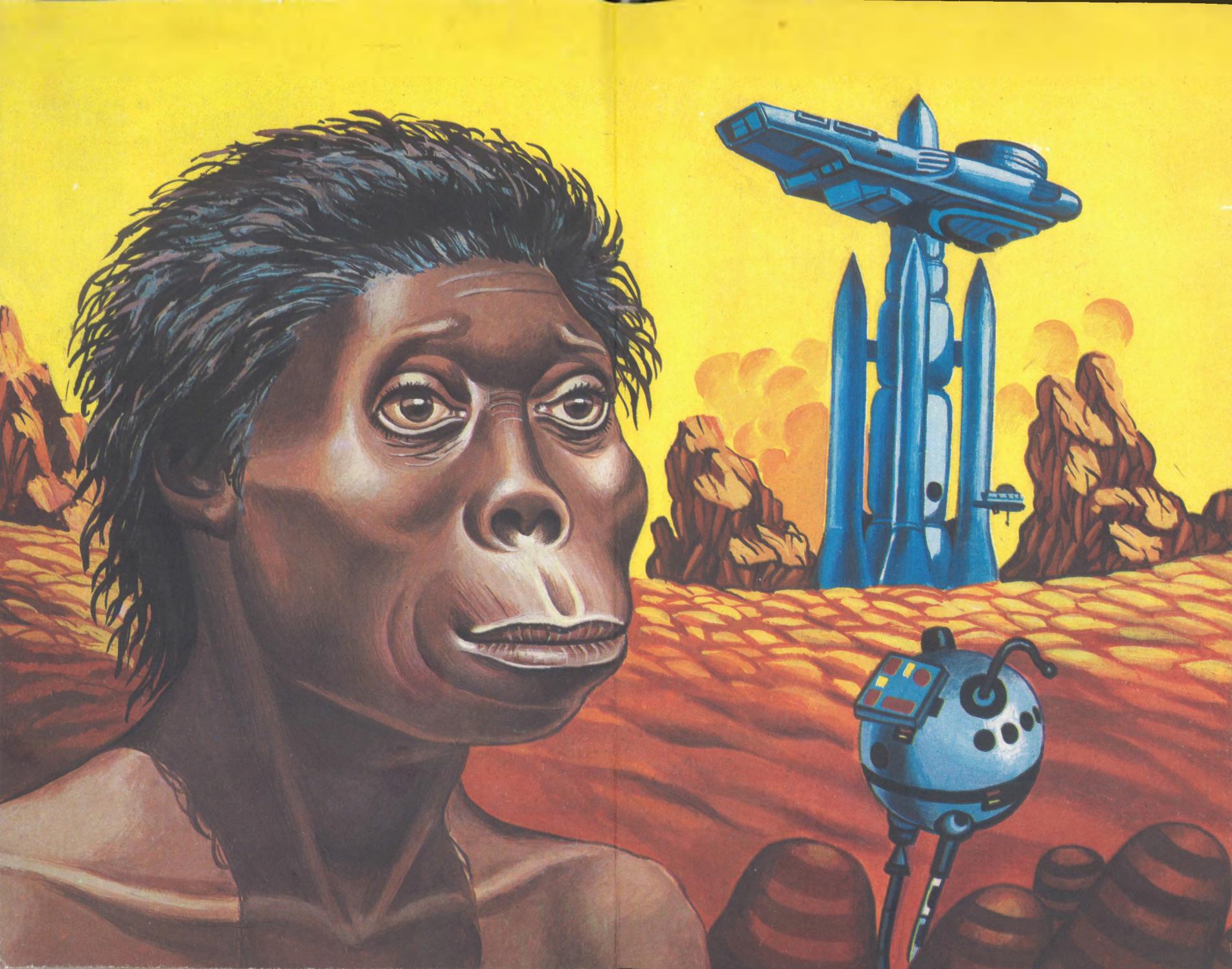

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

11

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume eleven

**INVASION: EARTH
PLANET STORY
THE MEN FROM
P.I.G. AND R.O.B.O.T.**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга одиннадцатая

ЦЕЛЬ ВТОРЖЕНИЯ –
ЗЕМЛЯ
ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ
ПАРНИ ИЗ
СВИН И РОБОТ

Издательская фирма «Полярис»
1994

Invasion: Earth

Copyright © 1982 by Harry Harrison

Planet Story

Copyright © 1979 by Harry Harrison

The Men from P.I.G. and R.O.B.O.T.

Copyright © 1974 by Harry Harrison

Цель вторжения — Земля

© 1994 А. Жаворонков, перевод на русский язык

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, оформление,
составление

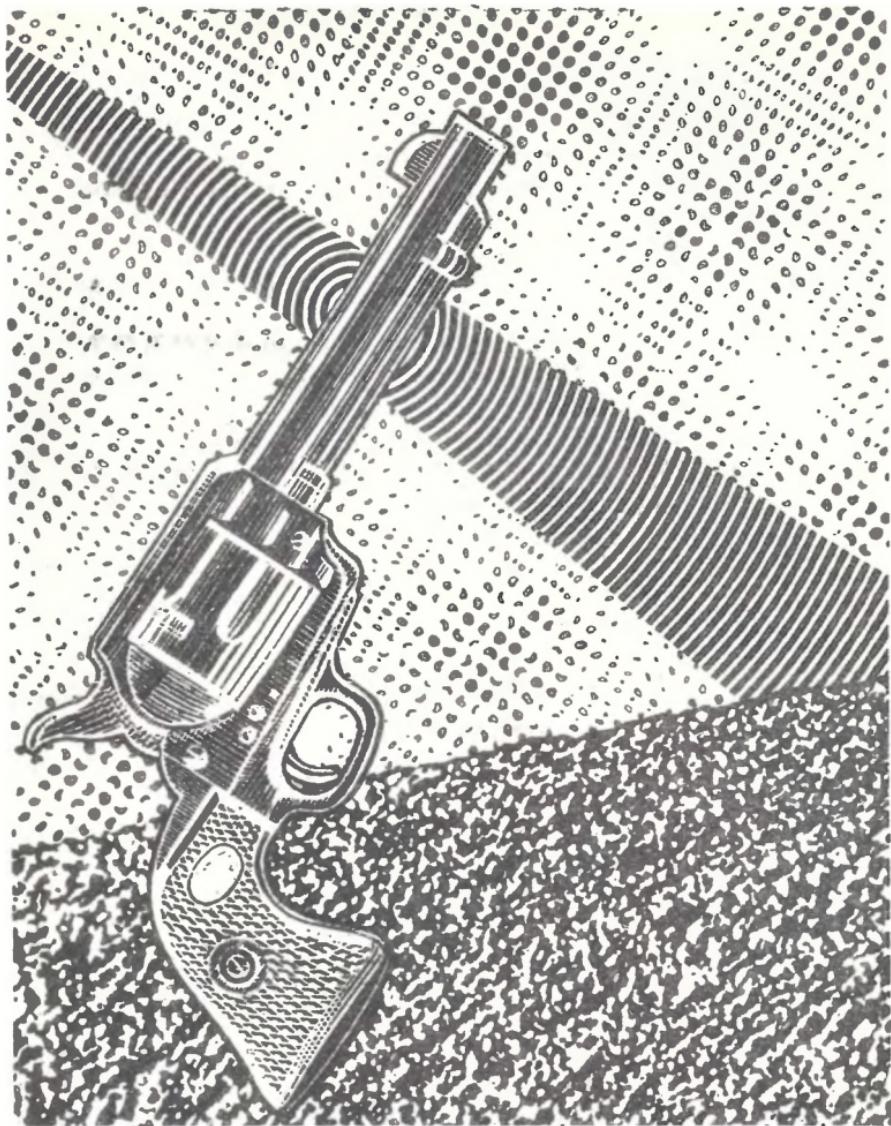
© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Всякое
коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с письменного
разрешения издателя.

ISBN 5-88132-076-X

**ЦЕЛЬ
ВТОРЖЕНИЯ –
ЗЕМЛЯ**

Пролог ПРИБЫТИЕ

Объект появился со стороны Тихого океана перед самым рассветом. Несся он со скоростью метеора и по всем законам физики должен был бы в плотных слоях атмосферы вспыхнуть как спичка. Но не вспыхнул. Над Канзасом объект резко сбросил скорость с пятикратной звуковой до трехкратной. Он мчался уже над штатом Аризона, а вызванная его полетом ударная волна только достигла береговой линии Калифорнии. Грохнуло так, что в домах вышибло множество окон, в магазинах и офисах сработали бесчисленные сигнализации, истошно взвыли собаки. В то же самое мгновение ожила радарная система раннего обнаружения. Атака вероломного врага!

Немедленно покинули взлетные полосы истребители-перехватчики, реактивным снарядам класса «земля-воздух» был дан нулевой отсчет, межконтинентальные ракеты в пусковых шахтах были приведены в боевую готовность. Но военные действия так и не были начаты, и сопровождаемый нацеленными ракетами неизвестный объект менее чем за тридцать минут пересек всю территорию Соединенных Штатов с запада на восток.

— Черт знает что такое! — выразил общее мнение командир радарного комплекса. — Проклятая штука,

во-первых, появилась вовсе не оттуда, откуда бы следовало, во-вторых, летит слишком низко, и, в-третьих, самое главное, скорость... Не знаю, что за пташка к нам залетела, но вряд ли это — русская ракета.

— Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы. — Не спуская глаз с красного телефонного аппарата, дежурный офицер криво улыбнулся.

Через минуту пронзительно затрезвонил красный телефон — должно быть, президент, получив ответы на свои не терпящие отлагательств вопросы, закончил разговор по «горячей линии» с Москвой. Дежурный офицер немедленно прижал трубку к уху.

— Есть, сэр! — он кивнул и повесил трубку. — Да, полковник, вы правы, эту птичку запустили не русские. Они удивлены не меньше нашего, да и разведка уверяет, что в воздух объект поднялся не с советской территории и не с их военного объекта или базы. Но если мы имеем дело не с ракетой русских, то...

Свои соображения о происхождении неизвестного летательного аппарата он не высказал вслух, остальные офицеры тоже молчали и наблюдали.

Пересекая границу штата Нью-Джерси, объект столь же внезапно, как прежде затормозил, опустился до тысячи футов и свернулся на север к острову Манхэттен. Маневр он произвел без виража — просто повернулся на девяносто градусов, и на экране следящего за его перемещением радара появилась идеальная буква «L».

Объект держал курс к Всемирному Торговому Центру — самому высокому зданию мира.

Шэрон Форкнер стояла у южного окна своего офиса и, любуясь открывающейся с высоты девяностого этажа панорамой Нью-Йорка, обдумывала, что купит по дороге домой. Неожиданно ее внимание привлекло темное пятнышко у горизонта. Пятнышко с каждым ударом сердца росло и вскоре превратилось в стремительно приближающийся огромный блестящий предмет. У Торговой Башни предмет резко развернулся и, зацепив стену, со страшным ревом пронесся мимо. Рядом с Шэрон вскипал пластик, поднялось облачко пыли, и в стене появилось аккуратное отверстие футов десяти в диаметре. В отверстие хлынул поток солнечно-

го света, а Шэрон, лишившись чувств, повалилась на крышку письменного стола и медленно сползла на пол.

Пролетев между Торговыми Башнями, объект приступил к снижению. Над Сорок Второй улицей скорость его медленно упала со сверхзвуковой до звуковой. На высоте менее фута над крышами небоскребов центра города объект начал рыскать по сторонам, а, оказавшись над Пятьдесят Девятой улицей, камнем устремился вниз. Солнце закрыла черная тень, и люди на улицах в ужасе задрали головы. Объект, будто намеренно выбрав местом крушения Центральный парк, обрушился на поросший травой покатый склон и, прежде чем остановиться, пропахал во влажной земле глубокую борозду. При его падении погиб одинокий посетитель парка и нянька, катившая перед собой коляску с младенцем. Всего три человека — три жертвы крушения. Упали летательный аппарат минутой раньше, жертв было бы гораздо больше.

Оглушительный грохот стих, отовсюду послышались крики, раздались пронзительные свистки полицейских, в отдалении звучали сирены.

Глава 1

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ С НЕБЕС

Нью-Йорк — город, привыкший к неожиданностям и реагирующий на них молниеносно. Через пять минут после катастрофы толпа зевак была оттеснена полицейским кордоном; с дерева силой сняли оператора со стрекочущей камерой; два-три фотографа, отчаявшись подойти к неизвестному объекту ближе, снимали через плечи полицейских; на крыше здания редакции «Дейли Ньюс» побежала светящаяся реклама: «ЗАПЛАТИМ НАЛИЧНЫМИ ВСЯКОМУ, КТО ПОЗВОНИТ НАМ И СООБЩИТ ПОЛУЧЕННУЮ ЧАСТНЫМ ПУТЕМ ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О КАТАСТРОФЕ. ИНКОГНИТО ГАРАНТИРУЕТСЯ». Еще через пять минут на место происшествия прибыло пять пожарных машин, следом за ними — полицейские патрульные автомобили.

Когда через добрых полчаса на обезлюдевшем участке парка приземлился военный вертолет, ситуация была уже полностью под контролем полиции.

— Я беру командование на себя, — воскликнул грузный генерал, выбирайсь из кабины вертолета.

— Вы арестованы, — сообщил ему седовласый капитан полиции с лицом столь же выразительным, как глыба гранита и, будто заряженный пистолет, нацелил на пилота палец. — Чтобы взлететь и покинуть эту зону, лейтенант, у вас десять секунд. Пошевеливайтесь!

Два здоровенных полицейских сноровисто вывернули руки генерала за спину и защелкнули на запястьях наручники.

— Вы не имеете права!.. — заорал было тот, но пилот поспешил завел двигатели, и ругательства генерала заглушил рев пропеллеров.

Роб Хейуорд как раз в эту минуту достиг полицейского кордона и стал свидетелем ареста генерала. Стрев с лица улыбку, он достал из кармана удостоверение личности и двинулся через заградительную линию к капитану полиции.

— Я — полковник Роберт Хейуорд, возглавляю отдел секретной службы BBC восточного побережья, — представился он. — Вот мое удостоверение личности.

Хмуро оглядев появившегося рядом высокого голубоглазого загорелого крепыша, чей нос, несомненно, был не раз сломан, капитан полиции впился глазами в документ.

— Что вам здесь нужно, полковник?

— Для начала, капитан, поделюсь с вами некоторой информацией. Штуку, которая здесь свалилась, мы заsekли около часа назад, когда она пересекала западное побережье. Что это такое, мы не имеем ни малейшего представления... Операцию по изучению неизвестного объекта санкционировал лично президент. Правительственная исследовательская команда и армейские части — в пути и появятся здесь с минуты на минуту. До их прибытия я бы рекомендовал вам отодвинуть кордон еще на сотню ярдов и очистить улицы и здания прилегающего к этой части парка района.

Капитан коротко кивнул:

— Хорошо, полковник, я принимаю ваши рекомендации.

Повысив голос, чтобы перекрыть хриплые вопли и угрозы генерала, он отдал приказы. Роберт Хейуорд подошел к капитану еще ближе и почти прошептал ему на ухо:

— Ваш пленник — генерал Хаукер, командующий гарнизоном острова Говернор. У меня к вам просьба. Отпустите его под мою ответственность. Снаружи полицейского кордона, разумеется.

— Кто этот сукин сын, мне прекрасно известно. Если он вам нужен, то вы его получите. — На суровом лице капитана появилась и тут же исчезла улыб-

ки. — У меня нет к нему личной неприязни, я лишь расставил точки над «и» и показал, кто есть кто.

Стемнело, но парк заливали лучи прожекторов, и светло было как днем. Полицейских сменили солдаты. На траве, по-прежнему неподвижный и немой, лежал покрытый бороздами девяностофутовый клин из блестящего темно-голубого металла. На него, кроме бесчисленного количества разнокалиберных стволов, были направлены датчики записывающей и измерительной аппаратуры. Десяток офицеров и ученых, в числе которых был и Роб Хейуорд, ярдах в трехстах от объекта решал, какими будут следующие шаги.

— Пусть доброволец подойдет к этой штуке и постучит по ней молотком, — предложил генерал Хаукер.

Стоящий рядом ученый презрительно фыркнул.

— Есть более совершенные способы коммуникации, генерал. Например, радиосвязь. Можно подать сообщение, плавно меняя частоту. Можно также использовать инфракрасное и ультрафиолетовое излу...

— Тридцатидюмовые корабельные орудия лучше всяких радиоволн сообщат им, что мы рядом, — глубокомысленно заметил адмирал.

Роб с советами не лез, резонно полагая, что, что бы ни надумали старшие чины, все равно он вскоре возглавит команду исследователей неизвестного летательного аппарата. Там, в деле, он себя и покажет.

Внезапно ожила громкоговоритель на крыше передвижной радиостановки:

— От объекта поступило сообщение на коротких волнах. Демодулированные звуки...

От темного клина отделилась и упала на землю металлическая плита. Страшный грохот от ее падения заглушил голос оператора. Солдаты с оружием наизготовку замерли, их пальцы на спусковых крючках побежали от напряжения.

Вперед вышел генерал Белтайн и, постукивая по бедру старомодной тростью, закричал:

— Огонь не открывать! Повторяю, без приказа огонь не открывать!

Убедившись, что приказ понят, он расслабился, повернулся и стал вместе со всеми смотреть на распахнувшийся вдруг вход в корабль инопланетян.

В наступившей тишине томительно тянулись минуты. Ничего не происходило. Генерал жестом подозвал адъютанта и тихо отдал распоряжение. Адъютант быстро приблизился к нетерпеливо смотревшим на него офицерам и, внимательно вглядываясь в лица, зашагал между ними. Подойдя к Робу, козырнул.

— Полковник Хейуорд?

Роб тоже отдал честь.

— Да.

— Сэр, вас зовет генерал.

Роб последовал за адъютантом.

— Из Пентагона поступило распоряжение, — сказал генерал. — Если эта штуковина поведет себя агрессивно, то нам надлежит немедленно ее уничтожить. Если же нет, то в действие вступает план «эль шестьдесят семь». Если не ошибаюсь, полковник, за выполнение этого плана ответственны вы и ваши люди?

— Так точно, сэр. План «эль шестьдесят семь» как раз и разработан для подобных обстоятельств.

— И вы что же, предвидели такое?

— Разумеется, нет, сэр, но несколько лет назад мудрецы в Пентагоне разработали планы для всех мыслимых и немыслимых ситуаций. Был среди них и план «эль шестьдесят семь» — последовательность оперативных действий на случай приземления неопознанного летающего объекта.

— Ясно.

— Могу я приступить, сэр?

— Ваши люди на месте?

— Так точно, сэр, мои ребята с записывающей аппаратурой заняли исходную позицию.

— Тогда действуйте. Желаю удачи.

— Спасибо.

Отдав короткое распоряжение в портативную радиацию, Роб направился в сторону временного лагеря.

«Эль шестьдесят семь»! План, над которым потешались все, кому не лень! Что, если приземлится летающее блюдце?! Ха-ха! Теперь эти весельчаки даже не улыбнутся.

Подойдя к палатке, Роб откинул клапан, вошел внутрь. Сержант Грут протянул ему портупею с притороченным снаряжением.

Черный, широкоплечий, шести футов и шести дюймов росту, Грут выглядел под стать своему характеру. Южную Африку он покинул, когда ему не было еще и двадцати, но дел там, видимо, натворил немало, раз до сих пор числился в розыске у местной полиции. Попав в Соединенные Штаты, он тут же завербовался в армию, и теперь его послужной список, как и репутация мастера рукопашного боя, ошеломляли любого. С Робом он работал вот уже шесть лет, и между ними сложились почти дружеские отношения.

— Известно что-нибудь новое об этой штуке? — спросил Грут.

— Лишь то, что минут пять назад в ней открылась дверь, так что внутрь пойдем вслепую. Шетли, готов?

Молча кивнув, капрал Шетли закинул за спину тяжелый коммуникационный ранец и застегнул ремни.

У всякого, кто глядел на долговязого и тощего Шетли и слушал его протяжную речь, создавалось впечатление, что он неудачно пародирует киношного контрабандиста с гор Теннесси. Шетли по праву слыл непревзойденным спецом в радиоэлектронике; его коллеги уверяли, что он починит и заставит работать любой прибор, созданный руками человека.

Приторочив к бедру катушку и отмотав с нее метра полтора кабеля, Шетли включил снабженную многочисленными микрофонами видеокамеру и доложил:

— Запись начата.

— Тогда вперед.

Роб затянул ремни шлема и вышел из палатки, сержант и капрал — следом. Снаружи их ожидало отделение прикрытия. Солдаты без приказа, как проделывали сотни раз на тренировках, последовали за командой разведчиков и по мере продвижения останавливались один за другим, охраняя тянувшийся от Шетли к записывающей аппаратуре в палатке кабель. Трансляция, конечно, шла и по радио, но не без основания предполагалось, что радиосигнал пропадет, едва разведчики окажутся внутри металлического корпуса летательного аппарата. Охраняющие объект солдаты расступились, пропуская их, и тут же вновь сомкнули ряды. Подойдя

к космическому кораблю на расстояние вытянутой руки, Роб остановился и проговорил в микрофон:

— Вход — прямо передо мной. Проем — прямоугольной формы, восьми футов высотой. Стены — металлические, не меньше фута толщины. Пол внутри — тоже металлический, светло-голубой, без видимых не вооруженным глазом соединений, надписей или символов. Вижу впереди коридор. Метрах в трех-четырех коридор сворачивает. Вхожу в корабль.

Роб перепрыгнул порог и, едва каблуки со стуком коснулись металлического пола, двинулся по коридору. У поворота остановился, поджидая остальных.

— Как связь? — спросил он у Шетли.

— Все системы функционируют нормально, — доложил тот. — Получится недурственный любительский фильм.

— Держитесь рядом на случай, если мне понадобится помочь.

Грут издал неподдающийся расшифровке хрюкающий звук, но Роб его отлично понял — мол, не волнуйся, не подведу.

— Двигаемся по коридору, — сообщил Роб в микрофон.

Он вновь медленно пошел вперед, но замер, услышав за спиной голос Шетли:

— Радиоконтакт с Центром потерян. Связь теперь ведется только по проводам.

Роб кивнул и двинулся дальше, давая на ходу пояснения:

— Вижу перед собой двери. Останавливаюсь у ближайшей. Ручки на двери нет, но в середине на уровне моей груди — оранжевый диск. Прикасаюсь к нему.

Роб протянул руку, но прикоснуться не успел — когда его пальцы оказались в шести дюймах от диска, раздался резкий металлический щелчок, и дверь беззвучно скользнула в порог.

Разведчики заглянули внутрь. Роб непроизвольно выдохнул, Шетли за его спиной выругался сквозь зубы, Грут же, сохранив спокойствие, слегка повел автоматическим пистолетом сорок пятого калибра, который держал в правой руке. Роб отодвинул ствол пистолета в сторону и хрипло сказал:

— Оружие нам здесь не понадобится. — Прочистив горло, он продолжил: — Для записи. Дверь откры-

лась. Похоже, перед нами — рубка управления летательного аппарата. Вижу множество различных приборов. На обзорных экранах — необыкновенно четкая картинка, изображение окружающей местности. Пилоты, если это пилоты, определенно мертвы. Один лежит на полу, за креслом; другой сидит, склонившись в кресле. Вижу на их телах многочисленные раны. На полу, рядом с лежащим — лужа зеленой жидкости, видимо, крови... Приближаюсь к существам.

Роб осторожно вошел в рубку, подчиненные прикрывали его, держась на шаг сзади. Атаки не последовало. В рубке кроме двух мертвецов не было никого. Роб подошел к ним и поманил рукой Шетли.

— Ближе камеру, капрал.

— Секундочку, полковник, только наверну телескопический объектив. Я предпочел бы не подходить к...

— Кому сказано: ближе камеру! И держи голову правей, а то испортишь наш замечательный фильм.

— Есть, полковник.

— Стой, где стоишь, снимай прямо перед собой. Для записи. Мертвое существо на полу — приблизительно семи футов длиной. На нем нечто вроде кожаной упряжи с прикрепленными к ней инструментами неизвестного назначения. Другая одежда отсутствует. Все тело покрыто спутанным темным мехом, и анатомические детали не различимы. На теле — многочисленные порезы и кровоподтеки. На руках — по шесть... нет, по семь пальцев. На концах пальцев вместо ногтей — крошечные коготки. На голове — два остекленевших глаза. Ушные раковины отсутствуют. Нос — прикрытая кожаным клапаном щель. Рот широко открыт. Зубы... острые и зазубренные, расположены двумя рядами, как у акулы. Выглядит крайне омерзительно. Именно омерзительно: более точного определения я подобрать не в силах. Не хотелось бы встретить такого ночью. — Не подозревая, что дрожит всем телом, Роб отвернулся. — Сюда вернемся после того, как осмотрим весь корабль. — Роб вышел из рубки и зашагал по коридору, давая на ходу комментарии. Грут и Шетли следовали за ним. — Снова в коридоре. Коридор абсолютно пуст, маркировка на стенах отсутствует. Передо мной — четыре двери, идентичные той, через которую мы попали в рубку. Подхожу к ближайшей, попытаюсь ее открыть.

Роб колебался, сам не зная почему. Возможно, его страшила мысль о встрече лицом к лицу с тем, кто скрывается за дверью. Он почувствовал, как на его голове шевелятся волосы.

Эмоции... Черт бы их побрал!

Переборов себя, Роб протянул руку к оранжевому диску. Щелчок, и дверь ушла из поля зрения. Вперед выпрыгнуло мерзкое, покрытое мехом существо — из оскаленной пасти несется протяжный вой, широко открытые глаза горят безумным блеском.

Оружие в руках существа качнулось в сторону людей.

Глава 2

НА ЧУЖКОМ КОРАБЛЕ

Повинуясь рефлексу, Роб бросился на пол. Падая, увидел, что оружие в руках чужака изрыгнуло струю пламени. Тут же над ухом загрохотал сорок пятый калибр — Грут всадил по пуле в каждый глаз атакующего существа, остальные — в тело. Тяжелые пули развернули врага, отбросили назад, раздробили голову.

Роб поспешил перекатиться на бок. Вовремя — чужак с шумом упал мордой вниз как раз туда, где секундой раньше лежал Роб. Под чужаком что-то глухо бухнуло, мохнатое тело подбросило на добрый фут, затем оно упало и застыло, скорчившись. В наступившей тишине гулко звякнул об пол металлический предмет, и громко клацнуло — Грут заменил пустую обойму в пистолете на новую.

— Полковник, отодвиньтесь, пожалуйста, я переверну эту тварь, — сказал Грут. Опасливо косясь на мохнатое тело, Роб поднялся. — Будьте уверены, полковник, хлопот он нам больше не доставит — десять пуль сделали свое дело.

Нацелив на существо пистолет, Грут перевернул его одним мощным рывком левой руки. В потолок уставились пустые глазницы.

— Похоже, ружье взорвалось у него в руках, — заметил Грут, указывая на искалеченные руки существа и на раскуроченное оружие.

Роб кивнул:

— Похоже. Во всяком случае, с ним кончено. Осмотрим каюту.

Грут быстро и бесшумно вошел внутрь, через десяток секунд вернулся и доложил:

— Там полным-полно машин, вроде тех, что мы уже видели, но мохнатым тварям спрятаться негде. Пусто.

Опасность с флангов была устранена. Вспомнив вдруг, что минутой раньше слышал крик боли, Роб повернулся. Шетли лежал на полу, сжимая правой рукой окровавленное левое плечо, рядом по-прежнему жужжала видеокамера.

— Вот, зацепило, — сообщил Шетли хрипло.

— Сейчас посмотрим. Грут, прикрой нас.

Роб, склонился над товарищем, расстегнул на нем ремни коммуникационного ранца, начал снимать одежду. Шетли едва слышно застонал. Неизвестное оружие проделало аккуратную сквозную дырку в теле капрала точно под ключицей. Роб задумался, вспоминая анатомию. Кажется, снизу к ключице крепится тьма-тьмущая мышц, но, к счастью, крупные кровеносные сосуды проходят стороной. Плохо, если зацепило и лопатку. Но не похоже, кровь уже свернулась. Роб присыпал входное и выходное отверстия содержащим антибиотики порошком из своей аптечки, наложил тугую повязку.

— Просунь руку под жилет. Вот здесь. Он послужит перевязью, пока мы выведем тебя назад...

— Полковник, разрешите остаться. Мы вместе начали это дело, вместе и закончим, а с камерой я управлюсь и одной рукой.

После секундного раздумья Роб кивнул. Команда есть команда, члены ее привыкли работать сообща, и если Шетли потянет, то операцию лучше закончить вместе.

— Убедил. Пойдем дальше, но если станет невмоготу, то сразу же доложишь. Договорились?

— Есть, полковник.

— Хорошо. — Достав свой автоматический пистолет сорок пятого калибра, Роб осмотрел комнату и убедился, что опасности действительно нет. — Пойдем, взглянем на остальные помещения корабля. Счи-

тайте, что обстановка боевая. Прежде чем я протяну руку к оранжевому диску, становитесь у стены по сторонам от двери, и когда она откроется, стреляйте по любому двигающемуся предмету. Сержант, готов?

Грут кивнул, не спуская глаз с пустого коридора.

Роб медленно и осторожно подошел к следующей двери и, встав слева от нее, обернулся. Увидев, что Шетли с камерой наготове занял позицию за ним, вне опасной зоны, а Грут — справа от двери, он приблизил ствол пистолета к оранжевому кругу. Дверь пошла вниз, и Роб поспешил отпрыгнуть. Из дверного проема никто не выскочил. Через мгновение Грут оказался внутри. Роб последовал за ним. Тускло освещенную комнату заполняли огромные машины, инопланетянам спрятаться было негде. Оглядев каюту, разведчики вновь вышли в коридор.

— Остались еще три двери, — сказал Роб. — Войдем в них так же, как в последнюю.

Открылась следующая дверь. Внутри никого. После напряжения последовало расслабление. Еще дверь. За ней — снова заполненное механизмами помещение, инопланетян нет и следа. Разведчики заняли исходную позицию у последней двери. Роб протянул руку с пистолетом к оранжевому кругу. Дверь не шелохнулась. Не открылась она и после того, как Роб коснулся хитроумного механизма стволом пистолета.

— Заперто. — Роб толкнул неподатливую дверь плечом. — С чего бы это? — Подумав с минуту, он пребежал пальцами по кнопкам на шлеме и сказал в микрофон: — Отделение прикрытия, как слышите меня? — Дождавшись ответа, продолжил: — Хорошо. Видите меня на мониторах?.. Хорошо. Пусть доброволец привнесет сюда газовый резак. И побыстрей... Что?.. Никак нет, сэр. Иного способа нет... Мы отойдем, как только закончим... Последняя дверь, и летательный аппарат в полном вашем распоряжении... Есть, сэр. Остаемся на месте, пока не принесут резак. Конец связи.

Потянулось томительное ожидание. Шетли сел, привалившись спиной к металлической стене; Грут, не спуская настороженного взгляда с коридора, напряженно думал, от чего его лоб покрылся морщинами. Наконец он прервал молчание:

— Полковник, как по-вашему, кто эти волосатые твари?

— Понятия не имею, сержант. Знаю лишь, что они не с Земли.

— Марсиане?

— Нет, они не с Марса. И не с Венеры. И, вообще, вряд ли из нашей Солнечной системы. Они прилетели с Другой звезды. После нас корабль детально обследуют специалисты и непременно разузнают о его создателях больше.

— Не по душе мне тварь, что на нас напала.

— Полностью с тобой согласен...

По коридору разнесся шум. Разведчики, как по команде, повернулись и тут же опустили оружие — к ним, хотя и сгибаясь под тяжестью газового баллона, быстро приближался солдат.

— Поставь баллон и уходи, — приказал ему Роб.

— Есть, сэр.

Оставив баллон и резак у двери, солдат развернулся и опрометью кинулся к выходу. Роб протянул было руку к горелке, но Грут опередил его.

— Полковник, я не раз пользовался ацетилено-кислородным резаком, так что доверьте его мне. Вы же лучше прикройте меня с тыла.

— Договорились.

Роб встал с пистолетом наготове у двери, сержант вытащил из нагрудного кармана черные очки, надел их и повернул вентиль. Из горелки вырвалась светящаяся струя голубого пламени. Отрегулировав давление, Грут направил пламя на дверь.

Металл, видимо, был тугоплавким, так как засветился и начал плавиться лишь через добрый десяток секунд. Еще через минуту в двери появилось сквозное отверстие, и сержант повел горелку вниз. Постепенно удлиняясь, разрез достиг оранжевого круга в середине двери. Брызнул фонтан ослепительных желтых искр, сработал, должно быть, невидимый механизм, и дверь пришла в движение. Грут отпрыгнул влево, выключил горелку и выхватил пистолет, Роб прижался к стене с другой стороны открывшейся двери.

В коридор никто не выскоцил, из комнаты не доносилось ни звука. Роб, а затем и Грут, заглянули туда. Комната была погружена во мрак, видим был лишь освещенный светом из коридора пол у порога.

Сняв с головы шлем, Роб положил его на пол, включил фонарь, укрепленный наверху шлема, и отскочил.

Глазам разведчиков предстали темные силуэты. Механизмы. Роб вытянул ногу и носком ботинка слегка повернул шлем. Фонарь осветил другую часть комнаты. Снова механизмы. Роб вновь коснулся ботинком шлема. Луч метнулся в противоположном направлении и, вырвав на долю секунды из темноты что-то бесформенное, белое у дальней стены, вновь осветил инопланетные устройства.

— Оно перемещается! — воскликнул Грут. — Шевелится, черт его дери! Полковник, держите свет на нем, я войду.

Роб направил фонарь на шевелящееся белое пятно, а сержант с необычайным для человека его габаритов проворством проскочил в дверь, отпрыгнул в тень и прицелился в застывшую в луче света фигуру из пистолета.

Белое существо стояло, подняв руки. Нет, не подняв... Его руки были прикованы к стене. Голова существа повернулась к разведчикам, губы зашевелились.

— Товарищ... Помогай...

Грут ошеломленно потряс головой.

— Все-таки русские!

Глава 3

ЧУЖАК

Полковник Роб Хейуорд, подняв и надев на голову шлем, повернулся так, чтобы свет падал на прикованное к стене существо, и пробормотал:

— Хоть он и говорит по-русски, но на русского не похож. Что он сказал?

— Товарищ, помогай, — ответил Грут. — По-английски это — друг, помоги. Но я этому уроду не друг!

В ярких лучах света было видно, что существо даже отдаленно не напоминает человека — безволосое тело покрыто гладкой кожей или, возможно, пластиком; не видно даже признаков шеи, отчего кажется, что овальная голова крепится прямо к плечам; рот — широкая щель в нижней части лица; на черепе — отверстия неправильной формы; одно из них через равные интервалы времени открывается и закрывается; почти человеческие, но с лишним суставом руки заканчиваются двумя расположенными друг против друга пальцами, напоминающими большие пальцы людей; на запястьях — металлические кольца; цепи от них крепятся к стене.

На левой стороне головы чужака появилось еще одно отверстие, и существо проговорило, причем — не раскрывая рта:

— Это есть... Вы говорите на другой язык?

Слова, хотя и были произнесены с сильным акцентом и сопровождали сущим ухо дребезжанием, были вполне понятны.

— Да, мы говорим по-английски, — подтвердил Роб и бросил быстрый взгляд через плечо на капрала Шетли. — Записываешь?

— Так точно, но будь я проклят, если понимаю, что происходит!

— Я... мне... больно, — задребезжало прикованное существо. — Мои руки... Больно.

Расстановка сил вполне устраивала Роба, и он спросил:

— Как тебя зовут?

— Я зовусь Хес'ю. Я есть оинн. Мне больно.

— Ответь на несколько вопросов, и мы тебя освободим, — предложил Роб. Чужак молчал, и Роб спросил: — Что тебе известно о безобразных мохнатых тварях, которые управляли этим кораблем?

Слова Роба произвели на чужака потрясающий эффект: рот наконец-то приоткрылся, причем выяснилось, что ротовая полость — черного цвета, глаза потускнели, руки в кандалах мелко затряслись.

— Блеттеры!.. — По телу чужака пробежала новая волна дрожи, глаза вновь вспыхнули. — Мне больно.

«Рано или поздно Хес'ю придется освободить», — размышлял Роб. — Если мы сделаем это раньше, то, вероятно, расположим инопланетянина к себе».

Он принял решение.

— Хорошо, мы освободим тебя от оков. Грут, неси резак.

— Не нужно резак... Надо мной... — Хес'ю поднял голову. — Панель управления. Тронь цветная пластина.

На стене над чужаком находился оранжевый диск — уменьшенная копия механизмов, открывающих двери. Грут поднес к диску руку. В стене щелкнуло, цепи распались, а Грут поспешил отступить, держа наготове пистолет.

Руки Хес'ю безвольно повисли, и он, покачнувшись, повалился лицом вниз. На полу он пролежал не более секунды, затем одним гибким движением поднялся. Отметив про себя, что многосуставчатые ноги чужака сделаны из блестящего металла, Роб включил радио в шлеме.

— Отделение прикрытия?.. Слышу вас хорошо. Трейлер еще не прибыл?.. Ладно, сообщите, как только люк корабля будет загерметизирован, а я, пока есть время, расспрошу нашего нового знакомого. Конец связи. — Выключив радио, Роб обратился к Хес'ю: — Я задам тебе несколько вопросов.

— У меня нет на них ответов.

Земляне помогли пленнику, спасли ему жизнь, просят в ответ лишь информацию, а он...

Повинуясь внезапному импульсу, Роб мастерски сымитировал слова Хес'ю:

— Мне больно!..

Наделен ли чужак достаточным разумом, чтобы понять скрытый смысл, который Роб вложил в свое кривляние? Поймет ли, что ему напоминают, кто его только что спас?

Чужак долго, не мигая смотрел на Роба, затем опустил голову.

— Ты напоминаешь мне о боль. И что вы помогли мне. Я благодарен. Но многое вам не понять... Трудно объяснить. Я иметь... Клятва?.. Клятва, которую не могу нарушить. Трудно... Блеттеры, они живы?

— Когда мы пришли, двое в рубке были уже мертвые, третий напал на нас и был убит. Другие здесь есть?

— Нет, их было только трое. Сейчас соберусь с мыслями и расскажу вам все, что необходимо.

В эту секунду ожили наушники в шлеме Роба.

— Есть, сэр, — сказал он в микрофон и обратился к чужаку: — У выхода из корабля стоит набитый электроникой стерильный трейлер. Мне приказано доставить тебя туда.

— Некоторые слова... Я не понимаю.

Роб холодно улыбнулся:

— Моя миссия — лишь первый контакт. Как только я доставлю тебя в трейлер, моя работа закончена, тобой займутся специалисты.

Хес'ю молча кивнул. Роб направился в коридор, остальные последовали за ним. Сержант Грут держал правую руку рядом с кобурой — он не доверял никому и ничему.

Хес'ю покосился на мертвого блеттера в коридоре, заглянул в рубку, но ничего не сказал. Вход в корабль был запечатан воздушным шлюзом. Миновав его, разведчики и чужак оказались в трейлере. Пока Грут

закрывал герметичную дверь, Хес'бю подошел к ближайшему окну и выглянул наружу. Сверкание фотовспышек, должно быть, причинило ему боль, и он, закрыв глаза руками, поспешно отступил в глубь трейлера.

— Что это? — спросил чужак, указав на телекамеры и экраны мониторов, с которыми возился Шетли.

— Сядь здесь и повернись лицом к камерам, — велел ему Роб. — На экранах появятся люди и зададут тебе вопросы.

— А их самих здесь не будет? Здесь, живьем?

— Живьем? Нет, разговор будет вестись на расстоянии.

Звякнув по полу металлическими ногами, Хес'бю повернулся и направился в дальний угол салона, вне зоны видимости камер.

— Скажи им «нет». Я буду разговаривать только с тобой.

Роб подал знак Шетли.

— Включи оперативную радиоцию. — Он снова повернулся к чужаку. — Властям придется не по вкусу подобный оборот дел. Они спросят: «Почему?»

— Ответ прост. В вашем языке, как и в моем, есть слово «честь». Ты вошел в корабль, ты дрался и убил блеттера, ты обнаружил меня. Ты пришел живьем. Это — честь. — Хес'бю махнул двухпалой рукой на камеры. — Электрическое изображение — не честь. Я вести переговоры только с тобой.

Пронзительно затрезвонил телефон. Роб неохотно поднял трубку.

— Полковник Хейворд слушает.

— Я только что разговаривал с президентом, — раздался из трубки голос генерала Белтайна. — Он в курсе всего, что произошло внутри инопланетного корабля, и поздравляет вас с успешным выполнением операции. От его имени сообщаю, что он временно отстранил своих советников по вопросам науки и просит, чтобы вы продолжили работу с чужаком. Собственно, чтобы задавать вопросы, требующие незамедлительных ответов, эксперты не нужны. Приступайте, полковник.

— Спасибо, сэр. Сделаю все, что в моих силах.

«Вот так, — с горечью подумал Роб. — Вся ответственность ложится на мои плечи, а начальники, начи-

ная с президента и кончая генералами Пентагона, будут сидеть в безопасности и следить за событиями через мое плечо. И любая оплошность ими будет сразу замечена. Да и черт с ними! В конце концов, работа нехитрая — мне нужно всего-то задать несколько вопросов чужаку, а дальше за дело возьмутся спецы. Генерал прав — очевидные вопросы требуют немедленных ответов».

— Итак, вышло по-твоему, разговаривать с тобой буду только я, — сказал Роб чужаку. Тот удовлетворенно кивнул. — Первое и самое важное. Блеттеры, существа, которые управляли кораблем. Кто они такие?

— Блеттеры ненавидят все остальные формы разумной жизни. Они покинули свою звездную систему тысячи лет назад по вашей временной шкале и с тех пор расселяются по Галактике, убивая все живое.

— А твоя раса... Оинны. Правильно?

— Да.

— Какие у вас отношения с блеттерами?

— Мы воюем с ними. Деремся и отступаем, пытаемся выжить.

— Как ты оказался на борту разбившегося корабля блеттеров?

— Была битва, жестокая битва... В мой корабль попала ракета. Я потерял сознание, иначе бы живым они меня не взяли.

— Ты знаешь, зачем блеттеры прилетели на Землю?

— Я с ними не разговаривал, но догадаться несложно. Я видел тела в рубке управления. Видимо, их корабль был подбит... Подбит, правильное слово на вашем языке?

— Да.

— Наше оружие, попав в цель, изменяет структуру материи. Блеттеры были ранены, умирали. Корабль потерял управление... — Хес'бю вдруг подпрыгнул. — Я выглядывал наружу, видел там высокие здания. Поблизости большой город?

— Мы — в центре Нью-Йорка, одного из самых крупных и важных городов Земли...

— Нужно срочно попасть на корабль!

Чужак быстро пересек салон трейлера, стал ковыряться в устройстве, открывающем воздушный шлюз. Грут выхватил пистолет и прицелился в Хес'бю, но, увидев знак Роба, убрал оружие в кобуру.

— В чем дело? — спросил Роб у чужака.

— Внутри! — воскликнул тот.

Дверь шлюза открылась, и Хес'бю рванулся в корабль, Роб и его подчиненные — за ним. Чужак ворвался в рубку. Остановился, осматривая ряды приборов. Обнаружив то, что искал, подбежал к панели управления и протянул руку.

— Стой! — закричал Роб. Чужак замер. — Видишь оружие в моей руке? Точно таким же был убит блеттер, которого ты видел в коридоре. Если ты прикоснешься к чему-нибудь на пульте, то я убью и тебя. Убери руку.

Хес'бю неохотно опустил руку, медленно повернулся и взглянул Робу в глаза.

— Не останавливай меня. Я должен...

— Что?! И почему?!

— Отключить детонатор. Смотри, вот выключатель.

— Ну и что с того?

— Я знаю, почему блеттеры приземлились именно здесь!

— И почему же?

— Умирая, блеттеры задумали уничтожить ваш большой город и превратили для этого свой корабль в гигантскую бомбу. Пожалуйста, позволь мне выключить детонатор. Времени совсем не осталось!

Глава 4

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Хес'бю вновь протянул руку к пульту.

— Ничего не трогай! Если коснешься хотя бы одной кнопки, я немедленно открою огни! — Убедившись, что чужак отдернул руку от приборов, Роб включил радио. — Соедините меня с генералом Белтайном. Немедленно! Ситуация чрезвычайная! Генерал?.. Сэр, вы слышали, что у нас происходит?.. Каковы ваши инструкции?.. Жду на связи.

Три землянина и инопланетянин замерли в ожидании — Роб и Грут с пистолетами наизготовку, Шетли с камерой на шаг от них сзади, вне линии возможного огня, Хес'бю, печально склонив голову. Молчание затянулось.

— Есть, сэр! — воскликнул Роб, услышав команду, и опустил пистолет. — Боссы распорядились, чтобы ты действовал. По-моему, кроме как поверить тебе, им ничего не оставалось.

При первых же словах Роба Хес'бю схватил двухпалой рукой рычаг на пульте управления, потянул его на себя, другой рукой повернул три раза торчащую рядом ручку. Не торопясь отступил. Внутри пульта металлически заскрежетало, разом потухли индикаторные огоньки, стрелки на шкалах застыли.

— Сделано. — Хес'бю сгорбился. — Можно вернуться в комнату допросов.

В трейлере Хес'бю попросил воды, и ему дали стакан.

«По крайней мере один вопрос уже не требует ответа, — подумал Роб. — Хес'бю дышит земным воздухом, пьет обычную воду, следовательно метаболизм оиннов схож с основанным на окислении метаболизмом людей».

Роб тоже выпил немного воды, хотя предпочел бы сейчас стаканчик виски. Но работа... Работа прежде всего.

— Увидев нас впервые, ты заговорил по-русски, затем перешел на английский. Откуда тебе известны эти языки?

— Радио. Ваши радиотрансляции очень мощны. Вот уже многие годы мы перехватываем ваши радио- и телепередачи, и наши лингвисты давно изучили основные земные языки и обучили двум самым распространенным наиболее способных из нас. Интересные у вас языки.

«Ему, видишь ли, интересно! — подумал Роб. — Каким же разумом обладают оинны, если, слушая радио, не напрягаясь выучили абсолютно чуждые им языки? И какие у них на то были причины?»

Роб задал следующий вопрос:

— Зачем вы изучали наши языки?

— Потому что вот уже давно, столетия по вашему летоисчислению, мы предполагаем, что ваша планета подвергнется нападению блеттеров.

— На чем основано такое предположение?

— Сражаясь с блеттерами, мы отступаем, они нас преследуют, оттесняя все дальше от родных миров. Битвы год от года становятся все ожесточеннее. Отступая, мы по незнанию привели врага к вашей планете. Но мы имеем честь. Поэтому изучили ваши языки и подготовились к разговору с вами. Сожалею, что наша встреча произошла при столь трагических обстоятельствах.

Услышанное не понравилось Робу, и он, задумавшись, прищурил глаза.

— Ты намекаешь, что военные действия вскоре перекинутся на Землю?

— К сожалению, это так.

— И вы, конечно, полагаете, что земляне примут участие в галактическом конфликте на стороне оиннов? Выходит, вы втравливаете нас в войну?

— Нет, вовсе нет! Мы всего лишь предупреждаем, что вскоре на вас нападут блеттеры. В защите Земли мы, чем сможем, поможем вам.

— Ничего не скажешь, щедрый подарочек! Особенно учитывая, что захватчиков к нашей планете привели именно вы!

— Непреднамеренно.

— Конечно, непреднамеренно, но все же привели.

— Еще раз простите нас.

— А что, если мы не станем ввязываться в бойню?

— Боюсь, выбора у вас нет. Блеттеры, обнаружив Землю, не успокоятся, пока не уничтожат всех людей. Я уже говорил, что все разумные существа — их враги. Из космоса на ваши города посыпятся мощные бомбы, океаны будут испарены тепловыми лучами.

— И что вы предлагаете?

— Если позволите, мы снабдим вашу планету планетарным оружием защиты.

Внезапно поняв, что чертовски устал, Роб тяжело вздохнул, потянулся и сказал:

— Какое счастье, что я всего лишь задаю вопросы, а решение за властями. Извини, Хес'ю, я отлучусь на минуту.

Из аптечки в подсобном отсеке трейлера Роб достал стимуляторы, вскрыл упаковку и разом проглотил две пилюли. Похоже, игра в вопрос-ответ затягивается на-долго.

Часа через три Хес'ю неожиданно заявил, что утомился и, пока не отдохнет, не ответит больше ни на один вопрос. Роб и Шетли тоже валились с ног, сержанту же Груту все вроде было нипочем.

— Постите немного, сэр, — предложил он Робу. — А я присмотрю за нашим приятелем. Шетли, настрой аппаратуру на запись и тоже приляг.

— А ты справишься? — спросил у Грута Роб.

— Конечно, полковник. Кстати, есть о чем подумать.

— Всем есть о чем подумать.

— Верно. Пока вы говорили с Хес'ю, у меня в голове возник вопрос-другой. Например, почему у нашего приятеля стальные ноги?

— Хороший вопрос, непременно спрошу у него. Если тебе на ум придут другие вопросы, скажи мне.

— Хорошо, полковник.

— Уверен, генералам в ставке тоже есть о чем спросить чужака. Пока они размышляют, я, пожалуй, действительно вздрену. Разбуди меня, как только Хес'ю пошевелится.

— Есть, полковник.

Робу показалось, что он всего лишь мгновение назад коснулся головой подушки, но чья-то твердая рука уже тряслась его за плечо. Он неохотно открыл глаза и, заморгав, увидел склонившегося над ним с чашкой черного кофе в руке Грута.

— Хес'ю уже проснулся? — спросил Роб и облизал пересохшие губы.

— Еще нет, сэр, но на проводе генерал Белтайн. Срочно требует вас.

Роб встал и, глотнув обжигающий кофе, взял трубку.

— Слушаю вас, генерал.

— Привет, Роб. Похоже, у нас очередная экстремальная ситуация. Подробностей пока не знаю сам. Сейчас к вам подойдут двое. Один проинструктирует вас, другой — доктор — окажет помощь вашему подчиненному.

— Понял вас, сэр. Известно что-нибудь новое о чужих?

— Нет. Даже медики пока не дали заключение ни о нашем приятеле, Хес'ю, ни о волосатых тварях с корабля. Конец связи.

Генерал повесил трубку.

Что там еще за экстремальная ситуация? Непонятно, но Роб надеялся, что скоро все разъяснится.

Сунув в рот очередные две пилюли, Роб запил их кофе. Под действием стимуляторов учащенно забилось сердце, но в голове вроде прояснилось.

Раздался шелест — открылась герметичная дверь. Роб протер глаза, разгоняя остатки сна, и оглянулся. На пороге стояла девушка — длинные, черные как смоль волосы, проницательные черные глаза, симпатичное лицо, чуть полноватая, но в целом вполне приличная фигурка...

— Надя Андрианова? — удивленно спросил Роб.

Она кивнула.

— А вы, если не ошибаюсь, полковник Роберт Хей-урод. — Она подошла и крепко пожала Робу руку. — Рада встрече.

Хотя они не были знакомы, Роб знал ее, видел однажды на приеме в посольстве. Приятель из ЦРУ указал тогда на нее и сказал:

— Красивая девушка, не находишь?

— И что с того? — спросил Роб.

— У нее не только кожа как у персика, но и мозг — стальной капкан на бобров. Карьеру начала как переводчик КГБ. Занималась психоанализом, продолжала изучать языки. Сейчас говорит по крайней мере на пятнадцати и возглавляет отдел разведки в Вашингтоне. Хотел бы я, чтобы она была в нашей команде.

— Она — разведчик? — удивился Роб.

— Разведчик, но необычный. Она — ценнее дюжины шпионов. Читает все, издаваемое у нас в стране, начиная от передовиц в «Нью-Йорк Таймс» и кончая прогнозом погоды в газетенках заштатных городков. Сопоставляет, анализирует, обобщает информацию. Весьма колоритная леди...

И теперь Надя Андрианова вовлечена в самую секретную, по мнению Роба, армейскую операцию. Уму непостижимо!

Не зная, как себя вести, Роб предложил:

— Садитесь, пожалуйста. Кофе?

— Нет, спасибо, но от чашечки крепкого черного чая с сахаром не отказалась бы.

— Сейчас приготовлю, — сказал Грут и удалился в кухню.

Надя сняла с плеча и кинула на пол рядом с креслом объемистую сумку, а затем села, скрестив ноги, напротив Роба.

Отметив, какие у нее красивые стройные ноги, Роб уткнулся взглядом в чашку с кофе.

— Вам известно, что творится снаружи? — спросила Надя.

— Вы это о чем? — поинтересовался Роб.

— О вашем интервью с чужаком.

— А вы откуда знаете?

— Так ведь оно транслировалось по спутниковому каналу Организации Объединенных Наций.

— Генералы уверяли, что я выполняю секретное задание.

— Выходит, вы ничего не знаете?

— Нет.

— С трудом верится.

— Однако это так.

— Наши с вами страны поддерживают непрерывную двустороннюю связь с той самой минуты, как ваши локаторы засекли у границ США неизвестный летательный объект. Военные, как всегда, пытались все держать в секрете, но ваш мудрый президент решил иначе.

Знакомый с политическими играми не понаслышке Роб представил, что кроется за словами Нади: «ястремы» из Пентагона с пеной у рта доказывают, что нельзя допускать к кораблю инопланетян штатских; либеральный, верящий в открытое для внешнего мира правительство, президент настаивает на своем; журналисты осаждают правительенных чиновников; газеты засыпают мир домыслами; соседние страны, пытаясь выведать побольше, оказывают на правительство давление... Да, там, за бортом трейлера страсти бушевали нешуточные.

Надя, будто прочтя его мысли, понимающе кивнула.

— Была устроена пресс-конференция, репортеры получили информацию, без излишних подробностей, естественно. За развитием событий наблюдает Ассамблея ООН. Моя страна тоже не осталась в стороне. Вы, конечно, слышали об орбитальной исследовательской станции номер 15?

— Той, что висит на геостатической орбите над Черным морем? Радиотелескоп, исследующий отдаленные звезды и галактики?

— Именно.

— О нем знает каждый школьник.

— После появления корабля чужих все текущие исследования на «Пятнадцатой» были свернуты, и телескоп был превращен в высокочувствительный радар. Других неизвестных объектов в ближайшем космосе пока не обнаружено, но, конечно, окончательные выводы делать рано — исследовано даже не все космическое пространство Солнечной системы.

Надя многозначительно замолчала.

— Но телескоп все же на что-то наткнулся, иначе бы вы сюда не пришли, — предположил Роб.

— Совершенно верно. Нами перехвачено и записано несколько радиопередач. Их источник — ближайшие окрестности Юпитера. Наиболее чистые записи были подвергнуты анализу. Я помогала в этом. По моему мнению, подтвержденному впоследствии кафедрой лингвистики Московского университета, язык, на котором велись переговоры в космосе, не принадлежит ни к одной из известных групп человеческих языков.

— В таком случае, следующий наш шаг очевиден. — Роб встал и потянулся. — Посмотрим, сможет ли Хес'бю перевести ваши записи. Надеюсь, копии у вас с собой?

Надя молча достала из сумки и положила на стол миниатюрный магнитофон, сунула в него кассету, нажала кнопку «воспроизведение». Из динамика послышались шум помех и статические щелчки, затем хриплый голос произнес:

— Н'слт неу бнью клой ксийххсбн бсу...

Роб в недоумении потряс головой, и Надя выключила магнитофон.

— В жизни подобного не слышал. Вряд ли это код...

— Не выключайте! — воскликнул Хес'бю из двери в другой отсек трейлера.

— Ты знаешь, что это за передача? — спросила Надя, которую, казалось, ничуть не обеспокоило внезапное появление чужака.

— Они говорят на языке моего народа. Похоже на переговоры между кораблями. Откуда у вас эта запись?

— Запись сделал наш орбитальный радиотелескоп, — сообщила Надя. — Их источник — окрестности Юпитера.

— Я и не знал, что в вашей Солнечной системе есть наши корабли. Возможно, они прилетели сюда, преследуя блеттеров... Пожалуйста, включите звук, я хотел бы послушать, о чём они говорят.

Роб взглянул на зевающего капрала Шетли, который настраивал записывающую аппаратуру.

— Запись ведется?

— Конечно, сэр. Все записывается и тут же передается по проводам в Центр.

— Отличная работа, — одобрил Роб и вновь повернулся к Хес'бю. — Мы прокрутим ленту, лишь если ты дашь синхронный перевод.

— Да, конечно. Включайте же.

Надя включила магнитофон, чужак добросовестно переводил. Связь между кораблями представляла собой обсуждение оптимальных орбит, текущие команды по корректировке курсов и немного обычного трепа. Внезапно Хес'бю взволнованно воскликнул:

— Происходит что-то важное! Ожидается экстренное сообщение.

Многоголосый разговор смолк, после непродолжительной паузы послышались быстрые трескучие фразы. Хес'бю подался вперед и напряженно слушал, даже не делая попыток перевести. Выждав несколько секунд, Роб выключил магнитофон.

— Включите! — взмолился Хес'бю.

— Ты не переводишь.

— Да, но... Еще секундочку. Дослушаю сообщение и дам сразу полный перевод.

Поколебавшись, Роб нажал кнопку «воспроизведение».

— Хорошо, но учти, нам нужен перевод.

Динамик магнитофона вновь затрещал фразами на неземном языке. Хес'бю сидел, открыв рот и устремив невидящий взор на стену. Наконец он поднял глаза, точно ножницами щелкнул пальцами и захлопнул рот-клюв.

— Немедленно свяжитесь с правительствами всех стран Земли. Сообщение предназначено им.

— О чём оно?! — воскликнул Роб. — Говори же! Власти услышат.

— Разведывательные корабли моего народа обнаружили космический флот блеттеров. Курс блеттеров точно определен, они летят сюда, к Земле. На вашу планету идет война. Весьма сожалею, но остановить ее вы не в силах. — Подумав, Хес'бю вновь щелкнул пальцами и добавил: — Разведчики уверены, что среди кораблей блеттеров есть крейсер, способный уничтожить разом целую планету. Очень, очень плохие новости.

Глава 5

ПОИСКИ

Распахнулась дверь, и в полутемный трейлер хлынул поток солнечного света. На пороге, сжав обеими руками шикарную старомодную трость, стоял генерал Белтайн.

— Конец карантину, — сообщил он. — Произведено вскрытие тел с корабля. Медики уверяют, что метаболизм инопланетян настолько чужд нашему, что опасность заражения исключена. Допрос Хес'бю решено продолжить в Пентагоне. — Надя открыла было рот, но генерал, ткнув в ее направлении тростью, продолжал: — Не беспокойтесь, юная леди, операция совместная. Ваша команда уже в Пентагоне. Пошли.

Они выбрались наружу, где ярко сверкало солнце, и увидели на лужайке военный самолет с вертикальным взлетом. Вокруг трейлера, спинами к нему, стояли солдаты с оружием наизготовку; рядом поджидал автомобиль с запущенным двигателем. Едва вся компания разместилась в автомобиле, водитель, тоже как и Роб, полковник, вдавил акселератор в пол.

— Объединенные Нации созвали экстренную сессию, но ждать их решения мы не можем, действовать необходимо быстро, — заговорил генерал. — Президент связался по «горячей линии» с Москвой и договорился о двустороннем сотрудничестве между нашими

странами. Пока мы доберемся до Пентагона, совместная работа там, наверно, уже будет в разгаре.

— Журналисты в курсе? — поинтересовалась Надя.

— Полагаю, что нет, — ответил генерал. — Официального правительственного заявления пока не было, но, несомненно, в самом скором времени информация о чрезвычайном советско-американском оборонном мероприятии просочится из ООН. То-то будет шуму!

Автомобиль затормозил у трапа самолета — современного истребителя-бомбардировщика с вертикальным взлетом и посадкой. В переоборудованном для перевозки пассажиров тесном салоне оказалось только шесть кресел. Едва Надя, Роб и Хес'ю расселись, генерал Белтайн захлопнул люк снаружи.

— Займите, пожалуйста, места и пристегнитесь, — раздался голос пилота из укрепленного над их головами динамика. — Взлет — через тридцать секунд.

Взвыли двигатели, а Хес'ю все еще возился с ремнями. Роб помог ему и поспешил откинуться на спинку кресла, а самолет, подпрыгнув, взмыл в небо. Пассажиров вдавило в кресла, ощущение было сродни тому, что испытываешь, поднимаясь в кабине скоростного лифта.

— Я почти ничего не понял из того, что сказал человек с палкой, — пожаловался Хес'ю, как только самолет набрал высоту, развернулся и, покачивая крыльями, направился на север. — Я пока плохо разбираюсь в ваших обычаях.

— Генерал рассказал, какие экстренные меры приняты, — объяснила Надя.

— А что такое ООН?

— Организация Объединенных Наций — сокращенно ООН — международная организация, в которую входят полномочные представители почти всех суверенных государств Земли. К сожалению, ООН тяжела на подъем, и два самых крупных и важных государства — США и СССР — начали немедля готовиться к отражению нападения блеттеров. Тебе понятно?

— Да.

— Вот и прекрасно. — Надя достала миниатюрный магнитофон и включила его на запись. — Пока есть время, дай мне первый урок своего языка.

— Мой язык — очень трудный, — сказал Хес'ю и повернулся к окну.

— К трудным языкам мне не привыкать. Итак, начнем. Твой язык агглютинативный или флексивный?

— Не понимаю.

— Объясню на примере. В английском глаголы настоящего времени спрягаются так: единственное число — я говорю, ты говоришь, он, она, оно говорит; множественное число — мы говорим, вы говорите, они говорят. Как на твоем языке звучит слово «говорить»?

— Клнир, — с неохотой ответил Хес'бю.

Слово имело неприятный клацающий звук в середине и оканчивалось раскатистым «р-р-р».

— Очень хорошо.

Надя повторила слово, да так искусно, что Роб не уловил различий в ее произношении и произношении чужака. Хес'бю, должно быть, тоже удивленный ее способностями, бросил на девушку быстрый взгляд и вновь отвернулся.

— А как на твоем языке звучит слово «говорю»?

Хес'бю ответил. Надя задала новый вопрос. За ним — еще. И еще. Казалось, ее ничуть не смущает то, что приходится вытягивать из чужака буквально каждое слово. Сопровождая магнитофонную запись фонетическими пометками в блокноте, она изучала язык чужака, пока самолет не приземлился рядом с Пентагоном.

В сопровождении вооруженного эскорта, Надя, Роб и Хес'бю прошли в конференц-зал, упрятанный глубоко под землю. Увидев собравшихся здесь, Роб присвистнул. Было чему удивиться. Советские генералы в мундирах, поражавших воображение изобилием разнообразных знаков отличия, взирали через стол красного дерева на американских коллег; рядом с американским госсекретарем сидел советский министр иностранных дел.

Хес'бю усадили во главе стола, Роб и Надя заняли места у дальнего его конца.

— Даже представить себе не мог, что увижу всех этих людей в одной упряжке, — прошептал Роб Наде на ухо.

— Если человечество переживет теперешнюю перегрягу, то нас, похоже, ожидает мирное будущее, — заметила Надя.

— Постучите по дереву, чтобы не слазить, — предложил Роб, стукнув костяшками пальцев по полированному столу.

Сзади подошел армейский капитан.

— Извините, полковник. В соседнем зале ученые вырабатывают план дальнейших действий. Они просят вас и мисс Андрианову к себе. Пойдемте, я провожу.

— С удовольствием окажусь подальше от чрезмерного скопления высоких чинов, — сказал Роб, вставая. — Да и добавить к тому, что они уже знают, нам нечего.

Охранник распахнул перед ними дверь, и Роб и Надя вошли. Военных в просторной комнате не было, как не было и порядка. Седовласые мужи при галстуках, в «тройках» с набитыми ручками карманами, размахивая руками, громко переговаривались; рядом с возышением, на котором был водружен проектор слайдов, шла горячая дискуссия о том, каким снимкам отдать предпочтение. Многоязыкий гвалт, толкотня. Собрание ученых!

К Робу протиснулся пожилой лысый ученый с блестящими капельками пота на высоком лбу.

— Полковник Роберт Хейуорд? — ученый протянул Робу руку. — Вы проделали огромную работу, и мы все вас искренне поздравляем. Я Тиллмен, предполагается, что я — председатель этого собрания.

— Рад встрече, профессор. — Пожав ученому руку, Роб кивнул на Надю. — Это — моя коллега, Надя Андрианова.

Действительно, Роб был рад встрече с профессором Тиллменом — самым известным физиком со времен Эйнштейна, создателем теории «непрерывного взрыва», благодаря которому якобы и возникла Вселенная. Если столь выдающийся ученый возглавляет комитет, то в нем, без сомнения, собрались лучшие умы современности, все, судя по уровню создаваемого ими шума, индивидуалисты до мозга костей.

— Пока вы добирались, я дал ребятам спустить пар, — сообщил Тиллмен. — Теперь пора и за работу. Полковник Хейуорд и мисс Андрианова, будьте любезны, сядьте рядом со мной.

Тиллмен, несомненно, председательствовал прежде на сотнях конференций и умел овладеть вниманием аудитории, не прибегая к непарламентским выражени-

ям. Взяв со стола деревянный молоток размером с крокетную биту, он с воодушевлением грохнул им об стол. Раздался подобный взрыву оглушительный звук, и в зале воцарилась тишина.

— Если делегаты соизволят сесть, то мы начнем, — сказал Тилмен. — Первый вопрос повестки дня — обобщение всей имеющейся информации о чужаках. Видеозапись беспримерного проникновения полковника Хейуорда в корабль инопланетян все вы видели. Сам полковник здесь, с нами, и позже ответит на любые интересующие вас вопросы. Джентльмены, напоминаю, что выбором политического курса займутся военные и руководители правительств заинтересованных стран, наша же задача — снабдить их достоверной научной оценкой происходящего. Первыми высажутся биологи, затем — физики. Доктор ван Нимес возглавляет команду биологов. Прошу вас, доктор.

Высокий биолог поднялся и заговорил с типично немецкой педантичностью:

— Мы изучали строение тела чужаков — оиннов и блеттеров. Благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось анатомировать тела блеттеров, потому о них нам известно больше. С них и начну. Слайд, пожалуйста.

Комната погрузилась в темноту, с потолка спустился большой белый экран, и на нем появился снимок — контрастное цветное изображение чужака в полный рост. Увидев, что глаза чужака выбиты выстрелами, Роб понял, что это тот, которого они убили в коридоре. Биолог меж тем, тыкая в экран указкой, вещал:

— Рост чужака — два метра. Тело — гуманоидальное, покрыто тем, что кажется на первый взгляд волосами, но таковыми на самом деле не является. Следующий слайд, пожалуйста. — Картинка на экране сменилась. — Джентльмены, перед вами сделанный под электронным микроскопом срез одного из таких «волос». Как видите, «волос» сплошь пронизан капиллярами. Кровь зеленая, на медной, в отличие от железной в гемоглобине, основе. В теле «волоса» — большое количество стом, или отверстий, оплетенных капиллярами. Нетрудно догадаться, что волосы являются не чем иным, как органами дыхания — этакими вывернутыми наизнанку легкими с открывающимися в атмосферу и действующими подобно альвеолам в легких млекопита-

ющих стомами. По предварительным подсчетам, суммарная способность такого органа дыхания усваивать кислород из атмосферы в двадцать пять — тридцать раз превосходит способность пары человеческих легких. Из чего следует, что либо атмосферное давление, либо процентное содержание кислорода в атмосфере планеты, откуда родом блеттеры, гораздо ниже, чем на Земле. Обратите, пожалуйста, внимание на эту ленту у корня волоса. Это — мышечная ткань. Чтобы усилить газообмен внутри стом, существо двигает «волосами» — дышит. Будь блеттер жив, мы бы увидели, что его «мех» непрерывно шевелится, как от сильного ветра. Слайд, пожалуйста.

Слайд следовал за слайдом, незнакомые с деталями *post mortem* * физики и инженеры с ужасом наблюдали за поэтапным расчленением тела чужака, а доктор ван Нимес невозмутимо тыкал указкой и давал комментарии:

— Дыхательная система, как и другие физиологические особенности блеттеров, доказывает, что они, скорее всего, принадлежат к слаборазвитым, с биологической точки зрения, существам. Подчеркиваю, что речь идет лишь о физиологии чужаков, а не об их умственных способностях, которые, если судить по используемым блеттерами космическим технологиям, никак не уступают, а не исключено, что и превосходят наши. Глаза чужаков, в отличие от наших соединенных с мозгом органов зрения, представляют собой отростки мозговой ткани. Мозг, в свою очередь, не более чем небольшое ядро в верхней части нервного узла, который проходит по всей длине тела. Здесь вы видите бифуркацию, или, иначе говоря, разделение мозговой ткани к ногам, а здесь — к рукам. Как всем вам, без сомнения, известно, нервные импульсы в наших телах переносятся от мозга эфферентными, а к мозгу афферентными нервными волокнами. В телах же чужаков, можно сказать, сам мозг протянулся к конечностям. Вот, смотрите, нога приводится в движение частью мозга, заключенного в ней самой. Свет, пожалуйста.

Зажегся свет, и ассистенты ван Нимеса раздали толстые стопки фотокопий.

* *Post mortem* (лат.) — букв.: после смерти; вскрытие трупа.

— Все детали анатомирования и наши выводы по ним вы найдете в документах, — продолжал доктор. — Изучите их, пожалуйста. Впоследствии мы обсудим ваши соображения по этому поводу, а сейчас переходим к анализу биологических особенностей другой рации чужаков, оиннов. Тут мы не имели образчика для анатомического вскрытия, и наши знания о строении их тел не так полны. Как бы то ни было, с кресла, на котором сидело существо, мы соскребли образцы тканей, а скрытыми рентгеновским и ультразвуковым аппаратами просканировали тело.

«Хитро», — подумал Роб, получая из рук ассистента фотографии Хес'бю.

Выступление ван Нимеса продолжалось, но Роб слушал его вполуха. Роб не был силен в биологии, да и к тому же в подсознании занозой засела неоформившаяся пока мысль.

«Может, мне не дают покоя ноги Хес'бю? Помнится, сержант Грут интересовался ими. Ноги, ноги, железные ноги... Что ж, возможно дело в них... Хотя...»

Доктор ван Нимес как раз ткнул указкой в ногу Хес'бю на экране, и Роб прислушался.

— Ноги, очевидно, являются металлическими протезами. Мы не знаем, заменили ли они нормальные ноги, или оинн от рождения их не имел, и протезы дополнили естественные функции его тела. Я подал запрос, и у чужака в самое ближайшее время попросят объяснений. А теперь обратите, пожалуйста, внимание на этот частично скрытый орган. Его присутствие позволяет нам сделать заключение, что чужак — самец, если, конечно, здесь уместны земные аналогии.

«Нет, дело не в металлических ногах Хес'бю, — решил Роб. — Тогда в чем же?»

Так и не найдя причину своего беспокойства, Роб попытался отогнать назойливую мысль, но та накрепко засела в сознании.

Как только биолог закончил доклад, в зал вошел охранник и, подойдя к Робу, прошептал:

— Извините, полковник, что отвлекаю, но у меня сообщение для вас. Пройдемте.

Роб кивнул и последовал за ним. В холле Робу отсалютовал лейтенант военной полиции.

— Донесение специального курьера из Нью-Йорка, сэр. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Роб расписался и получил запечатанный конверт. Разорвав его, вытащил сложенный вдвое листок с рукописным текстом, сразу узнал почерк сержанта Грута, развернул листок и прочитал:

«Ни одна из выпущенных мною пуль не попала в оружие в руках твари, которая набросилась на нас. Позже я осмотрел труп и удостоверился в этом. Так почему же взорвалось оружие?»

Да, именно этот вопрос — не поддающийся логическому объяснению факт — и не давал покоя Робу. За последние сорок восемь часов перед его глазами вихрем пронеслась череда событий, но все они, казалось, имеют понятные причины.

Все, за исключением взрыва оружия в руках блеттера. Так почему же оно все-таки взорвалось?

Глава 6

РОКОВОЕ СООБЩЕНИЕ

Роб проспал шесть часов кряду безо всяких сновидений. С заседания ученых он улизнул, когда оно, так же, как и совещание военных, было еще в самом разгаре. К тому часу он бодрствовал без малого трое суток. И не просто бодрствовал, а был чертовски занят.

Он широко зевнул, влез под обжигающее горячий душ, а затем, чтобы окончательно проснуться, переключил воду на холодную. Минуты через три, мелко стуча зубами, он выбрался из ванны и докрасна растерся полотенцем.

Галактическая война, вторжение инопланетян и вероятное разрушение Земли... Как ни странно, все это не слишком заботило Роба — возможно, потому, что ситуация, на его взгляд, подозрительно смахивала на некое сюрреалистическое действие. Ну да, чужой звездолет, пилоты-инопланетяне, но космическая война!.. Может, пока он спал, что-нибудь решилось? Надя обещала держать его в курсе событий, надо с ней переговорить.

Ей, как и всем другим членам обоих комитетов, запретили до особого распоряжения покидать стены Пентагона. Самого Роба разместили в секции квартир для неженатых офицеров. Где же остановилась Надя?

Роб присел на край кровати и связался по телефону с информационной службой. Оказалось, что временное жилище русской находится в служебном крыле для медперсонала клиники экстренной помощи. Роб набрал номер, и Надя сняла трубку после второго гудка.

- Доброе утро, мисс Андрианова.
- Доброе утро, полковник Хейуорд.
- Роб, если не возражаете.
- Конечно, Роб, а я для вас — просто Надя.
- Может, позавтракаем вместе?
- Великолепная идея, Роб. Где встретимся?
- В кафетерии номер шесть. Я объяснил бы дорогу, но мы как-никак в Пентагоне, и вы обязательно заблудитесь. Попросите для себя провожатого.
- Хорошо.
- Жду вас через пятнадцать минут.
- Договорились.

Когда Надя вошла в кафетерий, Роб с удовольствием пил горячий крепкий кофе без молока. Он придвинул к ней вторую чашку, и она, сев напротив, кивнула. Роб отметил, что за последние часы ее лицо побледнело, осунулось, под глазами появились темные круги.

- Вы что же, вовсе не ложились?
- Нет, было слишком много дел. Я изучала язык оиннов и, скажу без ложной скромности, весьма преуспела. Записи переговоров в космосе и синхронного перевода Хес'бю очень помогли. Кстати, кофе — отличный восстановитель сил.
- Как насчет что-нибудь съесть?
- Попозже.
- Я восхищаюсь вашими способностями к языкам. Ведь Хес'бю сказал, что язык его народа — очень трудный.
- Сказать-то он сказал, но на поверку оказалось, что их язык ничуть не сложнее эсперанто. Достаточно ухватить основные принципы, а дальше дело лишь за пополнением словарного запаса.

Роб нахмурился.

- Выходит, Хес'бю нам солгал?

— Не исключено. Или, может, его язык — табу для женщин и чужаков. Что именно, неизвестно, мы слишком мало знаем об оиннах.

В следующие пять минут Роб выяснил, что после многочасовых горячих дебатов военные позволили Хес'бю связаться по радио с кружившими вблизи Юпитера кораблями его народа. Узнав, что среди людей их представляет всего лишь пилот, оинны выслали к Земле космические корабли с офицерами, уполномоченными вести переговоры от имени всей расы. Оинны скоро приземляются, и посадочные полосы Национального аэропорта Вашингтона уже очищены от самолетов.

— Хотелось бы посмотреть на их посадку, — сказал Роб.

— Нет проблем. В аэропорту установлены телекамеры, и прямая трансляция будет вестись сюда. Вот теперь можно и позавтракать.

Роб, как ни силялся, не мог вспомнить, когда ел последний раз, Надя — как будто тоже; во всяком случае, оба они с волчьим аппетитом набросились на жареные куски жирной свинины и переперченную яичницу-болтунью.

Запив завтрак очередной чашкой кофе, Роб откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

— Все, что нам порассказал Хес'бю, может быть неправдой, — заметила Надя.

Роб вновь, но на этот раз уже с удовольствием, вздохнул.

— Знаю. Но разве проверишь его слова без помощи способного общаться с мертвыми блеттерами медиума?

— Попробуем, пользуясь лишь логикой, обойтись без медиума. Как по-вашему, к чему Хес'бю лгать?

— У него на то могут быть тысячи причин. Какие конкретно — нам неизвестно.

— Хорошо, давайте оперировать только голыми фактами, не принимая во внимание того, что было нам сказано.

— Что ж, попробуем.

— Первый, не подлежащий сомнению факт, — Надя подняла указательный палец. — Корабль из космоса пропахал борозду в Центральном парке Нью-Йорка. Факт второй: в нем находились чужаки двух рас. Ко времени вашего появления на корабле двое из них были мертвы, а двое — живы. Один из живых напал на вас

с оружием, другого вы обнаружили прикованным к стене, он, по-видимому, был пленником. Все, мною сказанное — факты, голые факты, и мне хотелось бы располагать ими в большем количестве. Тогда стало бы ясно, почему корабль приземлился именно там, где он приземлился, и почему он вообще прибыл на Землю, и кто им управлял.

— На ваш последний вопрос ответить несложно, — заметил Роб. — В рубке управления находились блеттеры, следовательно, они... — Роб не договорил и, глядя Наде в глаза, улыбнулся. — А у вас, оказывается, скверный, грязный, подозрительный склад мышления агента спецслужбы!

— А разве у вас другой?

— Конечно, такой же, оттого-то я и обеспокоен не меньше, чем вы. Знаете, мне думается, что кораблем управлял Хес'бю, а два блеттера были мертвы давным-давно. Приземлившись в центре Нью-Йорка, Хес'бю втащил мертвые тела в рубку управления и открыл люк. Пока мы проникали в корабль, он преспокойно прошел в корму и приковал себя цепями к стене.

— В вашей теории я обнаружила, по крайней мере, одно слабое звено.

— И какое же?

— В корабле на вас напал третий блеттер...

— Да, но затем оружие в его руках взорвалось.

— И вы знаете, почему?

— Знать, конечно, не знаю, но догадываюсь.

— Так почему?

— Вы присутствовали на лекции по анатомии блеттеров, значит, вам известно, что их тело пронизывает не нервная система, как у нас, а сам мозг. Он достигает, в частности, рук и ног. С основами микроэлектроники вы, надеюсь, знакомы?

— Весьма смутно.

— Тогда поверьте мне на слово: даже современные человеческие технологии, не говоря уже об обогнавших наши технологии чужаков, позволяют изготовить миниатюрный электронный прибор, способный управлять бессознательным телом, воздействуя электрическими импульсами непосредственно на мозг. Если в оружие блеттера был вмонтирован такой прибор, то вот как, по моему мнению, развивались события после приземления корабля чужаков: открывается люк, мы проникаем

внутрь, подходим к двери, я подношу руку к оранжевому диску; срабатывает электрическая цепочка, которая не только приводит в действие дверь, но и включает управляющий телом чужака прибор в его оружии; прибор заставляет чужака прыгнуть на нас, а оружие — выстрелить; мы, разумеется, открываем ответный огонь; оружие в руках блеттера взрывается, навеки уничтожая хитроумный прибор.

— Вам не кажется, что ваша теория притянута за уши?

— Моя теория идеально объясняет все известные нам факты.

— Согласна, но тогда встает вопрос, какую цель преследуют оинны, разыгрывая перед нами комедию.

— Ответ очевиден. Оинны хотят, чтобы человечество ввязалось в схватку на их стороне. Для этого они предъявили нам убедительные, на первый взгляд, доказательства агрессии блеттеров, но, похоже, эти доказательства ничего не доказывают.

— Что означает... — проговорила Надя хрипло. — Что означает, что мы окажемся втянутыми в галактическую войну, и все из-за какого-то существа, которому то ли можно верить, то ли нет.

— Правильно. Именно такая участь нам и угрожает. Но что касается меня, я хотел бы, для порядка, выслушать не только оиннов, но и их противников, — шаг-то предстоит сделать весьма серьезный.

— Так что же вы предлагаете?

Роб улыбнулся:

— Можно было бы слетать в космос и переговорить с блеттерами.

— Вряд ли получится.

— В таком случае поделимся нашими подозрениями с начальниками. Пусть они, принимая решение, будут предельно осторожны.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — Смотрите же!

Посетители кафетерия устремились поближе к телевизору. Робу же с Надей и без того отлично был виден экран над буфетной стойкой, и они остались на своих местах.

Посредине экрана на фоне безоблачного голубого неба появилось темное пятнышко. С каждой секундой пятнышко увеличивалось, приближалось. Вот оно пре-

вратилось в огромный космический корабль. Глядя на него, Роб почувствовал то же благоговение, как и во время прилунения «Аполлона». Под космическим кораблем меж тем появилась земля. Корабль замер и затем плавно опустился с высоты нескольких футов на посадочную полосу Вашингтонского аэропорта. Великолепная посадка!

— Давать сейчас советы властям, по-моему, не самое подходящее время, — заметила Надя.

— Запишу-ка я все наши соображения на бумаге и пошлю как экстренное сообщение в свой отдел, с рекомендацией довести до сведения «верхушки».

— Потом поделитесь со мной черновиком, — попросила Надя. — Я переведу текст сообщения на русский и отошлю в Политбюро. Сомневаюсь, что на него там обратят внимание, но, как говорят у нас, чем черт не шутит... А что мы будем делать дальше?

— Вы немного отдохнете, я же попытаюсь попасть на официальную встречу с посланниками оиннов. С их прибытием Хес'ю окказался не у дел, и я попрошу посланников направить его к вам для дальнейшего изучения языка. Нам как воздух нужна информация, а знание языка чужаков, весьма вероятно, поможет ее раздобыть.

— Пожалуй, вы правы. — Надя устало потерла глаза. — Сон прочистит мозги, и изучение языка пойдет легче. Свяжитесь со мной, как только появятся новости.

— Договорились. Отдыхайте.

На официальной встрече с представителями чужаков пожелали присутствовать почти все высшие военные чины и весь Госдепартамент. Чтобы попасть в число избранных, Робу пришлось воспользоваться всеми своими многочисленными связями в Пентагоне. Теперь он стоял в последнем ряду маленькой аудитории, что вполне подходило для его целей.

По людской толпе пронесся возбужденный шепот, и в зал вошли трое чужаков. Они, в отличие от почти обнаженного Хес'ю, кутались в куски одинаковой темной материи.

«Очередная загадка, — подумал Роб. — Раздели ли Хес'бю блеттеры, после того как взяли в плен, или посланники, следя обычаям людей, облачились по случаю официальной встречи?»

Посланники заняли места на возвышении, и Роб отметил, что ноги у них — настоящие, но у одного кисть правой руки, а у другого вся левая рука от плеча — металлические.

Госсекретарь, должно быть, разговаривал с оиннами по дороге из аэропорта, поскольку, произнеся краткое приветствие, представил руководителя делегации оиннов — Озер'о, чей ранг приблизительно соответствовал адмиральскому. Озер'о поднялся, и дождавшись, когда стихнут жидкие аплодисменты, заговорил:

— Я приветствую вас, люди Земли. Сожалею, что первая встреча между нашими народами происходит в столь трагическое для вас время. Вот уже многие годы мы знаем о вашем существовании и восхищаемся вашими жизнеспособностью и своеобразием. По вашим радиопередачам мы изучили языки людей Земли. В контакт с вами мы прежде не вступали не из-за ложной гордости, а из-за нашего кодекса чести. Наша раса — лревняя и одинокая, и мы давно уже пришли к пониманию того, что любая попытка навязать свою культуру другим жителям Галактики — изначальное зло. Поэтому, желая вам добра, мы лишь наблюдали.

Роб отметил, что адмирал, в отличие от Хес'бю, говорит по-английски, правильно строя фразы и почти без акцента. Озер'о меж тем, пристально глядываясь в лица людей, продолжал:

— Но ситуация изменилась — наши враги с незапамятных времен, блеттеры, выслали к вашей планете свой космический флот. К несчастью, остановить их нам не по силам. Поэтому мы, вступив с вами в контакт, предлагаем свою военную помощь и советы. — Озер'о издал почти человеческий стон. — Я подошел к самой тяжелой части своей миссии. Наши разведчики доложили, что в составе приближающейся к Земле армады находится космическая крепость размером со средний астероид, способная уничтожить целую планету. Из прежнего печального опыта известно, что проклятым блеттерам не нужна разоренная планета, их конечная

цель — уничтожение противника до последнего существа.

Озер'о помолчал, склонив голову; когда же в зале утих возбужденный шепот, заговорил вновь:

— Агрессоры сейчас приблизительно в трех неделях пути от Земли. Если они приземлятся, то вся ваша цивилизация погибнет.

Глава 7

БИТВА ЗА ЗЕМЛЮ

В зале раздались крики негодования, даже ярости.

Скрыт ли за гневом страх? Вслушиваясь в голоса людей, Роб наблюдал за опустившими головы чужаками. Говорит ли Озер'о правду или всего лишь притворяется? Неизвестно. Во всяком случае, пока. Остается только ждать и держать глаза открытыми.

Озер'о поднял руки и, когда шум унялся, вновь заговорил:

— Друзья-земляне, поверьте, хотя у меня, как и у вас, сердце обливается кровью, я открыл вам правду. Кказанному добавлю лишь, что мы предоставим вам всю помощь, какую сможем. Так что не отчайвайтесь, у нас есть энергетические излучатели, вырабатывающие столь мощные потоки радиации, что они проникают даже сквозь многокилометровую защиту из камня и металла. Пользуясь нашими генераторами, возможно, удастся уничтожить крепость блеттеров при заходе на посадку в атмосфере Земли. Действуя подобным образом, мы не раз в прошлом выводили из строя корабли врага. Генераторы необходимо разместить на одном из полюсов планеты, где конфигурация магнитных полей, которые вы называете поясом ван Аллена, многократно усилит излучение. Подробности я разъясню вашим физикам и техникам, сейчас же расскажу только о самом важном.

Вырабатываемая излучателями радиация оказывает губительное влияние на все живое поблизости, и поэтому очень хорошо, что полюса вашей планеты необитаемы. Насколько мне известно, Северный полюс Земли покрыт шапкой льда, слишком тонкой, чтобы выдержать вес генераторов, но, к счастью, на Южном полюсе подо льдами скрыт континент. Если вы позволите, мы установим наше оружие там. Повторяю, решение целиком зависит от вас, наше желание — лишь помочь дружественной форме жизни в борьбе за выживание.

Роб выключил диктофон в кармане и покинул зал под возгласы всеобщего ликования.

«Неужели я и Надя единственные, кто сомневается в правдивости оиннов? — спрашивал себя Роб, бредя по бесконечным коридорам Пентагона. — А может, наши предположения — не более чем бред сумасшедших?»

Надю Роб разыскал в ее скромном офисе без окон.

— Где Хес'ю? — с порога поинтересовался он.

— Спит. Сказал, что устал. Подозреваю, что усталость — лишь повод удрать от меня. Я уже вполне прилично говорю на языке оиннов и намерена задать ему вопросы, отвечать на которые он, судя по всему, не рвется.

— А он вообще-то отвечает?

— Отвечает, но далеко не на все. Например, я спросила его о металлических ногах. Он ответил, что дляящаяся десятки столетий война с блеттерами уносит много жизней, воинов не хватает, и если оинн получаетувечья, то его лечат, снабжают протезами и вновь посылают в бой.

— Звучит убедительно. У двоих посланцев тоже протезы, с той лишь разницей, что металлические у них не ноги, а руки. Похоже, между оиннами и блеттерами действительно идет сюровая и давняя война.

— Как прошла встреча с посланниками?

— По словам их руководителя, Озер'о, если мы не примем от оиннов помочь и не вступим в войну, то через три недели нас уничтожат блеттеры. Я записал его выступление, вот послушайте.

Роб достал из кармана диктофон, нажал клавишу «воспроизведение», и они с Надей, затаив дыхание, выслушали выступление посланника. Когда раздались крики одобрения, Роб поспешил выключил диктофон.

— Вы верите ему? — спросила Роба Надя.

— Ни единому словечку; но, возможно, мы с вами слишком подозрительны и находим скрытый смысл там, где его нет и в помине.

— Нет, Роб, наша логика безупречна. Пока, кроме пустых заверений, оинны не предоставили нам ни одного убедительного доказательства того, что их слова — правда.

— Так что же нам делать?

— Пока ничего, лишь плыть по течению и готовиться к контакту с блеттерами, когда они появятся.

— Похоже, вы правы. Несложно предугадать, что впереди нас ожидает непочатый край работы.

Роб оказался прав — вскоре на Южном полюсе вовсю развернулись работы по монтажу излучателей, он вошел в группу связных с оиннами и на недели потерял Надю из виду. После того как были экстренно эвакуированы полярные научные базы, людям осталось только с благоговением смотреть на то, как инопланетяне устанавливают защиту. Один за другим на замершую антарктическую равнину плавно опускались космические корабли, превосходившие размерами океанские лайнеры. Управляемые оиннами механизмы извлекали из трюмов массивные части излучателей, собирали и устанавливали их на скальном основании; от излучателей к генерирующей станции в огромной пещере, вырубленной в сплошной скале всего за день, тянулись кабели, каждый не меньше ярда в толщину. В происходящее верилось с трудом; все совершалось как бы само по себе, на изумление быстро.

Оинны сообщили людям координаты вражеского флота, и, действительно, земные обсерватории обнаружили там летящие к Солнечной системе почти со скоростью света объекты. Самый крупный из них был настолько велик, что на снимках с расположенного на орбите вне

пределов атмосферы телескопа выглядел четко различимым диском.

Война стремительно приближалась. Закончат ли оинны вовремя монтаж генераторов на Южном полюсе? Смогут ли они защитить Землю?

— Бой завяжется с минуты на минуту, — сообщил Озер'о людям-наблюдателям. — Блеттеры, как обычно, пустили перед своим флотом обломки скал. — Он ткнул двухпалой рукой в многоцветную светящуюся голограмму, что висела в воздухе рядом с ним. — Нам придется растратить на них немало энергии, прежде чем мы сможем атаковать крепость. Крепость размещена в высверленных на дальнем от нас конце астероида туннелях, ее тоже сразу не сокрушить — надо будет слой за слоем испарять обращенную к нам сторону скалы. Блеттеры, конечно же, обрушат на нас всю мощь своего оружия, но мы укроемся за силовым полем. Не исключено также, что блеттеры попытаются из космоса сбросить на земные города бомбы, но на их пути встанет кордон из кораблей нашего флота. Так что не волнуйтесь, все будет нормально. Как вам, наверно, известно, все оружие, которое мы будем использовать в предстоящей битве, радиационное. Энергия потока радиации обратно пропорциональна квадрату расстояния. Корабли блеттеров непрерывно маневрируют, поэтому необходимо точно оценивать дистанцию. С этой непростой задачей справятся наши компьютеры. Еще одна сложность состоит в том, что корабли блеттеров защищены силовыми полями... А, вот и началось!

В ту же секунду монолитная скала, на которой стоял центр управления оиннов, завибрировала; людей омыло волной статического электричества такой интенсивности, что встали дыбом волосы на головах. Небо за прозрачным куполом, будто сойдя с ума, заискрилось, засияло; на нем затрепетали, пропуская сквозь себя в верхние слои атмосферы энергию оружия оиннов, простины серебристого огня; антарктические снежные поля окрасились всеми цветами радуги.

— Блеттеры остановлены, но до победы еще далеко, — сказал Озер'о, указывая на снующие по голо-

грамм яркие точки. — Это — мелкие скалы, булыжники, галька. Их мы скоро уничтожим, и сразу нанесем противнику сокрушительный удар.

Безмолвная битва продолжалась.

— Пока события развиваются обычным порядком, — сказал Озер'о, после того как несколько часов битвы не принесли победы или поражения ни одной из сторон. — Мы потеряли два наших корабля-разведчика, но теперь точно знаем силы противника. Скоро схватка достигнет апогея, флот блеттеров изменит курс, наши компьютеры тут же определят место его предполагаемого приземления, и наши корабли... Извините.

Чувствуя собственное бессилие, Роб сжал подлокотник кресла и впервые за многие годы пожалел, что бросил курить. Чужаки, не обращая на людей внимания, громко переговаривались на своем языке, и голоса их с каждой секундой становились громче, напряженнее. Если бы только здесь была Надя, она бы поняла, о чем идет речь. Один из операторов пронзительно закричал, ударил рукой по монитору и с бешеною скоростью защелкал пальцами по кнопкам перед собой.

Теперь даже людям стало ясно, что ход битвы изменился. Каменная крепость блеттеров на экране замерла, затем медленно поползла влево. Взрывы вокруг нее прекратились, а через минуту возобновились с удвоенной силой, и вскоре вся видимая поверхность астероида покрылась мерцающими точками. Пронзительно закричал еще один оператор-оинн, и через минуту Роб понял почему. Рядом с крепостью на краю экрана появилась покрытая оспинами, кратерами и горами со срезанными вершинами светящаяся белая поверхность.

— Это же Луна! — закричал кто-то из людей.

Действительно, на экране возникла Луна. Пока удивленные люди перешептывались, крепость блеттеров во вспышках разрывов медленно подплыла к диску Луны и исчезла за ним. Озер'о, открывая и закрывая от избытка эмоций рот-клов, приблизился к землянам.

— Похоже, блеттеры удрали от вас, — сказал Роб.

Озер'о, пронзив его злобным взглядом, нехотя кивнул.

— Так уж получилось. Блеттеры изменили свой обычный план вторжения и, воспользовавшись уникальностью вашей системы Земля-Луна, совершили высадку. Наши компьютеры за ними не уследили.

— Совершили высадку? — удивленно переспросил адмирал.

— Да, — подтвердил Озер'о.

— На обратной стороне Луны?

— К сожалению.

— А какая же им от этого польза?

— Весьма немалая. Блеттеры, конечно же, не победили, но теперь в их распоряжении сильная оборонительная база в непосредственной близости от вашей планеты, и оттуда они будут совершать рейды на Землю.

Громко закричал один из техников-оиннов. Озер'о повернувшись к нему, что-то приказал и вновь обратил ся к людям по-английски:

— Флот блеттеров изменил тактику, перешел от защиты к нападению, но мы оперативно пересмотрели наши планы обороны, и уверяю вас, Земля сейчас вне опасности.

Озер'о отошел от группы людей к операторам-оинновам, и они, размахивая двухпалыми руками, о чем-то заспорили. Вдруг один за другим прекратили работу излучатели в снегу, и люди почувствовали, что воздух в зале уже не наполнен, как прежде, статическим электричеством. Операторы зачехлили пульты управления и демонстративно отвернулись от переговаривавшихся вполголоса людей. Роб с пугающей ясностью понял, что произошло нечто ужасное.

Озер'о вновь подошел к людям.

— У меня весьма неприятные новости. Оказывается, блеттеры великолепно спланировали свою операцию, и их атака была не чем иным, как отвлекающим маневром. При отступлении к Луне один из их крейсеров отделился от эскадры и вышел на орбиту у границ атмосферы Земли. Наши корабли немедленно атаковали его и на-верняка серьезно повредили, но, уходя, он...

Озер'о, склонив голову, замолчал, и в зале повисла гробовая тишина. На столе генерала военно-воздушных сил пронзительно зазвонил телефон. Генерал тут же схватил и прижал к уху трубку. После нескольких произнесенных на том конце слов от щек генерала

отхлынула кровь, трубка с грохотом выпала на пол из негнущихся пальцев.

— Уничтожен... Целый город, — давясь словами, выдавил генерал. — Денвер... Все жители мертвы. Полмиллиона, а может, и больше. Все мертвы... Единственная бомба, и...

Битва за Землю началась.

Глава 8

К ЛУНЕ

Роб мерил шагами зал ожидания аэропорта Даллас — сверхзвуковой самолет из Москвы опаздывал, а до встречи с главой ЦРУ Боннингтоном оставалось чуть больше двух часов.

На прием к нему Роб записался без труда, но Соединенные Штаты находились в состоянии войны, работы у разведывательного управления было невпроворот, и, как ни настаивал Роб на срочности своего дела, явиться ему было назначено лишь через целых четыре дня. Но, как философски заметила по этому поводу Надя, нет худа без добра — она успела слетать на родину, а Роб, всесторонне проанализировав события, последовавшие за посадкой посреди Нью-Йорка корабля инопланетян, составил обстоятельный рапорт.

Наконец самолет «Аэрофлота» благополучно сел. Время поджимало. К счастью, должность Роба позволяла в экстренных случаях использовать служебный «ка-дилак» с эскортом из двух мотоциклистов, и до штаб-квартиры ЦРУ в ничем не примечательном городишке Мак-Лин, штат Вирджиния, они с Надей домчались под завывание сирены всего за час. Еще час ушел на преодоление заслона из охраны личных секретарей шефа разведывательного управления. Наконец, ровно в два за их спинами захлопнулись двери кабинета Боннингтона.

— Здравствуйте, полковник Хейуорд. Мисс Андрианова, еще месяц назад не поверил бы, что увижу вас в своем кабинете. — Говорил Боннингтон со старомодной вежливостью и легким английским акцентом — сказались, видимо, обучение в Оксфорде и долгая служба в Европе. — А что, теперь такие времена, что при необходимости полковник Хейуорд может быть приглашен в Кремль?

В вопросе Боннингтона содержался намек на то, что ему прекрасно известно, откуда прибыла Надя.

— Уверяю вас, сэр, что шансов попасть в Кремль у полковника Хейуорда столько же, если не больше, чем было у меня оказаться в вашем кабинете.

— Вы так считаете? — Боннингтон слегка приподнял брови.

— Да, сэр. Рапорт, который я передала своим руководителям, был подготовлен с любезной помощью полковника, я же, в свою очередь, принимала участие в составлении его рапорта. Эти и некоторые другие факты доказывают, что в вопросах инопланетян между нашими странами нет секретов.

— Странные времена, странные партнерства. — Боннингтон взвесил на руке толстую папку, которую ему вручил Роб. — Весомые аргументы, не так ли, Роберт?

— Да, сэр.

— Изложите, пожалуйста, вкратце суть своего рапорта.

— Слушаюсь, сэр. В нем говорится, что мы вступили в галактическую войну на стороне оиннов, даже не зная толком, с кем воюем. Все, что нам известно о наших врагах, блеттерах, мы узнали от оиннов, меж тем не существует ни единого неоспоримого доказательства их правдивости.

— Разве вы забыли Денвер? Не знаете, что всего одна сброшенная там радиационная бомба меньше чем за секунду подняла температуру в клетках всех живых организмов в радиусе десяти миль до ста градусов, и люди буквально сварились в собственной крови?

— Никак нет, сэр, не забыл. Спору нет, у инопланетян совершенное оружие — люди мертвые, а все их дома и вещи в целости и сохранности, и ни малейшего радиационного фона. Но о том, что смерть полумиллиона жителей Денвера — дело рук блеттеров, нам изве-

стно только со слов оиннов. А вдруг оинны сами сбросили эту радиационную бомбу?

— А вы представляете, полковник, в какую лужу мы с вами угодим, если ваши суждения окажутся ошибочными?

— Конечно, сэр, но все имеющиеся на сегодняшний день улики подтверждают наши подозрения.

Боннингтон, нахмурив густые черные брови, бросил папку на стол перед собой, встал и подошел к книжной полке.

— Скажу по секрету, вы — не единственные, кто ставит слова оиннов под сомнение. — Он коснулся скрытой кнопки, полка плавно отползла в сторону, открыв бар со множеством разнокалиберных бутылок. — Что будете пить, мисс Андрианова? Или можно назвать вас Надей?

— Конечно, Надей. Мне бурбон со льдом, пожалуйста.

— А вам, Роберт, наверно, водку? Протянутые через океан руки дружбы и все такое прочее...

— Нет, спасибо, сэр, я тоже буду бурбон.

— Как, впрочем, и я. — Боннингтон разлил виски по стаканам. — Вернемся к вашему рапорту. На мой взгляд, вами проделана прекрасная работа.

— Сэр, но вы же его еще не читали... — Роб умолк на полуслове.

Боннингтон понимающе улыбнулся и кивнул:

— Сынок, ваш рапорт лежал на моем столе, как только вы закончили первый черновик. Если не ошибаюсь, при составлении рапорта вы использовали компьютер в своем офисе?

— Да... Но...

— На столе одного из моих сотрудников стоит терминал, подключенный, конечно, с согласия министерства обороны к компьютерной сети Пентагона. Времена нынче, конечно, странные, однако мы не могли пройти мимо разведчика BBC США, который сотрудничает с агентом советской спецслужбы... Так вот, ваш рапорт подводит черту под всеми рапортами, научными отчетами, слухами и подозрениями, о которых нам в последнее время стало известно из самых различных источников.

— Можно узнать, сэр, в чем их суть? — спросила Надя.

— Почему бы и нет? Наши ученые до сих пор не разобрались, как работает лучевое оружие или любой другой прибор оиннов. Приземлившись корабль блеттеров настолько нам чужд, что техники не знают с какого конца к нему подступиться, а вскрывать все приборы подряд не хотят, не без основания опасаясь взрыва или других «сюрпризов». Наши союзники не раз заверяли нас, что предоставят всю необходимую информацию, но их обещания до сих пор остаются только обещаниями. Они твердят: «Пока нет времени, но как только защитим Землю, займемся просвещением людей». Ваш рапорт показывает мотивы поведения оиннов в новом свете, но, боюсь, вывести их на чистую воду в ближайшее время не удастся. Будем ждать подходящего случая.

— Вы не совсем правы, сэр, — возразил Роб. — Кроме оиннов есть их противники, блеттеры. Нужно вступить в контакт с ними и разобраться что к чему.

— Вступить в контакт с блеттерами? — Боннингтон улыбнулся и наполнил опустевшие стаканы. — Легче сказать, чем сделать.

— Нет, сэр, вовсе нет. У Советов наготове большой ракетоноситель «Мужество». Предполагалось, что он доставит в исследовательскую лабораторию на Луне пятерых русских ученых, но началась заварушка с ино-планетянами, на обратной стороне Луны высадились блеттеры, и проект отменили. Конструкторы ракеты уверяют, что их детище с тем же успехом забросит на Луну наш вездеход и двух добровольцев. Так вот, мы с Надей и есть эти добровольцы.

— Вы — добровольцы?

— Да. И Надя уже заручилась поддержкой Москвы.

Боннингтон серьезно взглянул в глаза Наде, а затем — Робу.

— А если блеттеры, как нас постоянно уверяют оинны, действительно безумны? Вы понимаете, что тогда произойдет с добровольцами?

— Да, сэр, — сказал Роб. — Они погибнут. Но в этом случае задача будет решена — значит, оинны говорят правду.

— Докопаться до истины — единственный для человечества шанс уцелеть в галактической бойне, — добавила Надя. — И ставка в две человеческих жизни в этой дьявольской игре не так уж и высока.

— Согласен. — Боннингтон тяжело вздохнул. — Но почему лететь должны именно вы?

— Я владею языком оиннов, — сказала Надя. — Если блеттеры не знают ни одного из языков людей, то, возможно, им известен язык их давних врагов. Компетенцию же Роба вообще вряд ли кто оспорит: он профессионально подготовлен для подобной миссии, и к тому же, именно он первым вошел в корабль чужаков, а затем успешно вел с ними переговоры.

— Сдаюсь, убедили. — Боннингтон поднял трубку телефона. — Считайте, что вам обеспечена моя поддержка. И все остальное, что необходимо, в придачу. Я проинформирую все заинтересованные департаменты правительства. Им, кстати, как и вам, не по душе работа в потемках. Роб, вам вручат документ за подпись президента, удостоверяющий, что вы официальный представитель США у блеттеров. Возьмите его с собой на Луну.

Надя, улыбаясь, похлопала по своей сумке.

— У меня такой же от Политбюро. Со всеми печатями и визами. Надеюсь, ваш будет столь же впечатляющим.

— О да. Со звездно-полосатым золотым тиснением и прочим. — Боннингтон внезапно стал Серьезным. — Как представляю, что вы шагаете по Луне, вооруженные лишь глупыми клочками бумаги... Если бы не крайние обстоятельства...

— Но обстоятельства действительно вынуждают, сэр. — Роб поднялся. — Осталось совсем немного времени.

— Времени не осталось вовсе. Удачи. Она вам очень пригодится.

Пока шла подготовка к полету на Луну, космическая война продолжалась. Радиационным бомбёжкам подверглись еще два города — Мец на севере Франции и Томск в Советском Союзе. Оинны объявили, что защитные сооружения на Южном полюсе требуют дополнительных поставок ядерного горючего. Напутанные масштабами бедствия, страны ЕЭС и Советский Союз с готовностью начали снабжать оиннов урановыми изотопами, Соединенные Штаты к тому времени

уже исправно вносили свою лепту в оборону Земли. Многие фабрики и заводы по всей Земле были переоборудованы и, работая день и ночь, выпускали по чертежам оиннов массивные части генераторов излучения. В правительствах ряда стран с удивлением обнаружили, что окончательную сборку и настройку генераторов оинны проводят только самостоятельно, и никому из людей неизвестно, как устроены эти приборы. На вопросы оинны отвечали, что идет война, они заняты, но как только опасность минует, они предоставят людям всю интересующую тех информацию.

Как ни спешили правительства США и Советского Союза, подготовка к полету заняла пять дней. За это время луноход доставили в Россию и погрузили на спускаемый аппарат, баки ракеты заправили топливом, все системы проверили и перепроверили, был рассчитан и введен в бортовой компьютер курс. Робу приходилось прежде работать в космосе на секретных спутниках ВВС США, и он обучил Надю обращаться со скафандром.

Стартовали они без обычных в таких случаях толп журналистов и пожеланий доброго пути. Существовал определенный риск, что оинны наблюдают за всеми объектами, покидающими атмосферу Земли, но выбора у людей не было. Что касается блеттеров, то они находились на обратной стороне Луны, и опасаться их до посадки не приходилось.

Пошел предстартовый отсчет.

— Роб, а мы не ошибаемся? — спросила Надя, пристегиваясь к противоперегрузочному креслу.

— Весьма вероятно, Надя, но мы, наверно, об этом даже не узнаем.

Роб протянул руку и, коснувшись пальцев Нади, удивился, до чего они холодны. Она сжала его ладонь и улыбнулась. Впервые со времени их знакомства он осознал, до чего она хороша, и тут же пожалел, что их отношения были только официальными.

— Роб, я простая славянская женщина, и мне страшно. — Она выпустила его руку. — Блеттеры... О, если бы только поговорить с ними... Скорей бы уж старт!

Ее желание вскоре исполнилось. Их вдавило в противоперегрузочные кресла, и через считанные минуты первая ступень ракеты, выводя корабль за пределы атмосферы, отделилась. В наступившей за оглушитель-

ным воем турбин тишине они ожидали атаки врага, но ее так и не последовало. Программа компьютера была рассчитана на минимальное время нахождения корабля рядом с Землей, и через две-три минуты, показавшиеся Робу и Наде вечноностью, ракета легла на курс к Луне.

— Пока все идет нормально, — сказал пилот, майор Коба — веселый украинец с изрядной примесью татарской крови, о чем свидетельствовал разрез его глаз. — Мы целы и с каждой секундой уносимся все дальше от радаров оиннов.

— И приближаемся к тем, кто засел на обратной стороне Луны, — мрачно заметила Надя. — Один их выстрел, и от нас останется только облачко радиоактивного газа.

— По мне все равно, убьют ли нас одним выстрелом или десятью, — сказал пребывающий в прекрасном расположении духа Коба. — И вообще, Наденька, попасть, не видя ракеты, им будет довольно сложно. Мы пролетим всего в нескольких тысячах метров над поверхностью Луны, и если ублюдки-оинны верно сообщили нам координаты вражеской базы, то ракета даже не появится над горизонтом в поле зрения блеттеров. А лучи радаров, как известно, в безвоздушном пространстве не изгибаются. Оттого-то вам и предстоит прогулка в сотню километров на американской заводной тележке. Я спущу вас, махну ручкой, подожду на стационарной орбите. Затем, подобрав вас, стыкуюсь с «Мужеством», который будет все это время болтаться на орбите вокруг Луны. Затем обратно к Земле, даю, как запланировано, радиосигнал, чтобы снайперы на Южном полюсе ненароком нас не сбили, сажусь, и мы дома. Все очень просто.

— Боюсь, далеко не все так просто, как вам представляется, товарищ Коба, — сказал Роб. — А теперь помолчите, пожалуйста, мы с Надей вздремнем, впереди у нас много работы.

Коба оказался прав: над Луной они пронеслись по низкой траектории, каким-то чудом не задев самые высокие пики, в высчитанное компьютером мгновение от ракеты отделился и мягко прилунился посадочный модуль. Через час луноход был выгружен, Роб и Надя

помахали на прощание майору и осторожно заняли кресла. На Земле было решено, что радиосвязью в движении пользоваться не стоит, а потому Роб, кляня неуклюжие перчатки, вытянул из скафандра провод, воткнул штеккер в гнездо коммуникационного устройства лунохода и спросил Надю:

- Готовы?
- Вы ничего не замечаете?
- Нет. А что?

— Роб, ведь мы же на Луне! Забудьте хотя бы на минуту о блеттерах и оиннах, оглянитесь вокруг. Красотища-то какая!

— Ничего особенного. — Роб усилием воли отвел глаза от подсвеченных серебряным светом солнца островерхих гор, бархатистых теней-провалов и ярких немигающих звезд на фоне бездонной черноты космоса. — Пора в путь.

- Как всегда, для мужчины прежде всего война...

Горестно вздохнув, Надя пристегнулась к креслу, и Роб надавил на акселератор. Луноход дернулся, слегка развернулся, ложась на высовывающийся на гирокомпасе курс, и поехал к вершине пологого холма. Надя обернулась и взглянула на скалы позади, но луноход вскоре перевалил через гребень, скалы скрылись, и она перевела взгляд на горы впереди.

Протекавшее в безмолвии путешествие походило на сон: луноход, объезжая кратеры и крупные камни, мягко катил вперед; километры тянулись за километрами; каждый следующий холм был как бы близнецом предыдущего; впереди и чуть слева на черном небе неподвижно висело ослепительно яркое Солнце; позади клубилась поднятая широкими колесами пыль.

Внезапно Роб дал задний ход, и луноход заскользил по склону, на который только что взобрался.

- В чем дело? — спросила Надя.

— Не знаю. Если мы не сбились с курса, то находимся сейчас километрах в десяти от базы блеттеров. Я заметил впереди что-то блестящее, хотя, возможно, просто померещилось. — Отстегнув ремни, Роб долго смотрел на Надю и наконец добавил: — Если пойдете за мной, то держитесь в нескольких ярдах позади. Если я остановлюсь, значит, стоп.

Он вылез из лунохода и двинулся вверх по пыльному склону. Внезапно остановился, повернулся и махнул

рукой, подзывая Надю. Она поспешила присоединиться к нему.

Роб и Надя плечом к плечу стояли на склоне, так, что над гребнем поднимались только шлемы их скафандров, и разглядывали скалу, вздымавшуюся перед ними посреди равнины. Вершина скалы была облицована тусклым сияющим металлом. Вдруг на скале что-то сверкнуло, должно быть, повернулось следящее устройство, и они почувствовали колебание лунной почвы под ногами. Роб коснулся своим шлемом Надиного.

— Вот и добрались, — услышала Надя прошедший через материал шлемов голос Роба. — Это — крепость блеттеров.

Надя повернула голову и обнаружила, что Роб смотрит ей в глаза.

Их путешествие закончилось, впереди была последняя и самая опасная часть миссии.

Глава 9

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Роб улыбнулся:

— Забавно. Мы до мельчайших деталей спланировали, как доберемся сюда, но что потом, даже не задумались.

— Так что же делаем? — спросила Надя.

— Для начала поздороваемся с блеттерами.

— Каким образом?

Роб на минуту задумался.

— Я подгоню луноход так, чтобы над гребнем высывалась только его антенна, подсоединю к рации кабель от скафандра и отойду по склону вниз, насколько хватит его длины, а вы пока поищете убежище среди валунов.

— Хорошо.

Роб влез в луноход и на минимальной скорости подвел его к вершине холма. Выключив двигатель, держнул на себя рычаг ручного тормоза, встал и бросил взгляд на крепость. Низковато. Он проехал на луноходе еще несколько футов к гребню холма, снова встал и, удовлетворившись положением антенны-блюдца, направил ее точно на вершину скалы. Включил радио на одновременный прием и передачу и, надеясь, что блеттеры не истолкуют радиосигнал как нападение врага, установил мощность передатчика на минимум.

Надя тем временем обнаружила убежище в добрых двух сотнях ярдов вниз и вправо по склону. Как раз то, что надо. Роб присоединился к ней.

— Готова? — спросил он, коснувшись ее шлема своим.

— По правде говоря, нет. И сомневаюсь, что буду когда-нибудь готова к подобному. Так что начинайте, пока у меня окончательно не сдали нервы.

— Хорошо. Начали. — Роб включил радио и заговорил в микрофон: — База блеттеров, привет. Мы...

Воздуха на Луне нет, и звука они не услышали. Лишь на мгновение задрожала почва под ногами, и верхняя часть холма превратилась в ровную горизонтальную поверхность, а луноход — в аккуратно нарезанные блестящие металлические ломтики.

Роб вытянул перед собой руку. Пальцы дрожали. Он повернул голову. Увидев перекошенное ужасом лицо Нади, выключил радио, коснулся ее шлема и спросил:

— Как, впечатляет?

В ответ она лишь потрясенно помотала головой.

— Ничего страшного не произошло, — сказал Роб. — Мы лишь выяснили, что орудием управляло не живое существо, а компьютер. Несомненно, он открывает огонь по любому двигающемуся предмету или источнику радиоволн. Сейчас в крепости блеттеров объявлена тревога. Будем надеяться, что вскоре от них последует более разумный ответ.

Над холмами появилась похожая на отрезок трубы машина со сверкающими металлическими выпуклостями и, развернувшись так, что ствол ее оружия оказался направлен на космонавтов, неподвижно застыла над ними. Роб поспешил включил передатчик в скафандре и что было сил закричал:

— Не стреляйте! Мы не враги! Мы — люди! Помогите на нас! Мы безоружны! Мы здесь с мирной миссией. Мы — официальные представители правительства Земли. Не стреляйте!

Тут по-русски заговорила Надя. Ее вначале тихий, дрожащий голос быстро обрел силу, уверенность. Услышав знакомое слово «мир», Роб понял, что говорит она примерно то же, что и он минуту назад. Удерживаемый над поверхностью Луны некоей силой летательный аппарат не двигался, ствол все так же был направлен на них. Надя замолчала, и вновь заговорил Роб:

— Мы не представляем для вас угрозы. Пока вы нам не скажете, мы будем неподвижно стоять и ждать. Вы понимаете нас? Пожалуйста, ответьте.

Сигнала не последовало, но то, что блеттеры мгновенно не уничтожили людей, уже само по себе служило ответом.

Похоже, критический миг миновал, и Роб, медленно повернув голову, посмотрел на Надю.

— Что дальше? — спросила она почти спокойно.

— Летательным аппаратом блеттеры управляют либо изнутри, либо — дистанционно из крепости. В любом случае они нас заметили, но не убили. Возможно, хотят поговорить. Будем ждать, следующий ход за ними.

И космонавты стали ждать. Через несколько минут они почувствовали легкую вибрацию подошвами. Краем глаза Надя уловила движение справа. Повернув голову, она тихонько вскрикнула и дернула Роба за рукав.

— Смотрите!

Он тоже повернулся. Из грунта, извиваясь подобно гигантскому черви, вылезала гибкая металлическая машина футов десяти в диаметре и по крайней мере тридцати в длину. Машина проворно вползла на плоскую скалу невдалеке от космонавтов и замерла, лишь ее блестящее рыло-наконечник двигалось из стороны в сторону, да из сочленений непрерывным потоком лились частицы лунного грунта. Панель на боку машины беззвучно скользнула в сторону, открылось отверстие-вход — людей недвусмысленно приглашали внутрь.

— Что ж, — пробормотал Роб, — если не над поверхностью, то под. Такой способ ничуть не хуже, к тому же надежен и незаметен.

Разглядеть, что ожидает их внутри, не представлялось возможным, поскольку лучи солнца туда не проникали, а искусственного освещения не было и следа.

— У меня... Я с детства боюсь узких темных комнат... — выдавила Надя.

— Мне знакомо это чувство, Надя, но, как бы ни было тяжело, войти придется... — Желая успокоить девушку, Роб мучительно подыскивал, но не находил нужных слов. — Не бойтесь, все будет хорошо. К тому же выбора у нас нет. Уверен, путешествие долго не продлится.

Роб внимательно наблюдал за девушкой: лицо — белее полотна, нижняя губа закусена, ноздри судорожно раздуваются... Да, она испугана до полусмерти!

— В конце концов, ради разговора с блеттерами мы сюда и прибыли, — настаивал Роб.

— Знаю... Говорите, Роб, говорите что угодно... Понши быстрей.

Роб взял Надю за руку и даже через толстую ткань скафандра почувствовал, что она дрожит. Они медленно двинулись по склону к машине-черви; их неотступно сопровождал ствол орудия на нависшем над головами летательном аппарате. У входа в машину они остановились. Надя боязливо заглянула внутрь, Роб последовал ее примеру. Помещение было темным, пустым, длинным, узким...

«Напоминает гроб», — подумал Роб и усилием воли отогнал неприятную мысль.

— Роб... Я... Не могу... — Надя говорила таким низким голосом, что динамик в скафандре Роба едва его воспроизводил. — Войти туда выше моих сил.

— Но мы должны.

— Знаю, но поделать с собой ничего не могу!

— Надя, возьмите себя в руки!

— Нет!

Надя отвернулась от отверстия. Догадавшись, что она сейчас бросится куда глаза глядят, Роб схватил ее за плечи, развернул и, ненавидя себя, силой потащил ко входу. Едва ноги Нади коснулись металлического пола у порога, она прекратила сопротивление и заговорила холодным, лишенным эмоций голосом:

— Достаточно. Дальше пойду сама. Уберите руки.

Роб освободил ее. Она кинула на него исполненный ненависти взгляд. Роб отчетливо понял, что она не простит и что прежними их отношениям уже не бывать. Надя забралась в темное помещение с низким потолком и улеглась на пол, Роб лежал ничком рядом, повернувшись голову, желая оглядеться, но панель скользнула на прежнее место, и они оказались в кромешной тьме. Надя, что было сил, боролась со своими страхами, тело ее не дрожало, а напряглось и застыло, дышала она тяжело и прерывисто.

Машина слегка дернулась — видимо, двинулась в путь. Робу представилось, как она превращает камни перед собой в мелкие частицы и, извиваясь, плывет

через них так же легко и свободно, как кит в океане, а частички, точно вода, смыкаются позади. А может, принцип движения машины иной, но какой именно, кто его знает. Что ж, еще одно непонятное устройство чужаков.

Мягкое покачивание прекратилось.

Неужели они прибыли? Сколько прошло времени? Неизвестно.

Люк распахнулся, и в глаза космонавтам ударили яркий свет. Роб заморгал, сел, склонился над Надей, желая помочь, но она оттолкнула его руку.

Роб выполз из машины, Надя — за ним. Они очутились в просторной камере со стенами из темно-голубого металла, рядом неподвижно застыла машина-червяк. Свет в носовой ее части потух, и теперь стало видно, что та на деле — обыкновенная металлическая решетка. В ближайшей стене появилась щель и, расширяясь, вскоре превратилась в дверной проем круглой формы. Надя, даже не взглянув на Роба, направилась туда, он поспешил за ней. Оказавшись в узкой комнате, космонавты остановились, дверь за их спинами закрылась, и внезапно на стеклах шлемов выступила изморозь.

Роб стер ее рукавом и заговорил:

— Воздушный шлюз. Не открывайте шлем, подождите, пока уравновесится давление.

Надя молча смотрела в сторону.

Влага, сконденсировавшись из атмосферы на холодном металле, побежала ручейками по стенкам шлюза. Давление воздуха стало достаточным для передачи звука, и космонавты услышали нарастающее шипение. Вскоре шипение прекратилось, и в стене напротив той, сквозь которую они вошли, открылась новая дверь. Роб, сжав кулаки, притиснулся мимо Нади и шагнул через порог. В заполненной неизвестными механизмами комнате с металлическими стенами восседал в кресле блеттер — оружие, очень похожее на то, из которого был ранен капрал Шетли, направлено на людей, в широко раскрытой пасти блестят ряды мелких острых зубов, псевдомех непрерывно шевелится, подобно волосам трупа под водой. Заставив себя не обращать внимания на отталкивающий облик инопланетянина, Роб включил радио и обратился к Наде:

— Не делайте резких движений и не приближайтесь к нему. Сейчас я приоткрою шлем и попробую воздух.

Он поднял руку и, отстегнув крепление, приподнял шлем. Воздух слабо засвистел, давление уравнялось. Роб сделал неглубокий вдох. Воздух оказался холодным и пронизанным незнакомыми ароматами, но тем не менее для дыхания годился. Роб снял шлем, нагнулся и положил его на пол у ног, уголком глаза заметив, что Надя сделала то же самое. Блеттер сидел все так же неподвижно, оружие в его руках было по-прежнему направлено на людей.

— Вы говорите по-английски? — спросил его Роб.

Рот блеттера открылся еще шире, и послышались слова, произнесенные хриплым, с прищепыванием, голосом:

— Почему вы шпионите за нами?

Чужак говорит по-английски! Первый контакт установлен!

— Мы не шпионим, — сказал Роб. — Мы пришли сюда с миром, рассчитывая на переговоры с вами.

— О каком мире вы говорите? Ведь вы в союзе с нашими смертельными врагами, оиннами, и на вашей планете находится их военная база.

— Пожалуйста, поймите нас правильно. Прилетев на Землю, оинны заявили, что ваш народ — враг не только им, но и всем разумным существам, в том числе и нам. Не все люди им поверили, и наши правительства, желая выяснить правду, послали нас к вам.

Блеттер сидел и, не мигая, смотрел на них; лишь его «мех» колыхался, будто от легкого ветерка. Молчание затянулось. Наконец блеттер, издав почти человеческий стон, заговорил в висевшее рядом на стене устройство. Слова чужого языка звучали весьма непривычно для человеческого уха. Из устройства послышался голос другого чужака, говорившего на том же языке. Блеттер пискнул в ответ и сунул оружие в портупею на поясе.

— Сейчас мы все выясним, — сказал Роб Наде. — Узнаем правду об оиннах и о том, что проис...

— No habla ud espanol?*

Роб, растерявшийся на секунду, ответил:

* Вы говорите по-испански? (исп.) — Примеч. ред.

— Si, poquito. Porque?*

Надя тут же заговорила по-испански:

— Не знаю, понимают ли блеттеры этот язык, но по крайней мере у нас есть шанс... Прежде чем мы начнем переговоры...

Надя замолчала, Роб нетерпеливо спросил:

— Так в чем дело?

— Язык, на котором говорили блеттеры, хоть и звучит иначе, тот же, что и язык оиннов. Совершенно тот же. Странно, что у заклятых врагов одинаковый язык.

* Да, немножко. А что? (исп.) — Примеч. ред.

Глава 10

БЛЕТТЕРЫ

— Следуйте за мной.

Чужак встал и пересек комнату. Секция стены перед ним опустилась в пол, и он прошел в коридор. Роб с Надей последовали за ним.

«Почему две совершенно разных, к тому же ведущих между собой жестокую войну, расы чужаков говорят на одном и том же языке?»

Не найдя разумного объяснения, Роб загнал бесполезный пока вопрос в дальний уголок сознания. Главное сейчас — переговоры с чужаками.

Пройдя за блеттером по коридору, земляне очутились в просторной комнате, которая, казалось, не имела определенного функционального назначения — на стенах висели похожие на гобелены куски тканей с непонятными абстрактными символами; посредине стоял низкий, не более фута в высоту, стол; вокруг него — здоровенные кресла; в одном из них сидел блеттер в украшенной звездами из блестящего металла портупеей, колючие глаза устремлены на людей.

— Это — командир базы, Аплинн, — представил блеттера людям их провожатый. — Ваш язык он понимает, но разговаривать на нем не желает. Переводить буду я, Српarr.

Роб шагнул вперед.

— Я — полковник Роберт Хейворд, полномочный представитель правительства Соединенных Штатов Америки. — Он извлек из кармана и положил на стол перед блеттерами свой документ. — Эта бумага подтверждает мои слова. Моя спутница — Надя Андрианова. Она представляет Союз Советских Социалистических Республик. У нее — такой же документ от ее правительства, как и у меня.

— Почему люди помогают презренным оиннам в войне с нашим миролюбивым народом? — спросил Српarr, тяжело опускаясь в ближайшее кресло.

Аплинн согласно кивнул, и оба чужака холодно уставились на людей.

— Сейчас все объясню. — Чувствуя себя представшим перед судом уголовником, Роб сел, вернее, почти взобрался в одно из кресел. Надя уселась в соседнее. — Начну с начала. С того, что посреди Нью-Йорка приземлился ваш корабль...

— Какой корабль? — спросил Српarr.

Роб открыл кейс, достал сделанную в Центральном парке фотографию корабля чужаков и протянул ее через стол Српarry.

— Вот этот. Возможно, вам о нем ничего не известно.

Српarr, молча посмотрев на снимок, передал его командиру. Тот кинул на снимок мимолетный взгляд, отшвырнул его и коротко пролаял. Српarr тут же перевел:

— Командир спрашивает, зачем вы показываете нам фотографию патрульного корабля оиннов?

«Патрульный корабль оиннов?! — В голове Роба лихорадочно закружился вихрь мыслей. — Выходит, оинны врали нам с самого начала! Если только... Если только не врут блеттеры! Возможно все что угодно. Люди почти ничего не знают ни о той, ни о другой расе чужаков. Может, блеттеры заговорят между собой на своем языке, и тогда Надя поймет. То, что она знает их язык — секретное и, возможно, пока единственное наше оружие».

— Сейчас вы поймете, почему мы поверили оиннам. — Роб вытащил следующую фотографию. — На этом снимке — два пилота в рубке управления корабля.

Блеттеры внимательно осмотрели снимок, снова заговорил командир, и снова Српarr перевел:

— Оинны заменили кресла в рубке нашими, но приборы оставили свои. Видите, ручки управления изготовлены под их двухпалые руки?

— Не замечаю различий, но в этом разберутся наши специалисты.

«Если я, конечно, вернусь на Землю», — добавил про себя Роб и передал блеттерам следующую фотографию.

— Этот блеттер напал на нас, ранил одного из моих людей и был убит.

— Как он был вооружен?

— У него было ручное оружие, весьма похожее на то, что я видел у вас.

— После того как вы убили блеттера, оружие взорвалось?

— Да.

Из горла Срптарра вырвался негодующий вой.

— Мерзавцы-оинны заставили нашего товарища двигаться мертвым. Оружие в его руках управляло телом, воздействуя непосредственно на мозг. Оинны проделывали такой трюк и прежде.

— Взрыв оружия нам тоже показался странным.

— В корабле был оинн?

— Да, в одном из отсеков мы обнаружили прикованного к стене оинна.

— А как зовут того оинна, что прикинулся пленником?

— Хес'бю.

Аплинн пролаял слово, которое могло быть только проклятием.

«Интересно, есть ли оно в словаре Нади?» — подумал Роб.

— Этого отпетого негодяя мы прекрасно знаем, — сказал Срптарр и в негодовании отшвырнул снимок. — Он — офицер высшего ранга в секретной службе оиннов. Несомненно, наши товарищи были мертвы, а кораблем управлял Хес'бю. Посадив корабль, он приковал себя цепями, чтобы одуречить вас и опорочить нас.

— Да, их хитрость сработала, люди им поверили, хотя и не все. Подтверждение тому — наше появление здесь.

Подумав секунд десять, Аплинн очень по-человечески кивнул.

— Теперь нам понятно, почему ваши народы воюют с нами, — сказал Српarr. — Расскажите, пожалуйста, подробно обо всем, что произошло после приземления корабля оиннов.

Роб медленно и обстоятельно, как если бы составлял рапорт, описал все события. Блеттеры слушали его молча и лишь единожды, узнав о решении Соединенных Штатов и Советского Союза помочь оиннам в строительстве военной базы на Южном полюсе, громко заговорили друг с другом. Роб кинул быстрый взгляд на Надю, та едва заметно кивнула. Дождавшись, когда блеттеры замолчали, Роб закончил рассказ и откинулся на спинку огромного кресла.

— Мерзавцы-оинны врут вам от начала до конца! — почти взвыл Српarr, и его голубой псевдомех затрепетал, будто от порывов штормового ветра. — Оинны — убийцы и мастера лжи!

— Но мы не знали об этом.

— Воспользовавшись хитрой уловкой, оинны построили на Земле свою военную базу и получили доступ к природным ресурсам вашей планеты. Скоро вы будете умирать за них, и в конце концов они вознаградят смертью всех, так как, по их мнению, жить в Галактике достойны только оинны.

— Люди уже умирают. Ваши бомбами были уничтожены три наших города.

— Мы не сбрасывали никаких бомб. Мы ведем только оборонительную войну. В гибели своих городов вините оиннов.

— Но они утверждают, что бомбы сбросили вы, — сказала Надя.

Српarr кивнул:

— В течение неизмеримо долгого времени мы и другие расы Галактики воюем против вероломных оиннов. За это время погибли миллионы разумных существ, уничтожено более десятка рас. Так уж повелось, что коварные оинны ведут с нами войну, прибегая как к помощи оружия, так и лжи, мы же сражаемся только оружием. Мы ведем бои в центре Галактики и в то же время занимаемся поисками новых миров и новых ресурсов, ищем союзников. Коварные оинны шпионят за нами, стараются опередить. Вашу планету мы обнаружили несколько тысячелетий назад и полагали, что ее местонахождение — секрет для оиннов. К несчастью,

мы ошиблись. Пока мы подготавливали крепость, чтобы, прилетев к вам, сообщить, что творится в Галактике, и затем просить вас о помощи, оинны обнаружили Землю и мобилизовали людей на войну с нами. Мы узнали об этом, только очутившись в окрестностях Солнечной системы. Выкачав из Земли все, что можно, оинны уничтожат вас, но знайте же, что мы готовы прийти вам на помощь.

Подавшись вперед, Аплинн заговорил на своем языке, Српапр перевел:

— Командир хвалит вас за храбрость и находчивость. Он также спрашивает, каковы будут ваши дальнейшие действия?

«В самом деле, — подумал Роб. — Что мы предпримем?»

— Вопрос серьезный. Пожалуйста, оставьте нас на время одних, мы обсудим сложившуюся ситуацию, примем решение.

— Хорошо. Вы хотите есть или пить?

— Мы не отказались бы от воды. И еще, в задней части лунохода находятся желтые контейнеры с голубыми полосками, в них — запас еды. Машина повреждена, но я видел, что контейнеры не пострадали. Если можно, доставьте их Сюда.

— Все необходимое вам скоро принесут.

Блеттеры встали и ушли, земляне остались одни. Роб, коснувшись указательным пальцем губ, огляделся — не исключено, что комната прослушивается. Надя, понимающе кивнув, сказала:

— Прежде всего, необходимо как можно скорее организовать связь между лунной базой блеттеров и людьми на Земле. Мы, конечно, эмиссары своих правительств, но проблема касается всех стран Земли. Окончательное решение должна принять ООН.

— Согласен. Блеттеры обладают передовыми технологиями; возможно, с их помощью удастся наладить скрытую связь. Запишем это и другие наши решения. — Вытаскивая из кармана блокнот и шариковую ручку, Роб подмигнул. — У вас есть бумага?

Надя в знак того, что поняла, едва заметно кивнула, тоже достала из кармана блокнот и, что-то записывая в нем, заговорила:

— Каждый из нас составит свой отчет, а потом мы обменяемся ими, чтобы сравнить, насколько они совпадают.

— Согласен.

— Итак, что вы предлагаете?

— Прежде всего, абсолютная секретность. Если только оинны пронюхают о наших переговорах с блеттерами, то, возможно, не задумаясь уничтожить Землю. Нам нужно быть такими же хитрыми и изворотливыми, как они.

— Правильно. Что еще?

— Нужно установить связь между нашими правительствами и блеттерами. Записали?

— Да. Давайте убедимся, что записи в наших блокнотах идентичны.

— Хорошо.

Они обменялись блокнотами, и Роб прочитал в Надином:

«Перевод полностью соответствует разговору между блеттерами. Но почему заклятые враги пользуются одним и тем же языком? Считаю, что этот вопрос необходимо выяснить в первую очередь».

Роб кивнул, написал большое «ДА!», дважды его подчеркнул, и они вновь обменялись блокнотами.

С появлением новых фактов ситуация не только не прояснилась, а становилась все более запутанной. Оинны — лжецы и захватчики? Тогда необходимо как можно скорее избавить от них Землю. А может, лгут блеттеры?.. Ясно одно — необходимо раздобыть как можно больше информации о конфликте между чужаками, при этом нельзя верить ни единому слову как одних, так и других.

В комнату вошел блеттер и, молча поставив на стол прозрачный контейнер, две большие кружки и герметичную упаковку с продовольствием из лунохода, удалось.

— Похоже, здесь — вода. — Надя похлопала по прозрачному контейнеру. — А эта штука, возможно, пробка... О!

Из контейнера забила струйка воды. Быстро разобравшись в инопланетном механизме, земляне уменьшили напор воды и наполнили кружки. С жадностью осушив их и наполнив вновь, они принялись жевать безвкусный сухой паек и запивать его водой.

— Чем больше я думаю о дальнейших планах, тем тверже убеждаюсь, что принятие окончательного решения — не наше дело. По-моему, нам нужно проинформировать наши правительства о том, что мы обнаружили, а дальше пускай думают они.

— Полностью с вами согласен. Как бы нам сообщить блеттерам о нашем решении?

— Должно быть, здесь есть переговорное устройство. Вы не видите пульта или хотя бы кнопку?

— Нет.

— Тогда давайте просто позовем их. Возможно, они нас слышат.

— Попробуйте.

— Српarr, если ты слышишь, пожалуйста, присоединись к нам.

Пока они ждали, Надя вырвала из своего блокнота страницу и, разорвав ее, смешала мелкие клочки бумаги с остатками пищи на дне контейнера. Едва она закончила, в комнату вошел Српarr.

— Вы меня звали?

— Да, — ответил Роб. — Мы посовещались и решили, что нужно установить секретную связь между вашей базой и народами Земли.

— Согласен. Координация — основа основ.

— У вас есть прибор, позволяющий наладить такую связь?

— Да, у нас есть излучатель, который создает... В вашем языке нет подходящего слова, но самое близкое по значению понятие — энергетическое поле. Это поле скорее напоминает гравитационное, чем электромагнитное. С помощью подобных излучателей мы поддерживаем межзвездную связь, радиус их действия — до нескольких десятков световых лет. Оинны пользуются аналогичными устройствами. Расшифровать наши коды оиннам не по зубам, что, впрочем, верно и для нас. Излучатель — очень сложный прибор, работать с ним по силам только блеттеру. Этим блеттером буду я.

— Хорошо, — сказала Надя.

— Наш посадочный модуль сможет поднять на орбиту лишь троих: меня, Надю и пилота, — заметил Роб. — Как вы попадете на Землю?

— Наш командир уже разработал план, на Землю мы отправимся вместе. Наш флот нападет на антарктическую базу оиннов, и один из атакующих кораблей

незаметно отделяется и сбрасывает капсулу, в которой будем находиться мы. У вас есть на примете такое место, где враг не сумеет обнаружить ее?

— Предлагаю приземлиться в Сибири, — сказала Надя. — Вряд ли оинны наблюдают за Сибирью, ведь Сибирь — обширный и малонаселенный район, площадью в целый континент, и там постоянно приземляются спускаемые аппараты советских космических станций. Если даже нас не засекут советские радары, то, опустившись вблизи любого населенного пункта, мы быстро свяжемся с советским правительством. Вас устраивает такой план?

— Вполне.

— А вас, полковник Хейуорд?

Роб быстро соображал.

«Заполучить Српарра в удаленную от оиннов Россию — звучит многообещающе. Соединенные Штаты смогут быстро перебросить туда свою команду, которая будет действовать по указке Вашингтона».

— Вроде бы план неплохой. Но луноход вместе со всем оборудованием разрушен. Как бы сообщить майору Кобе, что на Землю мы отправляемся без него?

— Мы свяжемся с ним с нашего корабля, как только взлетим, — заверил Роба блеттер.

— Тогда я — за.

— Нужно подготовиться к высадке, — сказал Српарр и заспешил к выходу.

Роб внезапно почувствовал себя крайне утомленным. И физически, и психологически. Он повернулся к Наде и, заметив, что она от усталости едва держится на ногах, сказал:

— Тяжелый выдался денек.

— Да, — подтвердила она отрешенно.

— Надя, поверьте, я искренне сожалею о том, что произошло между нами.

— Я — тоже.

— Поймите, у меня не было выбора. Неважно, что чувствовал каждый из нас, мы должны были войти в ту чертову машину.

— Знаю, но будь вы настоящим мужчиной, вы бы убедили растерянную слабую женщину, не прибегая к физической силе.

— Будь вы мужчиной, я поступил бы точно так же.

— Верится с трудом.

— Поймите, времени на церемонии не было, на карту были поставлены не только наши жизни, но и судьба всего человечества.

— Ладно, хватит. — Продолжая говорить, Надя что-то быстро записала в блокноте и передала его Робу. — Есть вопросы поважнее наших отношений.

Мельком взглянув на лист, Роб прочитал:
«НУЖНО БЫТЬ ПРЕДЕЛЬНО ОСТОРОЖНЫМИ.
БЛЕТТЕРАМ Я ВЕРИЮ НИЧУТЬ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ
ОИННАМ».

Он кивнул, порвал лист на мелкие клочки и спрятал их в карман.

— Полностью с вами согласен.

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

На секунду обжигающее сибирское солнце закрыла тень. Была ли то птица или облако, крестьянина, усердно пропалывающего грядки с капустой, не заботило. Если за короткое лето он не вырастит достаточно пищи, то суровой зимой будет голодать. А голод в здешних краях — почти верная смерть.

Крестьянин с ожесточением ударили деревянной тяпкой по сорняку. Тень снова заслонила солнце. Крестьянин запрокинул голову, прикрыл глаза от солнечного света мозолистой рукой и застыл, открыв рот. С неба спускался черный цилиндр.

— Боже мой!

Тяпка выпала из окостеневших пальцев. Цилиндр, плавно опустившись на грядки капусты, замер, в блестящем металлическом боку открылся люк, на землю выпрыгнула серебристая фигура, за ней — другая. Пронзительно вскрикнув, крестьянин опрометью бросился прочь.

— Вернись, дурак! — крикнула ему вслед Надя. — Мы же — космонавты!

Услышав ее московский акцент и властную твердость в голосе, крестьянин подчинился. Надя, указав на белые домишкы в километре, спросила:

— Колхоз?

— Да-да, — дрожа, проговорил крестьянин.

— А телефон там есть?

— Е-е-есть.

— Отлично. — Повернувшись к Робу, Надя сказала по-английски: — Я пойду позовню, скоро вернусь. Держи Срппарра внутри. Если мужик его только увидит, то умрет от разрыва сердца.

Она направилась по грунтовой дороге к ферме. Продвигив ее взглядом из-под косматых бровей, крестьянин огляделся и, впервые обнаружив, какой урон полю нанесли незваные гости с неба, истошно взвыл:

— Капуста!!!

— Вся Земля в опасности, а он о капусте думает, — устало буркнул Роб, присаживаясь в тени спускаемого аппарата.

Видимо, часть его чувств передалась крестьянину, и тот удалился суетливой рысью. Вскоре Роб увидел идущую от фермы Надю. Она не прошла и половины пути, как, подняв облако пыли, в поле рядом с капсулой опустился вертолет. Еще не замерли лопасти, а из вертолета уже спрыгнуло отделение солдат и, обеспечивая прикрытие со всех сторон, молниеносно развернулось строем вокруг капсулы.

«Военные в России оперативны, — с удовольствием отметил Роб. — Эх, если бы здесь во всем был такой порядок».

Надя приблизилась к вертолету и заговорила с пилотом. Приняв из его рук нечто завернутое в материю цвета хаки, она подошла к Робу и уселилась рядом.

— Я связалась с Москвой, скоро за нами прибудут грузовики, — сообщила она, стирая с лица рукавом смешанный с пылью пот. — Предлагаю, пока есть время, отметить успешное выполнение нашей миссии. — Она раскрыла армейский вещмешок и достала холодную, покрытую капельками влаги бутылку «Зубровки». — О стаканах летчики не подумали. — Содрав пробку, она отпила прямо из горлышка.

Роб взял у нее бутылку, тоже сделал приличный глоток.

— Крепка, однако! — восхликал он.

Покопавшись в недрах вещмешка, Надя извлекла каравай черного хлеба и батон салами.

— Больше у них ничего не нашлось.

— И на том спасибо, — сказал Роб.

Нарезав хлеб и колбасу, они ели и пили, и Роб чувствовал, что антипатия к нему мало-помалу покидает Надю. Едва они успели худо-бедно утолить голод, пыль на дороге возвестила о прибытии конвоя. Надя встала и, подойдя к самому большому грузовику, что-то приказала шоферу. Тот сразу подогнал грузовик к капсуле и развернул его задней частью к распахнутому люку. Чем меньше свидетелей, даже здесь, в самом сердце Союза, тем лучше. Стоит кому-то узнать, что на борту корабля — блеттер, катастрофа неминуема. Раздалась громкая команда, все солдаты, как один, отвернулись. На мгновение из капсулы показался чужак и сразу скрылся в крытом брезентом кузове. Надя и Роб перенесли туда же захваченные Српарром с лунной базы контейнеры с оборудованием и едой. Работая, они изрядно вспотели, а как только закончили, Надя подала знак шоферу, устало опустилась на деревянную скамью рядом с Робом, и конвой немедленно двинулся в путь.

— Власти в Москве весьма обеспокоены, — сообщила Надя. — Я, конечно, не посвятила их в детали, а лишь доложила, что наша миссия была успешной, и попросила в строжайшей тайне обеспечить нас транспортом. Нас ждут на базе «Розовая». Вряд ли вы о ней слышали.

— Надя, вы забыли, что я — разведчик. База «Розовая» — секретный подземный центр управления всеми морскими, сухопутными и воздушными силами Прибалтийского района вашей страны.

Надя удивленно приподняла брови.

— А разведка у вас работает лучше, чем я считала.

— Полагаю, военные секреты теперь не имеют того значения, что раньше?

— Конечно, теперь наши государства — союзники, и мы обладаем тем, что вы, американцы, окрестили побочными преимуществами галактической войны.

— Согласен. Конец «холодной войны» — единственное благо от появления на Земле чужаков. Обидно, что пока не разразилась война в космосе, лидеры правительства не понимали, что всякие национальные амбиции — всего лишь семейные склоки.

— Здесь очень жарко и неудобно, — пожаловался Српарр. Его псевдомех усиленно шевелился. — Очень жарко.

— Через несколько минут мы прибудем на военно-воздушную базу, — заверила Надя. — Там тебя сразу посадят на самолет, а на его борту есть кондиционер, и температуру можно будет понизить. Потерпи немного.

— Я потерплю, хотя с каждой минутой чувствую себя хуже.

Чужак неловко откинулся на спинку скамейки и как будто заснул.

— Мое правительство уже проинформировано? — спросил Роб.

— Да. Команда из вашего посольства в Москве сейчас на пути к базе «Розовая».

— В таком случае я там не понадоблюсь. Они сами установят аппаратуру связи и записи, совместно с вами начнут работу с чужаком. Я же прямиком отправлюсь в Вашингтон, доложу обо всем, что случилось с нами на Луне.

— Проблем с перелетом в Вашингтон у вас не возникнет, — заверила Роба Надя. — На базе есть сверхзвуковой истребитель. Я имею право им распоряжаться. Пока вы с базы по закрытому каналу спутниковой связи переговорите со своим руководством, его выведут на взлетную полосу, заправят и подготовят к полету.

Слова Нади прозвучали для Роба словно чудесная музыка.

Двухместный истребитель, быстро набрав крейсерскую высоту, направился с максимальной скоростью в три целых шесть десятых звуковой к североамериканскому континенту. Убаюканный мерным воем турбин и теплом, Роб задремал и проснулся лишь перед самой посадкой.

Пронзив плотный слой облаков, самолет замер на посадочной полосе посреди разбушевавшейся грозы. Следуя инструкциям диспетчера, пилот ждал. Вскоре к истребителю подъехал тягач и отбуксировал его в дальний конец аэродрома, вне видимости из зала ожидания. Едва смолкли двигатели тягача, как из тумана вынырнул и опустился на мокрый бетон вертолет ВВС США.

Армейский эскорт молча препроводил Роба в комнату для совещаний, что помещалась в пентагоновском

подземелье. Роб чувствовал себя грязным и небритым, что, впрочем, полностью соответствовало действительности. Навстречу ему, протягивая руку, вышел Боннингтон.

— Вы успешно справились с заданием, полковник. Примите мои самые искренние поздравления.

— Спасибо, сэр. Но у меня ничего бы не получилось, не будь рядом Нади.

— Той прекрасной юной леди? Конечно, конечно... Мы с нетерпением ждем вашего доклада, но прежде вас поздравит еще один человек.

К Робу подошел высокий, слегка сутуловатый седеющий мужчина, и они крепко пожали друг другу руку.

— Отличная работа, полковник.

— Благодарю вас, мистер президент.

— Боннингтон поделился со мной подозрениями, которые толкнули вас на столь опасную экспедицию, и, признаюсь, теперь я их тоже разделяю. Садитесь же и расскажите нам обо всем, что случилось на Луне. Позже вы встретитесь с членами секретной комиссии, а пока ваш рассказ, если не возражаете, будет записан на магнитофон.

— Конечно, сэр.

Роб сел в кресло и принялся медленно и обстоятельно рассказывать. Слушали его не перебивая, с неподдельным интересом, — Боннингтон сидел прямо, президент подался вперед. Когда Роб закончил, президент откинулся на спинку кресла, глубоко вздохнул и погрузился в размышления. Одновременно он вытащил из жилетного кармана упаковку успокоительных, извлек одну таблетку и сунул в рот. Роб отметил, что в уголках глаз президента пролегли морщины, на лице застыла глубокая озабоченность.

— А что вы сами думаете о случившемся, полковник? — прервал затянувшееся молчание президент.

— Я считаю, сэр, что блеттерам доверять нельзя. Такого же мнения придерживается и мисс Андрианова. Пока мы были у них, она передала мне записку. В ней было сказано, что блеттерам она верит ничуть не больше, чем оиннам.

— Какие у вас основания не доверять блеттерам?

— Те же, по каким мы не верим оиннам. Все заявления блеттеров насчет войны и вторжения голословны.

Если опустить все, что наговорили чужаки, то что мы имеем?

— Что же?

— Посреди Нью-Йорка приземлился космический корабль с двумя видами чужаков на борту. Очевидно, что организовать эту акцию могла любая из враждующих рас. Пока мы располагаем лишь клятвами обоих, что за произошедшее ответственны их враги, поэтому отклоним уверения и тех, и других, как недоказуемые. Что же остается? Без сомнения, чужаки воюют между собой. У одних — крепость на Луне, у других — энергетическое оружие на Южном полюсе. Земля вовлечена в межзвездный конфликт, чужаки сражаются друг с другом, а мы уже потеряли три города и несколько миллионов человек. Ситуация кризисная, а все действия чужаков напоминают манипуляции фокусника или шоу-представление.

Президент кивнул:

— Именно, шоу-представление. Уж в этом-то я кое-что смыслю. Полковник, располагаете ли вы какими-нибудь доказательствами своих слов?

— Да, сэр. Язык чужаков. Обе расы инопланетян, столь чужды друг другу, сколь чужды им мы, говорят на одном языке. Почему? Думаю, что если мы ответим на этот вопрос, то выясним суть галактического конфликта.

— Что-нибудь еще?

— Остальные мои доказательства скорее субъективны, чем объективны.

— То есть?

— Сэр, я чувствую, что и оинны, и блеттеры лгут нам.

— Роберт, вы понимаете, что выдвигаете против инопланетян серьезные обвинения, не подкрепленные сколько-нибудь убедительными уликами? — спросил Боннингтон.

— Я не выдвигаю обвинений, сэр, а лишь, как меня просили, высказываю личное мнение. Ведь факт, что мы помимо воли втянуты в галактическую войну, от которой тяжело страдаем, налицо.

— К сожалению, галактическая война — факт, а с фактами, как известно, не поспоришь. — Президент тяжело вздохнул. — У вас есть какие-нибудь предложения, полковник?

— Считаю, что необходимо быть чрезвычайно осторожными с инопланетянами, сэр, не верить ни тем, ни другим и помнить, что мы защищаем лишь интересы человечества, а не воинственных пришельцев со звезд.

Президент кивнул.

— Согласен. Как вы полагаете, что предпримут русские?

— Думаю, что пока, как и мы, — ничего. У них же подозрения относительно пришельцев и никаких улик.

— Хоть в этом вопросе мы единодушны с бывшими врагами. У вас есть еще какие-нибудь предложения, полковник?

— Да, сэр, но, боюсь, мои предложения — не совсем то, что вы ожидаете.

Президент устало покачал головой.

— Полковник, я не забыл, что вы — первый человек, вступивший в контакт с обеими расами чужаков. Так кому же, как не вам, быть консультантом в вопросах, связанных с ними?

— Продолжайте, Роберт, — властно сказал Боннингтон. — Если у вас есть идеи, то поделитесь, пожалуйста, с нами.

Роб расправил плечи, выпрямился в кресле, набрал в легкие побольше воздуха и заговорил, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Слушаюсь, сэр. Считаю, что поскольку верить ни тем, ни другим чужакам мы не можем, то и действовать заодно с теми или другими не следует. — Роб замолчал, собираясь с мыслями.

— Так что же нам остается? — не выдержал президент.

— Нужно, прикрывая свои истинные планы, притвориться, что мы сотрудничаем и с теми, и с другими, а самим собираться с силами, чтобы при необходимости защитить себя.

— Но что мы можем предпринять? Чужаки обладают мощнейшим оружием и технологиями, что превосходят наше воображение.

— К сожалению, сэр, это так. Поэтому нужно быть хитрыми и изворотливыми, как оинны и блеттеры. Нужно, задействовав ученых, выяснить, как работает оружие чужаков, а затем наладить его массовое производство. — Шеф ЦРУ и президент во все глаза смотрели

на Роба. Тот, глубоко вздохнув, заговорил вновь: — Считаю, что, тайно вооружившись, нам следует немедля объявить войну обеим расам чужаков и вышвырнуть их с Земли и Луны раз и навсегда.

Президент от изумления приоткрыл рот, и даже глаза внешне невозмутимого Боннингтона расширились в легкой тревоге.

Глава 12

ВОЛЕВОЕ РЕШЕНИЕ

Подгоняемый свежим бризом маленький парусник легко скользил среди валов Атлантического океана. С безоблачного голубого неба светило яркое солнце. Наслаждаясь ровным движением, Роб легкими прикосновениями к румпелю держал парус натянутым. Надя сидела на носу, ее веки за стеклами темных очков были прикрыты. В черном бикини она выглядела неотразимо. Роб, отогнав эту мысль, огляделся: к востоку подобно гребням гор вздымались башни Майами-бич, вокруг — ни единого судна.

— По-моему, мы уже достаточно удалились от берега, — сказал Роб.

Надя подняла голову и открыла глаза.

— А наше суденышко?..

— Я выбрал его наобум из сотни подобных, к тому же тщательно обследовал и не обнаружил на борту никакой электроники. Можно разговаривать, не опасаясь быть подслушанными.

— Мы помешались на секретности.

— Может быть, но, не дай Бог, чужаки прознают о наших планах, и тогда — конец Земле.

Надя вздохнула и опустила пальцы в воду за бортом.

— Вы, конечно, правы, я просто хандрю. Постоянное напряжение и страх ненароком проговориться делят мою жизнь сущим адом.

Голос ее был безразличным, даже холодным. Робу захотелось наклониться к ней, дотронуться, ободрить, но он лишь сильнее стиснул румпель. Парус тотчас затрепетал, и Роб ослабил хватку.

С тех пор как он силой затащил Надю в машину-червя, отношения между ними изменились. Ну и наплевать! Есть дела поважнее, чем личные чувства.

— Так уж случилось, Надя, что мы с вами оказались неразрывно связаны с чужаками. Нам предстоит быть с ними с начала до конца, каким бы он ни был. Мы здесь, чтобы работать, так давайте займемся делом.

— Какие мы сегодня решительные!

Лицо Нади побелело от гнева, но через мгновение она, взяв себя в руки, зачерпнула пригоршню воды из-за борта и плеснула себе на лоб. Вода каплями потекла по ее щекам. Надя вновь заговорила, теперь почти спокойно:

— Извините.

— Да чего уж там.

— Из Объединенной Военной Ставки есть новости?

— Ничего стоящего. «Ястребы» и «голуби», как обычно, выдвигают уйму убедительных аргументов, а результат все тот же — нерешительность. Хотелось бы получить больше информации от Српарра. Он объяснил, как работает устройство связи блеттеров?

Нет. Говорит, что сам толком не знает, а технические подробности слишком сложны, чтобы передать их по радио с Луны.

— Получается, что мы находимся там же, где и месяц назад. Заводы по всему миру изготавливают компоненты энергетического оружия, а принципы его действия, регулировку и настройку оинны держат в секрете. Блеттеры ведут себя аналогично.

— Но должен же быть выход из кризиса!

— Должен. Но какой?

— Вопрос, как говорят у нас, не в бровь, а в глаз.

— Осторожнее, нокорачиваем.

Надя пригнула голову, Роб развернул румпель. Парус на секунду обмяк, затем вновь наполнился свежим ветром, и суденышко легло на новый курс.

— Сегодня совещание всех исследовательских групп, — сказал Роб. — Я буду на нем в качестве военного наблюдателя и зачитаю послание правительства. Оттого-то я и хотел прежде поговорить с вами и выяснить, достигли ли вы успехов с блеттерами.

— Мы тоже топчемся на месте. Я либо присутствую при переговорах Српарра с лунной базой, либо позже прослушиваю магнитофонную запись. Все сказанное им полностью соответствует переводу, который он дает.

— Возможно, блеттеры ведут с нами хитрую игру. А вы слышите слова тех, что на Луне?

— Нет. Српарр надевает наушники, и мы не имеем даже записи сигналов с Луны.

— У нас — похожая картина. Снова мы поставлены перед необходимостью верить чужакам на слово. У вас есть еще какая-нибудь стоящая информация?

— Лишь тот факт, что мы вот уже неделю снабжаем лунную базу ядерным сырьем — возмещаем энергию, потраченную блеттерами на наше освобождение.

— Негусто. До моего отлета больше двух часов. Может, пообедаем вместе?

— Нет, Роб, спасибо. Поверьте, я не сержусь на вас. Во всяком случае, сегодня, но мне хотелось бы побывать одной, подумать. Последние дни я по уши занята работой с людьми, засиживаюсь с бумагами допоздна. Если дадите мне урок, как обращаться с парусом, то я останусь на суденышке до вечера.

— Нет проблем.

Закончив слегка затянувшийся инструктаж, Роб заскочил в гостиницу, быстро переоделся, проглотил гамбургер и поспешил в аэропорт. Там его уже поджидал армейский вертолет.

Вскоре вертолет приземлился в Лоури-Филд. Выпрыгнув из кабины, Роб взгляделся в Денвер у горизонта. Перехватив его взгляд, сидящий за рулем джипа сержант выплюнул на бетон комок табака и сказал:

— Отсюда ничего толком не разглядишь, полковник. Из города все еще вывозят тела. Люди, собаки, кошки,

птицы — все-все сварились, взорвались, умерли... Запашок там, поди, не приведи Господи!

— Мы отомстим за Денвер, сержант. Пока не знаю как, но обязательно отомстим.

— Приятно слышать, сэр. — Голос сержанта звучал спокойно, почти флегматично. — Ребята рвутся в бой. Если вам понадобятся добровольцы, то только свистните, и их соберется столько, сколько нужно.

— Надеюсь, сержант, свистну, и в самое ближайшее время.

Путешествие проходило по земле и по воздуху в четыре этапа. На последних двух Робу завязали глаза.

Наконец он оказался в огромном, наполненном эхом конференц-зале без окон — части большого военного комплекса, вырубленного в монолите Скалистых гор. Заседание уже началось, но лишь в первых рядах разместилось несколько десятков ученых, а у кафедры стоял профессор Тиллмен.

— ...такова повестка дня, джентльмены. А теперь — первый доклад. Его сделает руководитель команды, изучающей НЛО, доктор Лакофф.

Роб поспешно занял ближайшее кресло. К кафедре подошел высокий, тощий, неопрятно одетый доктор Лакофф, разложил перед собой бумаги и, прочистив горло, начал:

— Коллеги, мой отчет содержит предварительные результаты изучения нашей группой корабля чужаков, приземлившегося в Нью-Йорке. Убедившись после беглого осмотра, что действовавший в присутствии наших наблюдателей оинн действительно отключил от источника питания все приборы в рубке управления, мы приступили к демонтажу. Так как приборы крепились неизвестным нам прежде образом, то с демонтажом мы справились, лишь сконструировав и изготовив специальные инструменты. Поместив приборы с корабля на лабораторные стенды, мы попытались их запустить, но не смогли. Дальнейшие тесты показали, что как снятые нами приборы, так и вся аппаратура на борту НЛО подверглись сильнейшим перегрузкам и выгорели изнутри.

По аудитории прокатился ропот, и Тилмен поднял руку, призывая к тишине.

— Вам известно, что послужило тому причиной? — спросил он у Лакоффа.

— Да. Мы точно установили, что в промежутке между приземлением корабля и деактивацией на нем бомбы по крайней мере некоторые из приборов функционировали. Если проанализировать последовавшие за посадкой НЛО события, то становится очевидно, что чужак, Хес'ю, вроде бы отключая приборы от источника питания, намеренно уничтожил их. В самом деле, его действия идеально согласуются с дальнейшим поведением оиннов, которые всеми силами препятствуют любым нашим попыткам разобраться в их технологиях. — Лакофф перелистал свои записи. — Выяснив, что вся аппаратура корабля уничтожена и восстановлению не подлежит, мы в плотную занялись изучением приборов, представлявшихся нам главным приводом и источником питания. Оба узла сконструированы из материала, физически сходного с металлом, но обладающего рядом не присущих металлам свойств. Материал оказался столь прочным, что ни разрезать его, ни просверлить в нем отверстие мы не в состоянии. Поэтому нам не удалось пока провести химический анализ вещества и приблизиться к разгадке его строения. Исследовав источник питания, мы выяснили, что топливом ему служил изотоп урана, а именно уран-235. На данный час, коллеги, заслушанная вами информация — все, что нам удалось узнать о корабле чужаков.

Профессор Тилмен вновь поднял руку.

— Попрошу тишины, джентльмены. Дискуссию проведем после заключительного отчета. Принимая во внимание необычность доклада доктора Лакоффа, я изменил порядок выступлений и по требованию мистера Далгаарда предоставляю ему минуту для краткого сообщения.

Высокий датчанин медленно поднялся из кресла и так же неторопливо повернулся лицом к аудитории.

— Джентльмены, считаю, что пока не закончились доклады, вам необходимо знать следующее: оинны сообщили, что почти все их запасы урана-235 — источника энергии радиационных излучателей — израсходова-

ны при обстреле крепости блеттеров перед ее посадкой на Луну и во время дальнейших боев и, ссылаясь на смертельную опасность для Земли, потребовали от нас дополнительных поставок этого изотопа урана. Груз уже на пути к военной базе на Южном полюсе, а ввиду его срочности все остальные поставки оиннам приостановлены. У меня — все, джентльмены.

— Джентльмены, повторяю, что дискуссия — после окончания всех докладов! — перекрывая голоса в зале, закричал Тилмен. — Следующий докладчик — доктор Хайсерман. Он и его люди производили анализ оружия оиннов.

Держа руки в карманах, на кафедру взобрался доктор Хайсерман.

— Мой доклад будет настолько краток, что я даже не принес с собой бумаг. На сегодняшний день у нас имеются все детали радиационного оружия оиннов, которые производят заводы по всей Земле. Пользуясь сделанными на антарктической базе фотографиями, мы собрали одно такое орудие. Части великолепно подошли друг к другу, и внешне наше изделие ничем не отличается от оригинала, но, к сожалению, не функционирует. Исследовав полученную нами установку, мы выяснили, что она представляет собой антенну для приема и передачи радиоволн на очень высокой фиксированной частоте, но электроники внутри нет, и чем ее начиняют оинны, можно лишь гадать. Без их компонентов наша установка — не более чем куча весьма дорогостоящего хлама...

Кто-то прошептал Робу на ухо:

— Полковник Хейуорд?

Роб повернулся и, увидев присевшего позади юного лейтенанта, кивнул.

— Извините, сэр, вас просят в центр связи. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Вслед за офицером Роб прошел через три поста вооруженной охраны и, предъявив удостоверение личности, попал в комнату связи.

— Для вас секретное сообщение, сэр, — сказал офицер-шифровальщик. — Сейчас оно в компьютере. Если нажмете вот эту кнопку, то сообщение появится на экране, а если вот эту, то сотрете его из памяти машины. Я выйду.

Дождавшись, когда за шифровальщиком захлопнулась дверь, Роб включил компьютер. На экране дисплея высветилось:

«СРОЧНО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В ВАШИНГТОН. НА БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ НАМЕЧЕНА ВООРУЖЕННАЯ АКЦИЯ С ВАШИМ УЧАСТИЕМ. БОННИНГТОН».

Глава 13

ПЛАН БИТВЫ

Кроме Роба в комнате находились еще трое: генерал Белтайн и двое русских — седой генерал с традиционными акрами орденских ленточек и медалей, ниспадавших с его серого кителя на обширный живот, и майор, приблизительно одного с Робом возраста, суровый, хорошо сложенный и, если судить по значкам «Отличный стрелок» из различных видов оружия и крыльышкам парашютно-десантных войск, боевой офицер.

Тихо кашлянув, заговорил Белтайн:

— Для начала, джентльмены, представлю вас друг другу. Я генерал Белтайн. Справа от меня — полковник Роберт Хейворд, мой подчиненный. Напротив меня сидит генерал Соболевский, рядом с ним — его адъютант, майор Кирша Данилов. А теперь, с вашего позволения, перейду к цели нашей встречи. На последнем совещании Объединенной Ставки нами был заслушан отчет о возможной вооруженной акции. Подробно о ней, если не возражаете, расскажет генерал Соболевский, подсекивающий в последние недели непосредственную связь с представителем блеттеров на Земле — Српарром.

— Благодарю вас, генерал. Каждый, кто имел дело с чужаками, единодушно утверждает, что и блеттеры, и оинны лгут нам и что всю информацию, которую мы

получаем от них, необходимо всесторонне анализировать. Поэтому большинство посланий, которые мы направляли блеттерам, предназначались лишь для того, чтобы вытянуть из них ответы для дальнейшего анализа. Например, мы предложили прекратить поставки оиннам изотопов урана, на что блеттеры нам посоветовали не делать этого, дабы не вызывать у врага подозрений. Мы сообщали блеттерам различные планы выживания у оиннов информации, и всякий раз получали от них весьма туманные рекомендации. Недавно мы вынесли на их рассмотрение операцию по захвату антарктической базы нашими силами. — Генерал оглядел офицеров и холодно улыбнулся. — Услышав наше предложение, Српапр чрезвычайно развелся и тут же связался с Луной. Оттуда немедленно пришло предостережение, чтобы мы никогда, ни под каким видом не пытались атаковать антарктическую базу оиннов. — Улыбка генерала стала шире. — И мы, конечно же, немедленно занялись планированием операции.

— Извините, генерал, что перебиваю, но боюсь, что утерял логическую нить, — сказал на столь же безукоризненном английском, как и у его начальника, майор Данилов. — Почему наперекор совету блеттеров вы наметили нападение на антарктическую базу?

— Пусть на этот вопрос ответит Роберт, — предложил генерал Белтайн. — Он был в непосредственном контакте с чужаками и той, и другой расы и знает о них гораздо больше, чем любой из нас.

— Есть, сэр. Я полностью согласен с генералом Соболевским в том, что атака на антарктическую базу оиннов — единственное правильное в данном случае решение.

— Почему? — спросил майор Данилов.

— С начала заварушки с чужаками мы блуждаем в потемках, пытаемся отсортировать ложь от правды. По любому поводу мы слышим от двух групп чужаков взаимоисключающие утверждения. Из этого следует, что одна из рас лжет, но мы не знаем какая. Каждая группа настаивает, что севший в Нью-Йорке корабль принадлежал противоположной стороне, каждая возлагает вину за уничтожение наших городов на другую, каждая утверждает, что захватчики — не они. И так далее, и тому подобное. Если вы поднимете записи

переговоров с оиннами и блеттерами, то убедитесь, что они противоречат друг другу по всем пунктам.

— По всем, кроме одного, — сказал Данилов, кивая в знак понимания. — Очевидно, что оинны не хотят, чтобы их военная база в Антарктиде была атакована. И блеттеры отговаривают нас от атаки. Из чего следует однозначный вывод, что на базе мы узнаем что-то, что, по мнению и тех и других чужаков, нам лучше бы не знать. Поэтому-то мы и нападем на эту базу.

— Совершенно верно, — подтвердил генерал Белтайн. — А руководить операцией захвата базы поручается майору Данилову и полковнику Хейуорду.

— Почему именно нам? — удивился Роб.

— Вы, Роберт, выбраны нами потому, что вы — не только великолепный боевой офицер, но и непосредственно знаете чужаков.

— А майор Данилов — потому, что мы много лет служили вместе, и он имеет значительный боевой опыт, — сказал русский генерал. — Кирша — инструктор по огнестрельному оружию и рукопашному бою, а также один из лучших лингвистов в Советской Армии. Он работал с Надей Андриановой и теперь говорит на языке чужаков так же бегло, как она.

Повинуясь внезапному импульсу, Роб наклонился вперед и протянул Данилову руку.

— Очень рад, Кирша, что мы будем работать вместе.

Улыбнувшись искренне, как мальчишка, Данилов сжал и с энтузиазмом потряс руку Роба.

— Мне тоже чертовски приятно, Роберт. Уверен, вместе мы разберемся с чужаками. Надя говорила, что на вас можно положиться в любой ситуации. Я ей верю.

— Возможно, мы действительно разберемся с чужаками, — задумчиво проговорил Белтайн и внезапно ударил кулаком по столу. — Нет, мы, черт побери, обязаны разобраться с подлыми разрушителями городов, хладнокровными убийцами миллионов людей! — Генерал говорил сквозь сжатые зубы, и в голосе его слышалась едва сдерживаемая ярость. — Видит Бог, мы долго ждали, но любому терпению приходит конец. Теперь мы ударим по ним, и нами движет не жажда мести, а необходимость добыть информацию. Мы наконец выясним, кто из чужаков — агрессор, кто бомбил наши города, кто начал вторжение на Землю. Без этих

сведений нам не выжить в галактической схватке. До-
станьте их, парни, и люди вас не забудут.

Генерал Соболевский кивнул:

— Вы ударите, ребята. Таков приказ. Когда именно, решим, не откладывая в долгий ящик. Я и генерал Белтайн считаем, что не следует навязывать вам своих решений, не выслушав ваших собственных планов. Итак, Кирша?

Данилов покачал головой:

— Не располагая достаточной информацией, това-
рищ генерал, я бы предпочел положиться на вас.

— И все-таки, твое мнение?

— Считаю, что атака должна быть полной неожи-
данностью для оиннов. Поэтому приблизиться к их базе
нужно не по воздуху, а по земле, вернее по льду.
Отберем лучших бойцов, знакомых с сибирской зимой
не понаслышке, и выступим. Ребята будут в восторге.

— Сожалею, Кирша, но твой план не сработает.
База оиннов расположена более чем в ста километрах
от океана, который к тому же в это время года скован
льдами. Даже если корабль незамеченным подойдет к
Антарктиде, переход окажется слишком долгим и опас-
ным. Нужен другой, скрытный и молниеносный способ
проникновения на базу.

В голове Роба внезапно зародилась идея.

«Сработает ли она? Нужно продумать детали».

Роб вскочил на ноги и заходил по комнате.

«Да, идея вполне может сработать!»

Роб остановился и, вдруг осознав, что трое офицеров
удивленно смотрят на него, опустился в кресло.

— Извините. Мне в голову пришла интересная мысль.

— И какая же? — спросил Соболевский.

— Почему бы нам не использовать против чужаков
их собственную хитрость?

— Какую хитрость?

— Троянский конь!

— Первоисточник мне известен, — сказал Кир-
ша, — но не вижу, как...

— Сейчас объясню. — Роб открыл лежавший пе-
ред ним блокнот и одним движением руки начертил на
разлинованном листе круг. — Это — база оиннов.
Здесь, здесь и здесь расположены излучатели. По пе-
риметру база окружена энергетическим полем, которое
удерживает снег и ослабляет силу ветра, отчего само-

леты там садятся даже в шторм. Тут и вот тут купол энергетического поля пересекает посадочная полоса. Радар ведет самолеты вот до этого места, а дальше пилоты совершают посадку, ориентируясь визуально. Грузовой самолет — вот наш троянский конь!

— Звучит заманчиво, — пробормотал генерал Соболевский.

— Грузовые самолеты приземляются на базе непрерывно. Время прибытия нашего совпадет с периодом сна оиннов. Солнце на Южном полюсе в это время года даже не поднимается из-за горизонта, и оинны соблюдают привычное им чередование сна и работы. Нужно еще, чтобы самолет прилетел в непогоду. Штормы там сейчас нередки, так что ждать нам долго не придется. На борту самолета будут только пилот и его помощник. Техники организуют убедительную аварию при приземлении, к примеру, сломается шасси, или откажут тормоза, и самолет, прокатившись по посадочной полосе, зароется в снег за энергетическим экраном.

— Гениально! — воскликнул Кирша, хлопнув в ладоши. — Пилоты будут ранены, и их срочно доставят в госпиталь, а самолет с тяжелым, но не боящимся мороза грузом останется в снегу до утренней смены.

Кирша от души расхохотался, Роб улыбнулся и кивнул:

— Именно. Где-то через час оинны успокоятся, а спрятавшиеся в самолете люди ударят по ним, и ударят безжалостно. Итак, перед нами еще один очень важный вопрос. Когда мы начали обсуждать план атаки, то решили, что захватим нескольких оиннов в плен и выжмем из них интересующую нас информацию. По этому пункту у меня серьезные сомнения.

— Какие же? — удивленно спросил Белтайн.

— Во-первых, мне представляется крайне маловероятным, что, не зная ни физиологии, ни психологии оиннов и не имея даже малейшего понятия, как на них давить, мы их разговорим. Во-вторых, и это самое важное: что, если чужаки подадут сигнал бедствия? Ведь нам о них ничего толком не известно. Вдруг они общаются телепатически? По моему глубокому убеждению, захватывая их в плен, мы чертовски рискуем.

Генерал Белтайн, глядя Робу в глаза, тихо проговорил:

— Так вы предлагаете хладнокровно убить всех оиннов на базе?

— Да, сэр, именно это я и предлагаю. Думаю, что сама логика подсказывает нам поступить так. А если вам нужны причины помимо логики, то их более чем предостаточно.

— Какие, например?

— Упомяну лишь Денвер.

— Согласен, веская причина.

— Уверен, что в технике чужаков мы разберемся и без их помощи. Ведь нам достаточно, осмотрев их машины, лишь найти контрольные цепи. Обнаружив то, ради чего прибыли, мы произведем отвлекающий маневр — взрыв, авиакатастрофу или еще что-нибудь в этом роде.

Белтайн кивнул:

— Пожалуй, идея и впрямь неплохая. Я бы даже сказал, очень неплохая. А вы, генерал Соболевский, что думаете по этому поводу?

— То же, что и вы. Единственное, на мой взгляд, слабое место плана — прикрывающий взрыв. Его необходимо скрупулезно продумать. Взрыв должен выглядеть именно случайным. И, конечно же, солдаты должны убраться оттуда прежде, чем будут обнаружены. План — простой, легко осуществимый, считаю, что если просчитать его во всех подробностях, то он непременно сработает. Я — за план полковника Хейворда.

— Прекрасно. — Белтайн пододвинул к русскому генералу блокнот. — Разработаем детали прямо сейчас и предоставим план на рассмотрение Объединенной Ставки. Как только его там одобрят, начнем действовать.

— Чужаки убивают людей миллионами, наши заводы днем и ночью производят для них оружие, они получают от нас бездну урана и требуют еще и еще, а мы будем ждать одобрения чиновников?! — воскликнул русский. — Нет. Начнем подготовку прямо сейчас. Немедленно!

Глава 14

ЧАС «НОЛЬ»

— Не занято? — спросил Роб у юного, светловолосого, начинающего полнеть лейтенанта, чья гимнастерка на слегка выпирающей груди была украшена лишь значком «Мастер-пилот».

— Нет, полковник, — ответил тот, продолжая жевать. — Садитесь и наслаждайтесь едой, количество которой в этой дыре с лихвой заменяет качество.

Вилка в его руке не останавливалась ни на секунду, с подноса перед ним молниеносно исчезали саккетеч*, бобы и морковный салат.

— Я здесь проездом, лейтенант, — сказал Роб. — Мы прежде не встречались?

Лейтенант широко улыбнулся:

— Не думал, полковник, что вы меня помните. Ведь виделись мы лишь однажды, вместе летели на Черепашью базу в Антарктиде, да и то я, помнится, почти не вылезал из кабины.

— Как же, как же, лейтенант, помню тот полет. Плавный взлет, мягкая посадка.

— Мое имя — Бакстер, но друзья меня кличут Бисквитом Бакстером, уж и не знаю почему. — С гру-

* Саккетеч — американское блюдо из молодой кукурузы и бобов. — Примеч. перев.

стью взглянув на опустевший поднос, Бакстер соорудил огромный бутерброд и отправил его обеими руками в рот.

— Все по тому же маршруту летаешь, Бисквит?

— Именно, полковник...

— Роб.

— Да, Роб, мотаюсь туда-обратно, словно машинист метро.

— Тяжелая, наверное, работенка?

— Вообще-то, не жалуюсь. Вот только черепахи...

— Оинны?

— Они самые, чтоб им неладно было.

— А почему черепахи?

— Да у них рты, что пасти у морских черепах.

— Да, похоже.

— И разговаривают так, что руки сами собой тянутся приголубить их огнеметом.

— Но, Бисквит, они же наши союзники.

— Если у нас такие союзники, то нам давно пора переменить сторону. — Бисквит отодвинул от себя пустой поднос и вынул из нагрудного кармана плитку шоколада. — Только от вида этих союзников у меня мурashki по коже бегут.

— Не у тебя одного. — Роб огляделся. Все ближайшие столы были свободны. — Как бы тебе понравилось отправить нескольких к праотцам?

Бисквит бережно завернул наполовину развернутую шоколадку и сунул ее в карман.

— А ты, Роб, не разыгрываешь старого приятеля?

Роб мотнул головой и многозначительно постучал по значку «Боевой пехотинец» на своей груди.

— Мы собираемся поиметь черепашек, и нам нужен доброволец, который, возможно, будет ранен или почти убит. Я проверил твои анкеты. Из них следует, что ты — лучший пилот.

— Выходит, ты вовсе не случайно подсел за мой столик?

— Выходит.

Бисквит, широко улыбаясь, потер руки.

— Считай, что уже завербовал добровольца. Что надо делать?

— Ступай к своему командиру и попроси недельный отпуск. Никаких подробностей, просто сошлись на чрезвычайные обстоятельства.

— Вряд ли наш капитан так запросто отпустит меня сейчас в отпуск.

— Не волнуйся, отпустит и даже вопросов не задаст. Затем пакуй багаж и через час подходит к воротам.

Бисквит отодвинул кресло и легко вскочил на ноги.

— Через час буду!

У огромного носового колеса под брюхом «Боинга-747» стояли трое в военной форме, но без погон, нашивок и знаков различия родов войск.

— Полетим на этом самолете, — сказал Роб. — Поведешь его ты, Бисквит, вторым пилотом будет Кирша, третьим — я.

Бисквит с сомнением оглядел русского.

— Он будет вторым пилотом? Да он хотя бы раз держал в руках штурвал?

Кирша покачал головой:

— Ни разу, да и теперь не собираюсь.

— Вы с Робом будете разыгрывать из себя пилотов, чтобы самолет перебросил как можно больше людей. Верно?

— Верно. Кроме того, Кирша будет на базе черепах рингером *.

— Заметано, — сказал Бисквит. — Если он не будет ничего трогать в кабине, то долетим без приключений.

— Отлично, — сказал Роб. — Как только приземлимся, твоя задача выполнена. Об остальном позаботимся мы.

— Положитесь на меня, парни. Я буду нем, как рыба, и даже жратву клянчить не стану.

— Слова, достойные мужчины. А теперь продумаем аварию при приземлении. — Роб пнул ногой колесо. — Что, если при посадке отвалится это шасси?

— Типун тебе на язык. — Бисквит махнул перед глазами рукой, будто отгоняя кошмарное видение. — Знаешь, сколько тонн весят эти колеса? А сколько — сама птичка? Если шасси отвалится, то считай себя покойником.

* Рингер — лошадь, незаконно участвующая в забеге. — Примеч. перев.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил Кирша. — Без убедительного несчастного случая наш план не сработает.

— Сделаем так. Когда самолет пройдет точку невозвращения...

— А это где? — спросил Кирша.

— В небесах, приятель, на полпути отсюда туда. Место во времени, когда в баках достаточно топлива, чтобы долететь в пункт назначения, но недостаточно, чтобы вернуться. Так вот, когда мы пройдем точку невозвращения, я сообщу по радио о поломке в турбине. Пусть черепашки малость поволнуются да подготовят к нашему появлению спасательную технику. Поломка будет не слишком значительная, так, пустячок. После того как колеса самолета коснутся бетона, я включу воздушные тормоза, выдвину закрылки, врублю реверс. Гурбины взвоят как сумасшедшие, но обратной тяги не будет.

— А такое возможно? — спросил Роб.

— Для такого аса, как я, все возможно, и если рядом с черепахами случайно не окажется знающего пилота, то они не заметят подвоха.

Роб сделал пометку в блокноте.

— Я позабочусь, чтобы пилота рядом не оказалось.

— Хорошо. Воздушные тормоза не смогут остановить «боинг» с полной загрузкой...

— А мы не разобьемся? — поинтересовался Кирша.

— Спокойно, парни, когда понадобится, я воспользуюсь реверсом, но с башни этого видно не будет. Мы на приличной скорости прокатимся по посадочной полосе и зароемся носом в снег. Весьма достоверная и совершенно безопасная авария. Что скажете?

— Мне нравится план Бисквита, — сказал Роб. — А как твое мнение, Кирша?

— Здорово придумано! Идея сломать шасси с самого начала была не по сердцу.

— Значит, принято. Теперь осмотрим самолет изнутри.

Взобравшись по крутым ступенькам, они через люк, расположенный на одном уровне с рядами окон, вошли внутрь. Шедший первым Бисквит застыл, едва переступив порог.

— Что здесь произошло?

Кресла в пассажирском салоне были сняты, вместо них к палубе привинтили и прикрепили ремнями здоровенные деревянные ящики. Ближайший к выходу сорвался с креплений, опрокинулся и разбился, вокруг валялись массивные металлические детали, в полу и фюзеляже виднелись вмятины и царапины, переборка была основательно покорежена.

— Как по-твоему, реалистично выглядит?

— Более чем. Но как мы полетим с разбросанными в брюхе птички железяками?

— Не беспокойся, старина, все продумано до мелочей. Мои люди на время полета упакуют баланки в ящик, а как только приземлимся, вновь разбросают. Кинув один только взгляд внутрь, оинны убедятся, что вход завален, быстро им не управиться, и оставят груз до утра. А тут у нас еще один сюрприз для чужаков.

Роб протиснулся к следующему от разбитого ящику и постучал по грубо обструганному дереву. Передняя стенка ящика отошла в сторону, и наружу вылез сержант Грут.

— Ребята отлично потрудились, полковник. Все готово.

Бисквит, Роб и Данилов заглянули в ящик. Там было светло, к полу крепились сиденья с ремнями безопасности.

— Неплохо, — прокомментировал Кирша.

— А теперь в кабину управления, — предложил Роб.

Они поднялись по спиральной лестнице в кабину.

— Нет, только не здесь! — закричал Бисквит, увидев на полу за креслом пилота обломки большущего радиопередатчика.

— Ты что, Бисквит, позабыл, что все должно выглядеть так, чтобы комар носу не подточил?! — воскликнул Кирша.

— Да, но как же?..

— Ничего, с землей пообщашься по другой, небольшой рации, а как только посадишь самолет, уляжешься среди обломков.

— Да, ребята, тут и слепому станет ясно, что мне на голову свалился передатчик.

— Так и должно быть, — сказал Кирша. — Ведь риск огромен, те твари, если обнаружат, чем мы заняты, могут запросто подпалить нашу старушку-Землю.

— Не обнаружат, — уверенно заявил Роб. — Их метод — медленное выкачивание ресурсов из нашего мира, мы же поступим с ними иначе. Ударим молниеносно и отыщем их уязвимое место.

Последовавшую за словами Роба тишину прервал Бисквит:

— Когда выступаем?

— Через три дня.

Глава 15

ВСЕ СИСТЕМЫ РАБОТАЮТ НОРМАЛЬНО

Бисквит проверил показания приборов и сказал:

— Все в норме.

Роб откинулся на спинку кресла второго пилота. В тринадцати тысячах футов под самолетом простиралась серебристая пустыня из льда и снега, в наполненном яркими звездами небе виднелись полосы перистых облаков.

— А видок-то из кабины куда лучше, чем из пассажирского салона, — заметил Роб.

— Что правда, то правда, — согласился Бисквит.

— Теперь мне понятно, почему ты стал пилотом.

— Ну, не только из-за красот природы. Скажу по секрету, мне сюда приносят сколько душе угодно харчей для пассажиров первого класса.

— И даже в военно-воздушных силах?

— Не будем о грустном.

— Как скажешь.

— Только что поступила метеосводка. Температура на антарктической базе, что по Цельсию, что по Фаренгейту, — благо, шкалы там совпадают, — минус сорок, приближается шторм, ветер крепчает.

— Погодка как на заказ.

— И не говори. Да, напомни, чтобы я перед посадкой потеплой оделся.

— Напомню.

— Самое время сообщить на землю о неполадке в нашей малютке-турбине. Услышав новость, дежурный, должно быть, поседеет. — Бисквит надел наушники и придвинул микрофон ко рту. — Роб, если не трудно, сходи на кухню, организуй кофе. И прихвати, конечно, сандвичи.

Гигантский самолет несся на юг с постоянной скоростью шестьсот миль в час. Погода ухудшалась, вскоре появились густые облака, и с каждой минутой их становилось все больше.

Бисквит, расправившись с сандвичами и запив их солидной порцией кофе, потянулся, взялся за штурвал и отключил автопилот.

— Скоро пойдем на посадку, Роб.

— Тогда выключи обогрев на нижней палубе.

— Нет проблем. — Бисквит вытянул руку и щелкнул несколькими тумблерами. — Обогрев я отключил, но герметизацию оставил.

— То, что надо. Спущусь вниз, велю ребятам пристегнуться.

— Возвращайся быстрей, да пристегнись сам.

— Есть, начальник.

— Я приказал отключить обогрев, — сообщил Роб выжидающие глядевшим на него солдатам. — За бортом сейчас — минус пятьдесят пять, скоро и здесь похолодает. Так что наденьте арктическую одежду. Если кому будет жарко, пусть расстегнет молнии, но не раздевается. Как только оденетесь, пристегнитесь, не исключено, что тряхнет при посадке весьма ощутимо.

Роб в сопровождении сержанта Грута пошел вдоль переборки, придиরчиво осматривая винтовки, автоматы, гранатометы, два огнемета, мешки с гранатами, упакованную амуницию и крепеж. Все оказалось в порядке. Солдаты, переговариваясь на двух языках, натягивали

защитные костюмы и пристегивались к сиденьям. Кирша Данилов, осмотрев своих, доложил:

— Все пристегнулись, полковник.

— Отлично. Повторим еще раз план действий. Я уйду в пилотскую кабину, командование на себя возьмет майор Данилов. Дверь будет открыта, свет останется до самой посадки. Посадка вначале будет мягкой, но в конце возможен приличный удар. Подготовьтесь к нему. Как только сядем, мигнет красная лампочка над дверью. Инструктаж продолжит майор Данилов.

— Есть. Как только мигнет лампочка, отстегиваете ремни и выходите в салон: сначала последние ряды, потом — первые. Двигайтесь быстро, но не настолько, чтобы, зацепившись в потьмах, сломать себе или соседу ногу. Свою работу вы знаете, проделывали ее сотни раз на тренировках, часто — даже в темноте. На сей раз действовать будете при аварийном освещении, которое включится сразу после посадки. Отделение «Альфа» займется ящиками и разбрасывает болванки. Отделение «Бета» освободит крепление двери и закроет ее. Все как на тренировках. Вопросы есть?

Солдаты молчали, и Роб добавил:

— Главное не волнуйтесь, ребята, и не суетитесь. Все получится.

Роб и Данилов поднялись в пилотскую кабину, Роб уселся в кресло третьего пилота, Данилов — второго, оба тут же пристегнулись.

Огромный «семьсот сорок седьмой» начал снижение. Перед ним вскипали массы облаков. Вскоре облака скрылись за завесой снежных хлопьев, видимость сразу упала до нулевой. Самолет, попав в турбулентные потоки, закачался и задрожал, и Роб, поймав себя на том, что изо всех сил стиснул руками колени, постарался расслабиться.

Одно дело, доверившись электронным чудесам, лететь в ярко освещенном салоне, совсем другое — смотреть из пилотской кабины на мчащийся навстречу со скоростью миля за шесть секунд густой как кисель белый поток.

Бисквит, управляя огромным кораблем, что-то вполголоса напевал. Все приборы функционировали исправ-

но, а день ли за бортом или ночь, снег или дождь, не имело для него ровным счетом никакого значения. Роб спросил:

— Как дела?

— Нормально. Сейчас свяжусь с Землей.

Выйдя на связь, Бисквит сообщил диспетчеру, что ранее обнаруженная неисправность турбины сама собой устранилась, но он счастлив, что внизу его встречает аварийная бригада.

Выдвигая посадочные закрылки, взвыли гидромоторы. С выдвинутыми на полную длину закрылками огромный реактивный самолет имел летательные характеристики кирпича, а в воздухе его теперь удерживали только мощные турбины. Бисквит поспешил прибавил газу. Опустились и зафиксировались на своих местах шасси. Самолет попал в лучи посадочных прожекторов, и небо перед ним засияло, заискрилось.

Минуту спустя самолет миновал невидимую стену защитного экрана, куда не проникали падающие хлопья. Ветер тут же стих, болтанка прекратилась, вид впереди очистился. Внизу тянулись вдоль посадочной полосы огни, справа от них застыли аварийные машины.

— Эх, сюда бы кусок песочного торта, — мечтательно сказал Бисквит.

— Как посадка? — спросил Кирша.

— Не хуже, чем солнечным днем в Оклахоме.

Шасси коснулись бетона. Самолет подпрыгнул и вновь опустился. Шасси взвизгнули и задымились на тонком слое снега на посадочной полосе. Носовое колесо вниз, воздушные тормоза — на полную катушку, полный реверс.

— Я сказал, полный реверс! — заорал Бисквит в микрофон, спокойно отводя ручку управления. — В чем дело? Что происходит?!

В наушниках завизжал голос диспетчера, но Бисквит, беспечно насыпывая, еще больше ослабил тягу. Он пристально вглядывался в проносящиеся мимо желтые метки вдоль посадочной полосы, мозг рассчитывал расстояние до конца. Подмигнув Кирше, он вновь завопил в микрофон срывающимся голосом:

— У нас критическая ситуация! Нет обратной тяги. Воздушные тормоза не остановят! Мы выскочим за посадочную полосу. Что на ее конце?.. Что?!! Только снег? Дай Бог, чтобы вы оказались правы!

Бисквит, отключив радио, сорвал с головы и отшвырнул наушники. Впереди показалась стена снега.

— У тех, в башне, сейчас, поди, подскочило кровяное давление, — сказал он абсолютно спокойно.

Удерживая воздушными тормозами самолет посередине посадочной полосы, Бисквит дал турбинам неполную обратную тягу.

— Впереди еще приличный кусок бетона, но его не видно из-за шторма за силовым экраном, — сообщил он.

Навстречу стремительно надвигался снежный шторм, мощные прожекторы, отражаясь в белой кутерьме, нещадно слепили глаза. Скорость медленно уменьшалась. Бисквит подался вперед и прищурился, но ничего не увидел. Он отключил турбины, и самолет продолжал движение на тормозах.

Вскоре ровная посадочная полоса кончилась, самолет тряхнуло, впереди появилось что-то белое, огромное.

— Йа-а! — закричал Бисквит, выворачивая штурвал и налегая всем телом на левый тормоз.

«Семьсот сорок седьмой» развернуло, и он пошел юзом навстречу белой стене. Последовал удар, что-то хрустнуло, жалобно затрещало, и самолет, накренившись, остановился.

— Сели! — Бисквит выключил электропитание, кабина погрузилась в красноватый полумрак. — Знаете, ребята, я бы не хотел повторить такое! — Он откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

Роб и Кирша одновременно освободились от ремней. Света от аварийных светильников как раз хватало, чтобы разглядеть скобы, удерживающие радиопередатчик, которому полагалось валяться разбитым на полу. Роб оторвал крепления, а Кирша извлек из нагрудного кармана баллончик.

— Великолепная посадка, Бисквит, — сказал он, сдирая с баллончика крышку. — А что это там?

— Где?

Бисквит повернулся и получил в лицо струю газа. Его рот от удивления широко раскрылся, глаза сначала расширились, а затем закатились, и он обмяк на ремнях кресла.

— Извини, Бисквит, — сказал Кирша. — Но прикинуться без наркотика обглуженным не так-то просто. К тому же ты теперь не почувствуешь боль.

Обтянутая кожей дубинка в руке Кирши описала короткую дугу. Точный скользящий удар содрал кожу на лбу Бисквита, из раны засочилась кровь.

— Еще раз извини, старина, но весь наш план зависит от достоверности.

— Давай их сюда, — велел Роб.

Кирша сунул дубинку и баллончик в мешок в руках Роба, где уже лежали крепежные скобы от радиопередатчика.

Снаружи протяжно завыли сирены, замелькали пятна белого и красного света.

— Поспешим, — сказал Роб, направляясь к выходу. — Спасатели на подходе.

Глава 16

НА ЛЬДУ

Кирша указал на боковое окно кабины.

— Они прямо под нами!

Спасатели слушали переговоры с диспетчером и, едва «семьсот сорок седьмой» промчался по посадочной полосе, пренебрегая опасностью взрыва топлива, последовали за ним. Теперь внизу ярко вспыхивали установленные на машинах прожекторы. Что-то царапнуло по наружной обшивке самолета, в поле зрения попал верхний конец раздвижной лестницы.

Если Роба заметят в самолете, то провалится вся операция. Он, кинув быстрый взгляд, бросился по спиральной лестнице вниз. Перед непривыкшими пока к полутьме глазами плясали яркие блики. Потеряв опору, Роб рухнул с нижней ступеньки и растянулся на палубе. Мускулистые руки сержанта Грута схватили его под мышки и поставили на ноги.

— Вы не ранены, полковник?

— Вроде нет. Быстрей за остальными.

Мимо, неся скобы, которыми удерживался ящик, бежали солдаты. Пробираясь сквозь освещенную призрачными красными пятнами темноту, Роб последним добрался до потайного убежища. Сзади по металлическим ступеням лестницы застучали каблуки. Кирша, подбежав к Робу, шепнул:

— Спасатель разбил окно снаружи. Велел, чтобы я открыл люк.

— Открывай, как только мы задраим дверь ящика.

Роб залез в ящик, и солдаты со стуком захлопнули за ним тяжелую дверь. Внутри светились десятки карманных фонарей. Роб, нащупав в кармане свой, достал его, включил. Остальные мало-момалу погасли.

В верхней крышке ящика был установлен замаскированный микрофон, на уровне глаз в дырке от сучка скрывалась крошечная линза. Роб взял свисающие со стены наушники, надел их, выключил свой фонарь и, припав глазом к потайному отверстию, приказал шепотом:

— Тихо. Майор открывает люк.

Люк широко распахнулся, Кирша отступил назад, в салон хлынул свет прожекторов. Внутрь пролезли двое тепло одетых спасателей, за ними влетел снежный вихрь.

— Пилот... без сознания, — потерянно пробормотал Кирша. — Там, в кабине.

— Пейтон, Слейтер, быстрее в кабину, — распорядился начальник спасателей. — Несите пилота сюда. — Он отодвинул Киршу в сторону, чтобы не мешался под ногами, и спросил: — На борту есть еще кто-нибудь?

— Нет, нас только двое. А самолет взорвется?

— Маловероятно. Мы облили корпус пеной. Где ваши перчатки?

Кирша пожал плечами. Спасатель вытащил из-за пояса запасные.

— Наденьте. Снаружи — минус пятьдесят пять. Пока доберетесь до машины, пальцы отвалятся. Вам помогут.

Через линзу Роб видел, как поддерживаемый двумя спасателями Кирша вылез через люк и как по винтовой лестнице спустились Пейтон и Слейтер с бесчувственным Бакстером Бисквитом на руках, завернули его в теплую простыню, привязали к носилкам и бережно вынесли из самолета. Командир спасателей огляделся. Роб затаил дыхание. Спасатель нагнулся и, включив карманный фонарик, внимательно осмотрел искореженный ящик. Неожиданно подняв голову, он взглянул прямо на Роба.

Роб знал, что видеть его спасатель не может. Но чем черт не шутит!

Направленный на потайное отверстие луч фонарика ослепил. Роб зажмурился, отгоняя плавущие ореолы света, а когда через несколько секунд прижал к отверстию другой глаз, салон уже осматривали трое спасателей.

— Как думаешь, сержант, пожар не вспыхнет? — спросил один из них.

— Теперь уже нет.

— Может, вытащим отсюда барахло?

Роб невольно напрягся.

— Да пропади оно пропадом! Буран-то какой! Закроем люк, чтобы не проник снег. К утру шторм, глядишь, утихнет, тогда и разгрузим.

— Так и сделаем.

Как только люк за ними захлопнулся, Роб перевел дыхание и прошептал:

— Ушли, но пока соблюдаем молчание.

Они неподвижно сидели в темноте, тишину лишь изредка нарушал сдава слышный шелест — замерзнув, солдаты застегивали одежду. Роб не отрывал взгляда от светящегося циферблата наручных часов.

— Пора, — сказал он через пятнадцать минут. — Открывайте дверь. Грут, осмотри самолет и убедись, что мы одни.

Аварийное освещение все еще функционировало, и сержант тихо выскользнул в красноватый полумрак салона. Через минуту он вернулся и доложил:

— Ни души, полковник.

— Выходим. Парни, если понадобится, включайте фонари. Выступим примерно через полчаса. — Роб повернулся к сержанту. — Снаружи никого не заметил?

— Все убрались. Холод собачий, и буран не утихает.

— Пока все идет по плану. Будем ждать сигнала от Данилова. Приемник у тебя?

Грут похлопал по наружному карману куртки:

— У меня.

— Иди в кабину и высунь антенну в разбитое окно. Как только Данилов выйдет на связь, сообщи мне.

— Есть, полковник.

Офицер медицинской службы зевнул, потер воспаленные глаза и сказал:

— У вашего приятеля ничего такого, чего не излечит крепкий сон.

Он расправил лейкопластырь, удерживающий на лбу Бисквита марлевую повязку.

— А он не контужен? — с тревогой спросил Кирша.

— Симптомов контузии не наблюдаю. А вам мой совет — найдите бутылку виски побольше и ложитесь в постель.

— Спасибо, сэр. Я так и сделаю, как только свяжусь с базой. Там захотят узнать, что с самолетом.

Чрезвычайная ситуация была позади, и станция вновь погрузилась в ночную дрему. Коридоры были тихи и пустынны. Кирша свернул за угол и встретился с сержантом, командовавшим спасателями.

— Как самочувствие пилота, сэр? — спросил сержант.

— Отделался шишкой на голове. Док говорит, что к утру мой друг вновь будет на ногах. А могло быть и хуже...

— Да вы, ребята, не иначе как в рубашках родились!

— Спасибо, что вовремя подоспели. Становилось прохладно.

— Мы выполняли свой долг, сэр. Может, кофе хотите? Только скажите, мои парни мигом согреют.

— Я бы не отказался, но прежде переговорю с базой. Если нетрудно, поблагодарите их от меня.

— Хорошо.

Больше Кирша никого на своем пути не встретил. На антарктической базе оиннов он был впервые, но перед операцией изучил план и хорошо помнил расположение внутренних помещений. Второй коридор налево. Здесь. Он распахнул дверь и столкнулся лицом к лицу с оинном.

— Что случилось?

Рот чужака не двигался, лишь справа на лысом черепе открывалось и закрывалось отверстие. От чужака исходил странный, едва уловимый запах. Прежде оиннов Кирша не встречал, оттого, без труда продемонстрировав изумление, отступил на шаг и переспросил:

— Что?..

Оинн оглядел его с головы до пят.

— Вы видите оинна впервые?

— Да-да... — запинаясь, ответил Кирша.

— У вас на груди эмблема с крыльями. Вы с того самолета, что чуть не разбился?

— Да, сэр. Я — второй пилот.

— Что у вас произошло?

— Видимо, возникла неполадка в системе управления турбинами. При посадке не сработал реверс, и мы выскочили за посадочную полосу. Я должен доложить о случившемся на базу.

Кирша, обойдя чужака, поспешил к столу дежурного радиста. Оинн, проводив его пристальным взглядом, отвернулся и не спеша вышел. Радист прочистил горло и демонстративно сплюнул в урну.

— Они торчат здесь все время? — спросил Кирша, глядя на закрытую дверь.

— Слава Богу, нет. Иначе бы я давным-давно подал в отставку.

— Почему?

— Да эти черепахи привлекательны, как поросячье дерьмо.

— Согласен.

— Сыпал, что вы были на волосок от гибели.

— Куда уж ближе. — Кирша тяжело вздохнул. — Надо доложить на базу. Как с ней связаться?

— По каналу спутниковой военной связи. Наберите номер на этом телефоне.

Кирша пробежал пальцами по кнопкам. Набранный им номер соответствовал номеру авиабазы, но добавочное ответвление соединило его с совершенно другим телефоном, находящимся за тысячи километров от базы.

— Да, — раздался из трубки хорошо знакомый голос генерала Соболевского.

— Сэр, у нас возникли проблемы при приземлении.

— Серьезные?

— Не слишком. Отказал реверс турбин. Самолет прокатился по посадочной полосе и зарылся в снег, но ни он, ни груз, к счастью, практически не пострадали.

— Каковы причины неполадок?

— Пока не выяснено.

— Что с пилотом?

— Пилот легко ранен, находится в госпитале. Доктор сказал, что причин для беспокойства нет.

— А вы сами?

— У меня — ни единой царапины, только устал очень. Сейчас отправляюсь в постель.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

Кирша повесил трубку, поблагодарил радииста и вышел из радиорубки. Слова «пойти в постель» служили кодовым обозначением начала операции.

В полутемном коридоре царила тишина. Кирша, останавливаясь перед каждым поворотом, внимательно прислушивался. Если его обнаружат, то он скажет, что заблудился, но непредвиденная встреча задержит начало операции, а в самолете, верно, и так уже холодно как в могиле.

Никого не встретив, Кирша попал на кухню. Большинство лампочек здесь не горело, в воздухе стоял тошнотворный запах пригорелого жира. Кирша скользнул между рядами печей и открыл дверь за ними. Короткий коридор вел мимо кладовых к наружному выходу, который использовали для доставки продуктов. Здесь было значительно холодней. Кирша на ходу наглоухо застегнул молнию своей парки, надел теплые перчатки и надавил на ручку тяжелой двери. Та легко открылась на хорошо смазанных петлях.

В маленьком тамбуре дыхание Кирши сразу превращалось в облачка тумана. Дверь перед ним вела в антарктическую ночь. Аккуратно закрыв за собой дверь в коридор, Кирша пересек тамбур. На стене рядом с дверью висел громоздкий ящик с двумя подведенными к нему проводами — сигнализация. Служила она, конечно, не против взломщиков, а лишь сообщала вспышкой красной лампочки на пульте диспетчера в комнате управления, что наружная дверь открыта. На этот раз красная лампочка не загорится.

Кирша вытащил пасатижи, перекусил правый провод и взглянул на часы. После посадки самолета прошло чуть более часа. Неплохо. Кирша сунул пасатижи назад в карман на колене брюк, снял правую перчатку, надвинул на голову меховой капюшон, вытащил из-за пояса металлическую коробочку — внешне точную копию жестянки из-под леденцов — и открыл на ней крышку. Под крышкой оказались переключатель и красная кнопка. Кирша улыбнулся и,

снова надев перчатку, потянул на себя наружную дверь. Тяжелая дверь открылась, впустив внутрь порывы обжигающе-холодного воздуха и буранчики снежных хлопьев.

Кирша, нагнув голову, вышел наружу и надавил на кнопку.

Глава 17

АТАКА

Писк приемника был отчетливо слышен даже сквозь завывание ветра внутри самолета. Сержант Грут тут же метнулся к спиральной лестнице и крикнул:

— Сигнал от майора Данилова!

— Выступаем, — приказал Роб.

Хвостовой люк распахнулся, наружу была выброшена веревочная лестница. Солдаты, пока ожидали сигнала, надежно закрепили ее верхний конец, и теперь, прежде чем низ лестницы достиг снега под самолетом, на верхней ступеньке уже оказался первый из них. Остальные последовали за ним. Каждый отлично знал, что делать.

В неотапливаемом самолете было холодно, но снаружи к морозу добавился пронизывающий ветер. Несмотря на защитные костюмы, меховые перчатки и лицевые маски, холод пробирал до костей.

— Постройте отряд, — распорядился Роб. — И шевелитесь, ребята, шевелитесь. Несколько минут без движений на таком морозе — верная смерть.

По снегу запрыгали круги света, командиры вполголоса отдавали команды. Роб с трудом двигался за лейтенантом Разиным, который возглавлял отделение, прокладывающее тропу.

— До экрана пойдем по съездам от шасси, — сказал Разин. — Они хоть и занесены снегом, но лучше, чем ничего.

— А дальше? — спросил Роб.

— Проложим собственную тропу. Мэй люди — опытные лыжники из арктического патруля.

— Погода совсем никуда.

— Середина лета, полковник. Мы над такой погодой смеемся.

Разин оставил одного солдата под смутно видневшимся в темноте гигантским хвостом «семьсот сорок седьмого» и скрылся с остальными в буране. Солдат указывал фонарем, в какую сторону направилось отделение; вскоре в нескольких метрах появилось бледное пятно света от другого фонаря.

Линия солдат из Сибири протягивается от самолета к невидимой посадочной полосе, огни их фонариков направят остальных. Великолепная идея... если она, конечно, сработает. Компасы на Южном полюсе бесполезны, и в верную ли сторону двигается отделение Разина — неизвестно. Вдруг опыт лейтенанта и чувство направления подведут его? Тогда весь отряд замерзнет, прежде чем доберется до базы чужаков. Но дело сделано, сомневаться в правильности планирования операции поздно.

Роб вернулся к своим людям. К нему приблизился сержант Грут.

— Все покинули самолет, полковник. Люди построены и пересчитаны.

— Тогда пошли. Не разговаривать, свет выключить. Пусть горят только фонарики русских.

Сгибаясь под напором ветра, солдаты двинулись к ближайшему пятну света. Роб остался на месте, пока мимо не прошел последний, затем взмахом фонаря подал знак и побрел за остальными.

Впереди не было видно ни зги. Неужели он сбился с пути? Роб подавил приступ животного страха. Нет же, он идет в верном направлении! В кромешном мраке замерцало размытое пятно. Фонары! Роб обнаружил неподвижную человеческую фигуру, приблизился. Солдат указал фонарем в темноту. Роб посмотрел в том направлении, но ничего не увидел. Должно быть, поняв его чувства, солдат сказал:

— Свет там вдали — фонарик следующего часового.

Роб пригляделся и в самом деле разглядел призрачное светлое пятно.

— Если сбьетесь с пути, то остановитесь и осмотритесь. Увидев свет, двигайтесь прямо к нему. Идите, сэр.

— А как же ты?

— Я остаюсь, буду ждать лейтенанта Разина. Таков приказ.

— Хорошо.

Роб двинулся на свет.

Разин вернется по проложенной в снегу тропе, соберет своих людей и в третий раз пойдет по следу. Если будут отставшие, то опытные северные воины разыщут их. Роб одобрял эту часть плана, но в душе был рад, что сейчас не он, а русский стоит там, в темноте, ожидая своего офицера.

Пробираться сквозь снег было чертовски тяжело. Если прошедшие здесь солдаты и оставили следы, то их уже занесло снегом. Роб подошел к пятну света, которое отбрасывал фонарик в руке стоящего по колено в снегу солдата, взгляделся во мрак в поисках нового ориентира. Увидев далеко впереди еще огонек, двинулся к нему. От него — к следующему.

Пробираясь сквозь бесконечный белый кошмар, Роб споткнулся и повалился лицом в снег. Силясь встать, он принял бороться со снегом и валившим с ног ветром, и тут его поставили на ноги чьи-то сильные руки.

— Осталось чуть больше сотни метров, полковник, — услышал Роб знакомый голос. — Идите на свет.

— Это вы, лейтенант?

— Я.

— Как там мои люди?

— Благополучно добрались до дальнего конца посадочной полосы и построены перед ангаром. Я сейчас соберу своих, и двинем на базу.

Разин растворился в темноте. Роб, с трудом передвигая ноги, потащился дальше. Вскоре он заметил впереди выстроенную вдоль посадочных огней шеренгу людей, подошел и принял командование.

— Всего в пяти шагах штурм кончается, — сказал сержант Грут. — Словно за стеклянным колпаком.

— Настолько резкий контраст?

— Более чем резкий. Отлично видны не только посадочные огни, но и база оиннов.

— Пойду взгляну. Доложи, как только вернется Разин с сибиряками.

— Есть, сэр.

Грут оказался прав. От сутробов вверх, к небесам, протянулся невидимый барьер. Роб шагнул сквозь него, и ветер мгновенно стих. В двух милях как на ладони были видны диспетчерская башня, ангары, цепочка серебристых грузовых самолетов перед ними, дальше — огни базы.

Услышав за спиной хруст снега, Роб резко повернулся. Отряхивая налипшие хлопья снега, за барьер шагнул лейтенант Разин.

— Мы прибыли, полковник.

— Все?

— Все. Только один из ваших бойцов сбился с дороги, упал и потерял защитные очки. Его принесли, завязав глаза шарфом. Что с ним, выясним, добравшись до базы.

— Я опасался, что будет хуже. Прикрепите к нему двоих из отделения «Альфа». Пусть принесут его, как только мы возьмем базу.

— Есть, полковник.

— Вначале пойдем по периметру барьера, а когда приблизимся к базе на расстояние мили, то свернем за экран, чтобы нас скрыл буран. Пока между нами и базой я не вижу излучателей, но надеюсь, что в пути мы хоть на один да наткнемся.

— Они за барьером, в пурге, занесены снегом.

— У вас есть идеи, как их найти?

— Дело нехитрое. Мои люди выстроются цепочкой и обязательно отыщут излучатель.

— Доложите мне, как только найдете.

— Есть, сэр.

— Пойдемте.

Избегая посадочной полосы и отблесков огней, отряд двинулся сквозь темноту, а приблизившись к базе, вновь пересек защитный экран и скрылся в буране. Уже совсем близко от базы к Робу подбежал сибиряк.

— Донесение лейтенанта Разина, сэр. Обнаружен излучатель. Я проведу вас к нему.

— Веди. — Заметив рядом с собой сержанта Грута, Роб велел ему: — Возьми отделение «Эпсилон» и следуй за мной.

— Есть.

Солдат привел Роба к едва различимому в темноте массивному куполу в полтора человеческих роста. Роб смел перчаткой снег с распределительного блока на его боку и приказал:

— Разберите излучатель по винтику, но выясните, как он работает.

— Есть, сэр.

Техники и прикрепленные к ним солдаты получили практику, демонтируя излучатель оиннов в огромной холодильной камере на калифорнийской базе ЦРУ, и отлично знали свое дело. Сноровисто отключив все сигнальные цепи устройства, они доберутся до электроники оиннов. Но излучатель — лишь часть дела, приведшего сюда интернациональный отряд. Главная задача — взять базу. Когда Роб уходил, спецы из отделения «Эпсилон» уже установили разборное укрытие вокруг и над устройством чужаков.

Солдаты молча ждали в снегу. Оглядев их, Роб отдал распоряжение:

— Подразделение «Альфа» — за мной. На базу мы проникнем, как и условлено, через подсобный вход в правом крыле. Остальные ждут моего сигнала здесь и, увидев вспышки фонарика, бегом следуют за нами. Всем понятно?

Ответом было молчание.

— Вперед, — приказал Роб.

С оружием наизготовку солдаты устремились к базе. Дверь перед ними широко распахнулась, навстречу, махая рукой, вышел майор Данилов. Роб, пропуская мимо себя солдат, отступил в сторону, повернулся и помигал в темноту фонариком. Через несколько минут мимо пробежал остаток отряда. В командах не было необходимости, каждый шаг был тщательно спланирован и отработан на тренировках несчетное количество раз.

— Ничего подозрительного не заметил? — спросил Роб Киршу.

— Все тихо, коридоры пусты.

— Отлично.

Мимо пробежал последний солдат, и Роб прошел следом. На большой кухне рассредоточилось два отделения.

— Отделение «Альфа», помните, на взятие радиорубки у вас — три минуты. Затем мы ударим по глав-

ной цели. — Роб указал на капрала в переднем ряду. — Вот вы, что сделаете, увидев оинна?

— Убью его на месте, сэр! — Капрал, подняв автомат с глушителем, спокойно добавил: — Ведь я из Денвера.

— Поэтому-то вы и попали в отряд. Десантники из Томска здесь по той же причине. Но помните, люди не должны пострадать. Действуйте.

Обутые в башмаки из мягкой кожи солдаты быстро и бесшумно разошлись по коридорам. Основная ударная группа собралась у входа в центр управления оиннов. Напряженные взгляды всех были устремлены на Роба, который не отрывал глаз от часов на запястье. Медленно тянулись минуты. Наконец Роб рубанул рукояткой воздух и негромко приказал:

— Начали!

Глава 18

БОЙНЯ

Через широко распахнутую дверь хлынули солдаты с оружием наизготовку. Огляделись: в тускло освещенной комнате — никого. Вдруг из какого-то закоулка вышел оинн с инструментом в руках. Роб поднял пистолет, но сзади уже торопливо защелкали выстрелы; чужак повалился навзничь, по полу со звоном рассыпались инструменты.

Солдаты рассредоточились. Появился еще один чужак. Он пронзительно вскрикнул, закрутился и, истекая кровью из дюжины ран, опрокинулся на пол. Солдаты, точно стая голодных псов, закружились по просторной комнате.

— Пусто, — отрапортовал через минуту сержант Грут. — Здесь были только двое.

— Остались еще пятеро, — сказал Роб. — Обыщем все помещения.

Штурм базы скорее походил на бойню, чем на битву. Солдатам был отдан приказ убивать, и они, обыскивая помещение за помещением, убивали без пощады.

Роб заскочил в жилище оинна, обошел одну за другой три комнаты и, убедившись, что здесь пусто, двинулся по коридору за первой волной своих людей. Впереди послышались приглушенные выстрелы, звон

разбитого стекла. Дверь распахнулась, навстречу выскочил оинн — руки пусты, рот широко раскрыт.

— Полковник Хейуорд? — воскликнул чужак при виде Роба.

Роб его тоже узнал.

— А, Хес'бю...

Автоматический пистолет сорок пятого калибра в руке Роба прыгнул раз, другой, третий. Чужак дернулся, согнулся и беззвучно рухнул на пол. Роб, мельком поглядев на него, перешагнул через мертвое тело и заспешил в конец коридора.

Через разбитое окно в большую комнату задувал злой антарктический ветер. Под окном скорчился покрытый осколками термического стекла оинн, рядом, широко раскинув руки, лежал русский, над ним склонился сержант Грут. Увидев Роба, Грут выпрямился.

— Я слышал выстрелы в коридоре, полковник. Вы стреляли?

— Да, прикончил одного.

— Тогда готовы все семь.

Роб взглянул на мертвого солдата. Его грудная клетка была сожжена, парка еще дымилась.

— Нелепая случайность, — спокойно сказал Грут. — Эта тварь срезала русского, прежде чем тот нажал на спусковой крючок, но он все же разрядил полную обойму, прошил и оинна, и окно за ним.

— Вот оно как... — сказал Роб, борясь с навалившимся вдруг усталостью. — Штаб устроим в комнате управления. Командиры отделений пусть дадут рапорты. Двинулись.

Заслушав рапорты, Роб понял, что работа выполнена на отлично — все оинны были перебиты, прежде чем успели добраться до любого прибора, который мог оказаться коммуникатором; атакующие потеряли всего одного человека.

Роб перешел в радиорубку и без сил рухнул в кресло. Радист передал ему трубку телефона.

— Я настроился на рабочую частоту, сэр. Говорите.

— Хейуорд на связи.

— Кроме меня вас слушает еще генерал Соболевский, — послышался из динамика голос Белтайна. — Докладывайте.

— Успех полный, сэр. Семь мишеней. Все поражены. Операция прошла гладко, объект полностью в наших руках.

— Поздравляю. Что еще?

— Ученые вовсю работают снаружи, докладов от них пока не поступало. До прибытия из Центра специалистов оборудование противника внутри базы мы не трогаем.

— Верно. Самолеты двигаются по расписанию. Будут у вас минут через пятнадцать.

— Как только они сядут, начну эвакуацию персонала базы, а когда закончат ученые, здесь уже никого не останется.

— Пока вы действовали безупречно. Продолжайте в том же духе. Канал связи останется открытым до вашего сообщения о начале заключительной фазы операции.

— Понял вас, сэр.

— Конец связи.

— Есть конец связи.

Роб положил трубку и глубоко вздохнул.

Начало, и весьма неплохое, положено, но необходимо так же чисто действовать до самого конца и отбыть, не оставив следов своего пребывания на базе чужаков...

— Чашечку кофе, сэр?

Роб, вздрогнув, поднял глаза. Рядом стоял оператор с громадной кружкой, от которой исходил пар.

— О, Господи, конечно!

Едва Роб сделал первый большой глоток, как в радиорубку вбежал посыльный.

— Техники вернулись, сэр.

Выронив кружку, Роб выскочил за дверь.

Все еще облепленные нерастаявшим снегом, техники в комнате управления повернулись при появлении Роба. Вперед шагнул русский капитан, возглавлявший отделение «Эпсилон».

— Как успехи? — спросил его Роб.

— В излучателях ничего нет.

— Не понял.

— Мы тоже. Излучатель мы вскрыли без проблем, но в нем не оказалось ни задающего генератора, ни других цепей управления. Только разъемы для кабелей с других устройств. Мы прошли вдоль кабеля к ближайшему, вскрыли его, но и в нем — то же самое. Пустота, ничего.

— Вы имеете в виду, что...

— Именно, сэр. Излучатели — всего лишь муляжи, бесполезные груды металла. Отделение лейтенанта Рэзина обнаружило другую группу излучателей. Если не возражаете, то мы вскроем их, и, возможно, с ними нам повезет больше.

Роб, прокручивая в мозгу неожиданное открытие, опустился в ближайшее кресло.

Муляжи? Но он же собственными глазами видел, как оинны вели из излучателей стрельбу по крепости блеттеров в космосе... Или не видел?

Вспомнив, что техники ждут его распоряжений, Роб поднял голову.

— Да, вскройте еще два. Но только два, и если и в них — то же самое, то возвращайтесь на базу и сразу с докладом ко мне.

— Есть, сэр.

Роб едва заметил уход людей.

Излучатели — пустышки, стрелять они никак не могли... Тогда что же он в действительности видел в тот день, когда оинны вели огонь по космическому флоту блеттеров? Он видел голограммическую проекцию битвы, слышал боевые рапорты, чувствовал, как работают излучатели... Но работали ли они? Конечно, работали! Он же собственными глазами видел безумную пляску полярного сияния! Полярное сияние... Да, но... Конечно!

— Грязные ублюдки! — воскликнул Роб, внезапно постигнув истину.

Роб сидел и, не замечая шума вокруг, сопоставлял один за другим известные ему факты. Поняв вдруг, что обращаются именно к нему, он возвратился к действительности.

— Что?

— Самолеты приземлились, сэр, — повторил сержант Грут.

— Отлично. Пусть на борт первого садятся все сотрудники базы, за исключением операторов, а на второй — наш отряд, кроме отделения «Альфа» и «Эпсилон». Самолетам, как только заправятся, немедленный взлет.

— Есть, сэр.

— Да, чуть не забыл... Что сделали с телами оиннов?

— Их сложили в снегу рядом с базой.

— Хорошо. Прибывших из Центра ученых веди сюда.

— Есть, сэр.

Ученых было двенадцать, возглавляли их профессор Тиллмен и доктор Лакофф. Открыв ящики с инструментами, ученые хотели тут же взяться за работу, но Роб остановил их:

— Дженетальмены, пожалуйста, прежде чем начнете, наденьте перчатки. Если все же понадобится прикоснуться к чему-нибудь голыми руками, коснитесь, но непременно сотрите потом отпечатки пальцев. Разберите только то, что с уверенностью сможете собрать.

— Нас, молодой человек, уже проинструктировали, — нетерпеливо перебил Роба Лакофф.

— Хорошо, но лишний инструктаж не помешает. Операция военная, и вам придется придерживаться жесткого графика. На исследования у вас ровно час. Через полчаса приступайте к сборке, и когда закончите, ни одна деталь, ни одна часть прибора не должна остаться лишней. Затем вас вывезут, и база будет взорвана. А теперь начали. Профессор Тиллмен, на несколько слов, пожалуйста.

— Да, да... — бормотал Тиллмен, наблюдая, как техники взялись за демонтаж аппаратуры чужаков.

— Наши специалисты уже разобрали радиационные излучатели оиннов и выяснили кое-что любопытное, — сообщил Роб.

— Очень интересно. И где же электронные части?

— Их попросту нет.

Тиллмен изумленно покачал головой:

— Не уверен, полковник, что понял вас верно.

— Думаю, что мы столкнулись с очередным трюком чужаков. Их излучатели, которые якобы защищали Землю от нападения блеттеров, оказались муляжами, из

чего следует, что битва в космосе была спектаклем, цель которого — добиться нашего сотрудничества.

— Но мы же видели на голограмме непосредственный, а в небе — побочные эффекты от работы излучателей.

— Полагаю, что виденное нами полярное сияние было вызвано вовсе не излучателями, а усилителями электромагнитных волн; изображение же на голограмме подделать проще простого.

— Но вы, вероятно, забыли о крепости блеттеров. Вы же сами были на Луне и видели ее.

— Действительно, видел, но присутствие блеттеров на Луне вовсе не доказывает, что оинны вели с ними битву.

— В таком случае выяснить принципы работы устройств представляется еще более важной задачей, но на доскональное их изучение часа явно недостаточно.

— Как я уже сказал, в вашем распоряжении только час, независимо от того, управитесь вы или нет.

— Уверен, что график операции можно слегка растянуть.

Роб невесело улыбнулся:

— Нельзя.

— Но почему?

— Дело в том, мистер Тиллмен, что перед вашим прибытием мы перебили на базе всех оиннов. — Сделав вид, что не замечает выражения ужаса на лице профессора, Роб продолжал: — Обнаружить это оинны не должны ни при каких обстоятельствах, иначе весь наш мир постигнет судьба Денвера.

— Но как же вы скроете такое?..

— Через считанные минуты весь персонал базы будет в небе, на пути к военно-морской базе на безымянном островке в Индийском океане, час спустя туда отбудете и вы, а база чужаков вместе с трупами оиннов и их машинами будет взорвана. В бою погиб один из моих людей, и вина за взрыв будет возложена на него. Оиннам будет представлена следующая версия случившегося: тайком проникнув на самолет, безумец-фанатик добрался сюда, перебил всех оиннов и был убит сам. Во время перестрелки произошел несчастный случай — от шальной пули взорвался склад авиатоплива, пожар перекинулся на базу. Разрушения были столь значительны, что персонал базы пришлось эвакуиро-

вать. Когда оинны прибудут, то обнаружат здесь только моих людей, которые в один голос подтвердят весь этот рассказ. Теперь вы понимаете, почему график такой жесткий?

— Теперь понимаю и скажу откровенно, что ваша затея — безумие!

— Может, и безумие, но сделанного не вернешь. Будем следовать выбранной версии и надеяться, что все пройдет по плану.

В комнату управления вошел сержант Грут и доложил:

— Первый самолет с сотрудниками базы уже выруливает на взлетную полосу, полковник.

— Отлично. Что со взрывным устройством?

— Доставлено, распаковано и установлено. Сейчас минеры прикрепляют к нему провода.

— Все идет по плану.

В распахнутую дверь ворвался майор Данилов.

— Все пропало! — закричал он. — Самолет остановлен на взлетной полосе.

— Кем? — спросил Роб, предчувствуя надвигающуюся беду.

— Взгляни в окно!

Роб подбежал к окну и застыл, пораженный увиденным.

Вдоль взлетной полосы вытянулся ряд огней, в дальнем конце светящейся линии застыл «семьсот сорок седьмой» — турбины ревут, снег под ними плавится; перед самолетом, заблокировав взлетную полосу, опускается блестящая черная громадина космического корабля оиннов.

Глава 19

ПУТЬ К ОТСТУПЛЕНИЮ ОТРЕЗАН

Провал!

Роб несколько секунд стоял и молча смотрел на корабль чужаков, затем резко повернулся и ткнул пальцем в подчиненных.

— Наш план не сработал. Что ж, будем импровизировать. У кого есть предложения?

Молчание тянулось секунду, другую, третью...

Роб возглавляет отряд, вся ответственность — на нем.

— Ладно. Первое — соберите инструменты... Хотя, нет, времени в обрез. Кирша, ты знаешь базу, быстро выведи ученых из здания. — Роб повернулся к сержанту Груту. — Возьми сколько нужно людей, втащите сюда мертвых синнов и как можно скорей подготовьте эту комнату к взрыву. Взорвем тела вместе со всей нашей и их аппаратурой, чтобы не осталось даже следов нашего пребывания. В коридоре положите тело русского солдата, на него свалим всю вину за случившееся.

— Есть, сэр, — крикнул Грут на бегу.

Выгорит ли дело? Неизвестно, но попробовать стоит. А если попытка провалится, то оинны... Что они сделают?

Роб вновь взглянул в окно — на посадочной полосе по-прежнему стоит «боинг», и перед ним — космический корабль оиннов.

— Взрыв подготовлен, — отрапортовал Грут.

— Уходим. Как только покинем помещение, взрывай. Затем раздобудь какой-нибудь транспорт и жди меня на летном поле перед выходом из базы.

Они помчались прочь. Едва Роб вбежал в радиорубку, как здание потряс мощный взрыв, с потолка посыпалась штукатурка.

— Что происходит? — начал было оператор.

— Срочно свяжись с «боингом», веля пилоту увести самолет обратно в ангар.

— Есть, сэр.

Роб схватил трубку телефона.

— Генерал?

— Слушаю.

— У нас непредвиденные осложнения.

— Докладывайте.

— Прежде чем взлетели самолеты, на посадочную полосу опустился корабль оиннов.

— Что вы намерены предпринять?

— Вещественные доказательства мы взорвали, я отправляюсь к оиннам, попытаюсь всучить им новую версию произошедшего. Держите войска в состоянии повышенной боеготовности. Конец связи.

Прежде чем генерал ответил, Роб швырнул трубку и выскоцил за дверь.

Поджидавший Роба в холле майор Данилов доложил:

— Ученые выведены из здания, но проблема не решена. Наши люди на базе не знают, что случилось, и если оинны начнут их выспрашивать, то...

— Поедешь со мной к кораблю чужаков. Мы задержим оиннов до тех пор, пока здесь не приготовятся к встрече с ними.

— Может, прихватим с собой отделение солдат?

— Вооруженная поддержка? — Роб, задумавшись, остановился на секунду. — А что, неплохая мысль. Использовать против них силу нельзя, но побряцать оружием мы вполне можем.

— Какую сказку мы скормим оиннам?

— Скажем, что здесь опасно, и предложим им, пока солдаты уничтожают засевших на базе террористов, оставаться в корабле.

— Понятно.

— Веди своих людей к выходу на летное поле.

— Есть.

У выхода стоял пятитонный грузовик, переоборудованный для перевозки в кузове людей и техники, за рулем сидел сержант Грут.

— Майор, прикажи своим людям забраться в кузов, так, чтобы их не было видно с корабля, сесть на скамейки и пригнуться, — сказал Роб. — Сам садись со мной в кабину.

Всего несколько минут назад грузовик находился в отапливаемом гараже, поэтому в кабине было тепло.

— Поехали, — велел Груту Роб, удостоверившись, что все солдаты залезли в кузов.

Грузовик рванул с места. Вскоре они проехали мимо медленно катившего к ангару «семьсот сорок седьмого», и теперь между ними и кораблем ничего уже не было.

— Похоже, открывается люк, — сказал Кирша.

— Прибавь газу, — приказал Роб сержанту Груту. — Грузовик перед кораблем разверни так, чтобы дверца с моей стороны открылась в сторону люка. Мы с майором выйдем с пустыми руками, ты же держи оружие наготове.

Из люка вышли два закутанных в плотную материю оинна. Одного из них Роб сразу узнал.

— Тот, что справа, — Озер'о, руководитель делегации оиннов на Земле.

Грузовик резко затормозил перед чужаками, Роб распахнул дверцу и выскочил на бетон, Кирша последовал за ним.

— Чрезвычайная ситуация... — начал было Роб.

— Мы приняли сигнал бедствия с базы, попытались связаться со своими товарищами, но не смогли, — перебил его Озер'о. — Из корабля мы видели взрыв. Ситуацию вы нам объясните по дороге к базе.

— На базу напали террористы. Мы не знаем, сколько их. Солдаты пока ведут с ними бой, и вам туда нельзя...

— Немедленно отвезите нас на базу!

Озер'о направился к грузовику, его спутник двинулся следом, но стоящие на их пути Роб и Кирша не пошевелились.

— Извините, но вам туда нельзя, — повторил Роб. — Моя обязанность — защитить вас. Как только я получу рапорт, что террористы обезврежены, то сразу же доставлю вас туда, а пока лучше вернитесь на корабль.

Озер'о гневно зашипел:

— Вы пытаетесь остановить нас?! Не пустить на нашу собственную базу?! Да понимаете ли вы, люди, что творите?!!

— На базе сейчас слишком опасно.

Ситуация зашла в тупик: оинны во что бы то ни стало желали попасть на базу, преграждавшие им путь люди решили стоять до последнего. Тяжелое молчание затянулось.

Пристально глядя на чужаков, Роб заметил, что их торчащие из прорезей в плотной ткани руки дрожат.

Вызвана ли дрожь всего лишь холодом, или чужаки испуганы?..

— Возможно, вы правы, полковник Хейуорд. Мы вернемся на корабль и подождем, пока вы покончите с террористами.

Озер'о повернулся к своему спутнику и заговорил на языке оиннов.

Кирша схватил Роба за руку и, повалив на бетон, закричал:

— Огонь! Они собираются стрелять!

Оинны разом повернулись. В их руках зловеще поблескивали лазерные пистолеты. Стволы пистолетов пошли вниз, целя в Роба и Киршу...

Град пуль отбросил оиннов назад, разорвал их тела, вбил в бетон. Из грузовика выскоцил сержант Грут с автоматом наперевес и, подбежав к чужакам, отпихнул ногой их оружие. Кирша, а за ним и Роб поднялись.

— Я слышал, как Озер'о назвал нас предателями и приказал посчитаться с нами! — воскликнул Кирша.

Из люка вырвалась струя пламени и, ударив в русского, опрокинула его на снег. Грут побежал к кораблю, строча из автомата.

Сама судьба распорядилась ими, лишив выбора. Последний шанс людей — захватить корабль.

— На корабль! — закричал Роб. — Вперед!

Из кузова грузовика посыпались русские солдаты и с криками устремились к кораблю оиннов. Роб, стреляя из пистолета, бросился вперед. Подбежавший уже к звездолету сержант Грут метнулся в распахнутый люк, но сраженный острым огненным лучом согнулся и рухнул у порога.

Крышка люка плавно поползла вниз.

Глава 20

ПЛЕННИКИ

Сержант Грут в тлеющей одежде лежал поперек порога: голова — внутри корабля, ноги — снаружи, из чудовищной раны в животе хлещет кровь. Вдруг он пошевелился, нечеловеческим усилием подтянул к себе и поднял автомат. Нижний конец люка уперся в дуло, приклад прижало к порогу. Пальцы теперь уже бездыханного сержанта намертво вцепились в цевье. Механизм протестующе взывал, крышку люка заклинило.

Роб, распластавшись у люка, палил из сорок пятого калибра в ответ на огонь оинна внутри корабля. Оинн как подкошенный рухнул, и в ту же секунду Роб услышал над головой хлопки выстрелов. Русский солдат перепрыгнул через Роба, залег у порога, прикрывая короткими очередями второго, который, согнувшись, прорыгнулся в полузакрытый люк, поднял автомат и был перерезан надвое лазерным лучом. Его место занял третий солдат, а в корабль уже вползал четвертый.

Коренастый прaporщик схватил Роба за плечо, оттащил в безопасную зону и прижал к стенке корабля. Роб попытался было высвободиться, но медвежьи объятья прaporщика разжались лишь после того, как люк был взят штурмом.

— Убивайте их, если они вооружены! — закричал Роб, вставляя новую обойму в свой автоматический

пистолет. — Убивайте, если они находятся рядом с любыми приборами! Но возьмите одного-двух живыми!

— Я займусь пленными, полковник, — пообещал прaporщик и последовал в корабль.

Роб пролез через люк за ним.

Как только охрана у входа была подавлена, сопротивление оиннов практически прекратилось. Подобно черным ангелам, солдаты носились по кораблю, сея смерть направо и налево; и вооруженные, и безоружные оинны умирали, изрешеченные пулями.

Роб, перешагивая через мертвые тела, брел по коридору. В глубине корабля он обнаружил рубку управления.

— Устрою здесь штаб, — сказал он двум стоящим у входа солдатам. — Пройдите по кораблю, сообщите сержантам, что я ожидаю их рапортов.

Солдаты отсалютовали и ушли. Роб, отодвинув ногой окровавленный труп оинна на полу, сел в кресло у пульта. При мысли о том, что они натворили, к горлу подступил комок.

Перед ними была однозначная альтернатива: убить или быть убитыми. Они, подчиняясь инстинкту самосохранения, поступили, как и подобает солдатам, и уничтожили врага. Но не уничтожили ли они при этом и Землю?..

Услышав шаги, Роб поднял глаза. Поддерживаемый врачом в рубку входил майор Данилов, тело его от плеча до пояса было перебинтовано.

— Кирша?! А я думал, ты...

Данилов тяжело опустился в свободное кресло.

— Признаюсь, я тоже так думал. Но, как видишь, жив. От лазерного луча меня защитила теплая одежда. Обгорела кожа на боку, но, как говорят у нас, до свадьбы заживет. Мы овладели всем кораблем?

— Скоро поступят рапорты, тогда и узнаем.

— Принимайте эти таблетки по одной каждый час. — Доктор сунул в руку Кирши пузырек с белыми пилюлями. — Действие укола скоро закончится, появятся боли, но вы — солдат, потерпите. Я пройдусь по кораблю, наверняка есть и другие раненые.

Он повернулся и вышел.

В дверях появился сержант и закричал:

— Корабль наш!

— Но победили ли мы? — кисло поинтересовался Кирша.

Роб кивнул:

— Победили или нет, но свой шанс мы использовали.

Один за другим начали поступать рапорты. Корабль находился полностью в руках людей; так как из чужаков вооружены были лишь немногие, погибло всего четыре человека.

В рубку ворвался тот самый коренастый прапорщик, который удерживал Роба у люка.

— Полковник, несколько чужаков заперлись в отсеке на нижней палубе. Они настаивают на переговорах с командиром.

— Они говорят по-английски?

— Похоже, что говорят.

— Проведи меня туда. Майор, покомандуйте здесь до моего возвращения.

Высокая массивная дверь в кормовой части корабля, судя по всему, вела в машинное отделение. У стены мешком валялся мертвый оинн, рядом стояли двое солдат.

— Это — переговорное устройство. — Прапорщик указал на зарешеченное углубление у двери. — По нему засевшие там оинны разговаривают с нами.

— С вами говорит полковник Хейуорд, старший офицер на корабле, — произнес Роб в коммуникатор.

— Я знаю вас, полковник, — заскрежетало из коммуникатора. — Почему ваши люди убивают нас?

— Огонь первыми открыли вы, мы лишь защищались.

— Не убивайте больше!

— Вы сдаетесь?

— Да, но пообещайте, что не убьете нас.

— Даю слово, что если вы не вооружены, то вреда мы вам не причиним.

— У нас есть один пистолет.

— Приоткройте дверь и выбросьте его в коридор, но помните, что при любом подозрительном движении мы стреляем.

— Не стреляйте. Мы открываем дверь.

Едва слышно зажужжал скрытый механизм, дверь приоткрылась на несколько дюймов. Солдаты подняли автоматы. В образовавшейся щели появилась рука, держащая за ствол лучевой пистолет. Пальцы разжались, и пистолет со стуком упал на пол. Роб отпихнул его ногой в сторону и приказал:

— Теперь покажись сам!

Дверь приоткрылась еще на несколько дюймов, в щели появился оинн — руки подняты, рот судорожно открывается и закрывается.

— Видите, я сдаюсь. Другие — тоже.

— Сколько вас?

— Шестеро. Мы — не солдаты, мы — рабочие машинного отделения. Не убивайте нас.

— Я уже дал вам слово. Открывайте дверь.

Оинн задрожал как осиновый лист.

— Не сердитесь, увидев нас... Оружия у нас нет.

— Я же обещал, что стрельбы больше не будет. Открывайте.

Выкрикнув через плечо команду, оинн отступил от двери, и та полностью открылась. Роб с пистолетом наготове прижался к стене справа от двери, прапорщик — слева, двое солдат с автоматами залегли на полу. Роб осторожно заглянул внутрь и, увидев шестерых чужаков, сразу понял, чего так боялся оинн.

— Держите пленных здесь, — приказал Роб солдатам, пряча пистолет в кобуру. — Не причиняйте им вреда, но и прикасаться ни к чему не позволяйте.

Роб, размышляя на ходу, зашагал по коридору.

В рубке громко переговаривались с десяток разгоряченных боем солдат. Увидев входящего Роба, солдаты примолкли.

— Кирша, сможешь на время взять на себя командование? — спросил Роб.

— Да.

— Хорошо. Я отправлюсь на базу, доложу генералу Белтайну и пришлю вам подкрепление, медиков, машину скорой помощи и транспорт.

— Что там с засевшими в кормовом отсеке чужаками?

— Мы взяли их в плен.

— Они заговорили?

Роб криво усмехнулся.

— Достаточно одного взгляда на них, и слов уже не надо. Все шестеро — экипаж машинного отделения. — Роб набрал воздуха. — Трое — оинны, остальные — блеттеры. И блеттеры не были пленниками, а работали со своими заклятыми врагами плечом к плечу.

Глава 21

УЛЬТИМАТУМ

— Полковник Хейуорд, я заявляю решительный протест против того, как вы обращаетесь с нами!

— Профессор Тиллмен, доктор Лакофф, входите, пожалуйста. Кофе не желаете? Свежезаваренного?

— Мы явились не ради дружеской беседы! — Тиллмен был так зол, что его лицо пылало, жидкие волосы на голове стояли дыбом. — Вы от нас так просто не отделаетесь!

— Конечно, конечно, джентльмены. Если не хотите кофе, то я с вашего разрешения налью по чашечке себе и майору Данилову.

Увидев, что Кирша сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, Роб налил лишь одну чашку и указал на окно. Двое ученых, взглянув на застывший на летном поле корабль оиннов, примолкли.

— Ходят слухи, что был бой с оиннами, — наконец сказал Лакофф. — Вы атаковали корабль оиннов?..

— Если не возражаете, джентльмены, я расскажу все по порядку.

— Будем вам весьма признательны, — произнес Тиллмен, будто выплевывая каждое слово.

Роб, подув на кофе, сделал большой глоток.

— Оинны неизвестным нам способом все-таки подали сигнал бедствия, и им на выручку прилетел ко-

рабль. Майор Данилов и я отправились на переговоры, но оинны, к сожалению, напали на нас, попытались убить...

— Ужасно! Ужасно!

— Я тоже так считаю. Но мы — профессиональные солдаты, убить нас не так-то просто. Завязалась схватка, в результате которой мы, понеся незначительные потери, захватили корабль.

— Да понимаете ли вы, что натворили? — Тиллмен, обуздав гнев, говорил ледяным голосом. — Ввязавшись в стычку с чужаками, вы подвергли опасности всю Землю, будущее всего человечества...

— Выиграв эту стычку, мы, быть может, спасли человечество. — Голос Роба был столь же холоден, как голос Тиллмена. — Захват корабля, возможно, — то самое счастливое обстоятельство, благодаря которому мы наконец разберемся в технологиях чужаков.

— Вы — ненормальные! — вскричал Лакофф. — Вы погубили всех нас, оинны будут мстить, на Землю из космоса посыпятся их радиационные бомбы.

— Пока не посыпались и, возможно, не посыпятся вовсе. Я только что разговаривал с Объединенной Ставкой, их представители уже на пути сюда. Они просят вас немедленно приступить к изучению захваченного нами корабля. У выхода на летное поле ждет машина, а мои люди в корабле проведут вас в помещение, которое, как нам кажется, служит складом запасных частей.

— К чему заниматься исследованиями, если всему нашему миру скоро конец? — кисло спросил Тиллмен.

— Вряд ли конец так близок, джентльмены, как вам представляется, — спокойно заметил Роб.

— Откуда у вас, молодой человек, такая уверенность? — спросил Лакофф.

— Дело в том, что на корабле чужаков мы взяли в плен бригаду машинного отделения. В бригаде было шестеро чужаков: три оинна и три блеттера; и блеттеры не были ни рабами, ни пленниками оиннов.

Глаза Лакоффа за толстыми стеклами очков удивленно расширились.

— Не понимаю.

— Приземлившийся в Центральном Парке корабль — наживка, на которую мы клюнули, защитное оборудование здесь — фальшивка, радиационные генераторы — груды бесполезного металла!

— Но позвольте...

— Мы знали, что обе расы разговаривают на одинаковом языке, но не понимали почему. Теперь понимаем. Чужаки действуют сообща. Из чего следует, что и их рассказы о войне между двумя расами, и вторжение на Землю — обман.

— Но города... Денвер, Мец, Томск... Они, что же, тоже розыгрыш чужаков?!

— Чужаки хладнокровно убили миллионы людей, чтобы убедить нас в серьезности войны. Оттого-то я и не испытываю угрызений совести, прикончив нескольких из них.

— И теперь они разбомбят наши города! — закричал Лакофф.

— Вряд ли. После того как нам стало известно, что две расы чужаков вовсе не ведут войну, что они союзники и что цель всей их затеи — выкачать из нас радиоактивное топливо, бомбажкой наших городов они ничего не достигнут. Я не говорю, что подобной угрозы не существует в будущем, но пока они не переговорят с нами, наши города в безопасности.

— Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы, — задумчиво пробормотал профессор Тиллмен.

— Надеюсь, джентльмены, теперь вы понимаете, насколько важна всякая информация, которую вы извлечете из корабля чужаков. И сделайте это как можно быстрей.

— Да, вы правы, сейчас не до пустых дискуссий, — сказал Тиллмен. — Свои соображения о безумстве вашего поведения я изложу позже, а сейчас мы займемся делами.

Оба ученых поспешили выйти.

Как только дверь за их спинами захлопнулась, Кирша открыл глаза.

— Так ты не спал и все слышал? — спросил Роб.

— Конечно, но для ведения дипломатических переговоров я слишком устал. Да ты великолепно справился и без меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, если не считать того, что после всех сегодняшних уколов я ощущаю себя подушечкой для булавок.

— Тебе надо бы лечь в госпиталь.

— Я туда и лягу, как только мы с тобой закончим все дела.

— Да, дела...

— Жаль твоего сержанта.

Роб посмотрел на дно кофейной чашки и кивнул.

— Грут был отличным парнем. Он спас всех нас, а, возможно, и весь наш чертов мир. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы его наградили почетной медалью Конгресса.

— А мое правительство — орденом Ленина. Он станет первым и, возможно, последним человеком, получившим высшие награды обеих стран.

Темное окно осветили яркие лучи. Роб и Кирша одновременно повернулись. Над базой, ревя турбинами, пронесся и скрылся в снежных вихрях за защитным экраном сверхзвуковой лайнер.

— Пилот вовремя заметил корабль оиннов на конце посадочной полосы и теперь зайдет на посадку с другой стороны, — сказал Кирша. — Думаю, что места ему хватит.

Дверь распахнулась, в комнату управления ворвались генералы Белтайн и Соболевский. Надя Анрианова, войдя последней, плотно притворила дверь.

— Что нового со временем нашего последнего разговора? — нетерпеливо спросил Белтайн Роба.

— Ничего, сэр. Новых контактов с врагом не было, ученыес, как вы и приказали, исследуют корабль чужаков, докладов от них еще не поступало.

— Блэттер в Сибири получил послание от командира лунной крепости, — сообщил Соболевский. — Оно очень короткое. Надя, прочитай.

Надя достала из кармана и развернула лист бумаги.

— «Немедленно вывезите всех людей с антарктической базы. В противном случае ваши города будут уничтожены». — Надя подняла глаза. — Подпиши нет.

— Волки сбросили овечьи шкуры и теперь открыто угрожают нам, — прокомментировал Белтайн.

— И мы подчинимся их требованиям? — спросил Роб.

— Ни в коем случае! — От гнева ноздри русского генерала раздулись. — Объединенная Ставка считает,

что чужаки блефуют. Захваченный вами корабль — наш козырь, и мы его так просто не отдадим.

— Распорядись об усилении охраны корабля, — велел Робу Белтайн.

Роб схватил телефонную трубку.

— Половина солдат — в корабль, другая половина охраняет его и возводит вокруг укрепления из ящиков и автомобилей. Смена часовых — каждый час.

Роб положил трубку и, увидев, что Кирша сообщает генералам подробности захвата вражеского корабля, подошел к Наде.

— У нас были потери.

Она кивнула.

— Я слышала. Бедняга Грут.

— Он погиб, как и жил, профессиональным солдатом.

— Если бы вы, профессиональные солдаты, не напали на базу чужаков, то он, да и другие были бы живы.

— И мы бы до сих пор снабжали радиоактивным топливом чудовищ, которые разбомбили наши города, уничтожили миллионы людей.

— Но вы не знали об этом, когда шли на риск.

— Не знали, но...

— К нам пожаловали гости! — воскликнул Белтайн.

Люди кинулись к окну. Вначале они увидели лишь баррикаду из автомобилей и захваченный корабль чужаков за ней, затем — другой космический корабль, гораздо меньших размеров. Меньший корабль, сделав несколько кругов над приземлившимся, пролетел вдоль посадочной полосы и сел рядом со стоящими у ангаря самолетами.

— Сэр, — обратился к Белтайну Роб. — Если не возражаете, я, прихватив радио, выйду и передам чужакам наши требования.

Белтайн и русский генерал переглянулись.

Младший по чину офицер не смеет указывать старшему, что тому делать, но намекнуть он все же может. Особенно, если намек соответствует армейской традиции не посыпать на переговоры с врагом офицеров, занимающих высокие должности...

— Идите, — приказал Белтайн. — Как только доберетесь до корабля, доложите.

— Есть, сэр.

Роб распорядился по телефону, чтобы у выхода на летное поле его ждал снабженный рацией автомобиль, и вышел.

— Подъедешь к только что приземлившемуся кораблю на расстояние десяти ярдов и остановишь машину, — приказал Роб сидящему за рулем сержанту. — Я выйду, ты останешься внутри, двигатель не глухи. Дальше действуй по обстановке.

— Так точно, сэр.

Автомобиль покатил к ангарам. Роб поднял телефонную трубку.

— Полковник Хейуорд — радиооператору. Как слышите меня?

— Слышу вас отлично, сэр.

— А генералы?

— Так точно, сэр, внешний динамик включен.

— Мы направляемся к кораблю противника. Корабль — точная копия того, что приземлился в Центральном парке. Наш автомобиль останавливается в десяти ярдах от люка. Люк открыт, из него выходит один... нет, два чужака. Я покидаю автомобиль и иду им навстречу. — Роб вышел и остановился между кораблем и автомашиной. — Один из чужаков — блеттер, который командовал лунной базой, его имя — Аплинн; другой — неизвестный мне оинн...

Встав перед Робом и глядя на него сверху вниз, блеттер прокричал:

— Человек! Скажи своим, что отныне Землей командуем мы. Если люди не подчинятся нашим приказам, то мы уничтожим Вашингтон и Москву, а затем — и другие крупные города! На размышление у вас — час!

Глава 22

БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

— Я передам ваши требования командирам. — Роб, повторив слова Аплинна в микрофон, укрепленный у рта, и выслушав ответ, заговорил вновь: — Вести переговоры с вами я не уполномочен. Генералы Белтайн и Соболевский просят вас в моем сопровождении на базу.

— Пусть сами придут сюда!

Роб бесстрастно передал требование чужака и, получив ответ, сказал:

— Генерал Белтайн считает, что вести переговоры внутри здания гораздо удобнее, чем на холоде. Генералы гарантируют вам неприкословенность.

Чужаки, обменявшись торопливыми репликами, согласились. Роб повел их к базе, размышляя, почему же чужаки пошли на уступки.

При виде чужаков генерал Соболевский ринулся в наступление.

— Кто уничтожил три наших города?

Аплинн отмел слова генерала взмахом огромной руки.

— Молчи, земная тварь! Приказы здесь отдаю только я!

— Нет. — Белтайн подошел к высокому чужаку, остановился и, глядя ему прямо в лицо, холодно заговорил: — Раньше мы делали все, что вы требовали от нас, только для того, чтобы выиграть время. Теперь время лжи закончилось. Ставлю вас в известность, что мы доставили на Луну и расположили в радиусе километра вокруг вашей базы две сотни водородных и атомных бомб. Если вы откажетесь сотрудничать с нами, то бомбы будут взорваны. Вы поняли меня?

Блеттер отступил, будто его ударили. Бледный оинн, задрожав, кинулся прочь. У двери Роб свалил его на пол ударом кулака в основание черепа. Из-за двери вышли вооруженные охранники.

— Обещав вам здесь безопасность, мы солгали вам, как вы прежде лгали нам, — сказал генерал Белтайн. — Ваши жизни висят на волоске. Вы будете отвечать на вопросы или умрете.

По знаку генерала Соболевского Роб поднял трясущегося оинна на ноги.

— Оинны и блеттеры не воюют между собой, а участвуют в заговоре против нас, — сказал русский генерал, приблизив свое лицо на расстояние дюйма к лицу чужака. — Корабль, якобы потерпевший крушение, приземлился в Нью-Йорке, чтобы убедить нас в реальности войны. Битва, которую вели отсюда оинны с флотом блеттеров, — надувательство. Расположенное здесь оружие — бутафория. Вы обманывали нас, чтобы получить ядерное топливо. Мои утверждения верны? Отвечай же!

Оинн было заговорил, но блеттер пролаял какую-то команду. Оинн ответил ему на том же языке, последовал короткий обмен репликами, и чужаки погрузились в молчание.

Вперед вышла Надя.

— Блеттер по имени Аплинн приказал оинну, которого зовут Огед'у, хранить молчание. Огед'у возразил, что мы и без того все уже знаем и всем им — конец.

Аплинн, выставив перед собой заканчивающиеся острыми кривыми когтями пальцы, с визгом бросился на оинна. Прозвучал выстрел, другой; пули с глухим стуком вошли в тело блеттера, развернули его, опрокинули на пол; вопящего оинна забрызгала зеленая кровь из ран. Кирша, тяжело дыша, опустился в кресло, положил

автоматический пистолет на колени и, указав на труп, сказал:

— Аплинн назвал оинна хиляком и предателем и заявил, что убьет, чтобы тот не болтал. Я решил, что лучше пусть умрет блеттер, чем оинн.

— Верное решение. — Белтайн пересек комнату и склонился над скулящим оинном. — Не бойся, я не причиню тебе вреда, а лишь помогу встать. — Он поднял оинна на ноги. — Теперь садись. — Он пододвинул кресло. — Оинны и блеттеры не воюют между собой? Говори!

— Да...

— Ну, вот и славно. Вы притворялись, что воюете, чтобы получить от нас радиоактивные материалы?

— Да, но многие годы назад действительно была ужасная война. Уцелели немногие. Все записи утеряны, и мы не знаем, кто с кем воевал, уцелели ли наши родные планеты, и даже где они.

— Так вы — отступившие... или, возможно дезертировавшие солдаты! — воскликнул Роб. — В вашем распоряжении — всего одна крепость, несколько маленьких кораблей и совсем немного топлива!

— Нас осталась лишь жалкая кучка и с каждым поколением становится все меньше, — тихо заговорил Огед'у. — Говорят, что под действием радиации наши гены мутировали, и многие из нас рождаются без тех или иных органов. Почти все мы пользуемся протезами. Оборудование изнашивается, многое мы уже не в состоянии отремонтировать. Когда мы попали в окрестности Солнечной системы, у нас оставалось всего четыре корабля. Один из них было невозможно починить, и мы использовали его, чтобы заманить вас в ловушку. Мы хотели лишь выжить. Освободите меня. Теперь у нас есть топливо, мы уйдем и никогда не вернемся сюда... Ваша раса очень жестокая, вы так любите убивать... Освободите меня.

— Решать не нам. Мы лишь доложим правительству, а пока они будут совещаться, ты побудешь здесь. И радуйся, что до сих пор жив. — Как бы мрачно напоминая о разыгравшейся только что трагедии, Соболевский пнул ногой труп блеттера.

Была срочно созвана ночная сессия ООН. Пока делегаты дебатировали, на антарктической станции, до-

ставив представителя блеттеров на Земле и коммуникационное оборудование, приземлился самолет из России. Огед'у рассказал Српарру о случившемся. Надя, без смущения подслушав их разговор, доложила в смежной комнате генералам.

— Оинны — прирожденные лгуны. Огед'у заявил, что он нам ничего не сказал, но мы сами разгадали их замыслы, а Аплинн в гневе бросился на нас и был хладнокровно убит. Теперь Српарр докладывает эту версию в крепость на Луне.

— Тем лучше для нас, — заметил генерал Белтайн. — Защищая себя, Огед'у в переговорах с чужаками будет на нашей стороне.

— А не солжет ли он затем и нам? — спросила Надя.

— Не исключено, но мы примем меры предосторожности.

Белтайн не сказал, что это за меры, а Надя не спросила.

Через двадцать часов, проявив чудеса стремительности, Объединенные Нации приняли решение. Чужаков привели в комнату, где уже сидели генералы Соболевский и Белтайн, Роб и Надя. Русский генерал на безуокризном английском медленно зачитал решение.

— По поручению ООН я информирую вас, что сегодня на специальной сессии большинством голосов было принято следующее решение: «Мы, народы Земли, не желаем воевать ни с оиннами, ни с блеттерами, ни с их объединенными силами. Если все инопланетяне немедленно покинут Солнечную систему, то расположенные на Луне вокруг их крепости водородные бомбы не будут взорваны. Пленникам на антарктической станции позволено погрузиться на борт крейсера и покинуть Землю. Меньший космический корабль останется у нас в качестве мизерной платы за причиненный людям вред». — Соболевский аккуратно положил бумаги на стол перед собой. — Это сообщение вы немедленно передадите своим руководителям. Товарищ Андрианова, подготовьте, пожалуйста, перевод на языке инопланетян.

Надя передала перевод Српарру, тот включил коммуникатор, потянулся к наушникам, но его остановил Роб.

— Наши специалисты установили, что этот аппарат снабжен громкоговорителем. Используй его вместо наушников.

Српарт, одарив Роба враждебным взглядом, щелкнул тумблером, связался с лунной базой и в полной тишине зачитал текст решения ООН. С Луны последовали протесты, но люди стояли на своем, и чужакам не оставалось ничего, кроме как согласиться.

— Вы не оставили нам выбора, — пожаловался Огед'у.

— Войну затеяли вы, а закончим ее на наших условиях мы, — решительно сказал генерал Белтайн и спросил, повернувшись к Робу: — Что там Тилмен, закончил?

— Да, сэр. Все работы на крейсере чужаков завершены, ученые вернулись.

— Сопроводите Огед'у на корабль, проследите за освобождением пленных и вместе со всеми нашими солдатами возвращайтесь сюда.

— Есть, сэр.

Роб с Огед'у направился к выходу.

— А как же я?! — закричал Српарт.

— Ты останешься здесь и будешь поддерживать связь со своими, — сказал генерал. — После того как ваша крепость покинет Луну, тебя подберет твой корабль.

Выбора у блеттера не было, и он с тоской глядел через окно, как Огед'у достиг корабля и как оттуда вышли солдаты. Вскоре вернулся Роб и доложил:

— Все люди покинули крейсер врага.

Белтайн повернулся к блеттеру:

— Дай сигнал, чтобы ваш корабль стартовал.

Блеттер подчинился. Через окно люди видели, как захлопнулась крышка люка, крейсер задрожал, оторвался от земли и, набирая скорость, скрылся среди облаков. Тут ожил громкоговоритель перед Српартом.

— Они вышли за пределы атмосферы и заняли устойчивую орбиту вокруг Земли, — перевела Надя.

— Но по условиям договора они должны сразу лететь на Луну! — вскричал Соболевский.

Из передатчика донеслись слова Огед'у. Говорил он по-английски, и в его голосе теперь исчезли нотки покорности:

— Наш крейсер находится на низкой околоземной орбите. Передайте своим Объединенным Нациям, что на борту нашего корабля — десятки мощных радиационных бомб. — Огед'у на секунду замолчал, а когда заговорил вновь, его голос звенел ликованием: — Теперь все встало на свои места, приказы отдаем мы. Слушайте первый. Немедленно уберите с Луны все водородные бомбы. Если вы не сделаете этого, то мы через час разбомбим ваш большой город, еще через час — другой, еще через час — третий и не прекратим бомбардировок, пока вы не подчинитесь нам.

Глава 23

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА

В последовавшей за заявлением Огед'у тишине генерал Белтайн поднялся и в два шага пересек комнату. При его приближении Српarr вскочил на ноги и закричал:

— Не прикасайтесь ко мне! Что бы вы со мной ни сделали, положение не изменится!

Белтайн, не обращая на него внимания, взял микрофон и заговорил с Огед'у:

— Нас не удивляет, что вы опять нам солгали. Теперь все сомнения рассеялись, мы знаем, что, имея дело с вами, действовать можно лишь с позиции силы. Ведя переговоры, мы скрыли, что у нас есть новейшее лучевое оружие, которое с легкостью уничтожит в космосе ваш корабль, а если понадобится, то и вашу крепость. Сейчас полковник Хейуорд отдаст приказ, и из этого оружия по вашему крейсеру будет открыт огонь. — Генерал повернулся к Робу: — Действуйте, полковник.

Роб поднял трубку телефона, набрал номер и произнес лишь одно короткое слово:

— Огонь!

Из динамика загрохотал голос Огед'у:

— Ваш глупый блеф не прой...

Голос оборвался на полуслове. Српarr, как слепой, подошел к передатчику и вызвал корабль. Ответом ему

была лишь тишина. Пронзительно закричав, он перестроился на другой канал. Из динамика послышался подывающий голос чужака.

— Он связался с лунной базой, — сказала Надя. — Оттуда подтвердили, что с находящегося на орбите вокруг Луны корабля чужаки видели взрыв крейсера.

Српарт уже не кричал, а истощно визжал в микрофон. Из громкоговорителя булькали голоса, но адресованы они были не ему.

— Чужаки перепутаны до полусмерти, — прокомментировал Кирша.

Хриплые звуки из передатчика внезапно смолкли, в наступившей тишине пронзительно затрезвонил телефон. Трубку поднял Роб и, подчиняясь приказу на том конце, передал ее генералу Соболевскому. Тот, выслушав донесение, повесил трубку и сказал:

— С нашей орбитальной обсерватории сообщили, что крепость чужаков, взлетев с Луны, удаляется от Земли на максимальной скорости.

Снова зазвонил телефон. Роб, выслушав сообщение, сказал:

— Крепость замечена обсерваторией Маунт Паломар. Она движется с непрерывно увеличивающейся скоростью по эллиптической орбите и покидает Солнечную систему.

Люди зааплодировали, захлопали друг друга по плечам и спинам.

Победа! Победа над вероломными чужаками! Победа над превосходящими силами ужасного врага! Окончательная победа!

К всеобщему ликованию не присоединилась только Надя.

Погибли слишком многие, чтобы восторгаться победой.

Она взглянула на скорчившегося в кресле Српарра. Тот негромко произнес единственное слово, которое не требовало перевода.

Один... Брошен соплеменниками в чужом мире, населенном враждебной расой.

Надя поняла, что испытывает чужак, но ничуть ему не сочувствовала. Она перевела взгляд на Роба, который, подойдя к двери, отдавал приказ солдатам:

— Уведите пленного и держите его под усиленной охраной. Смотрите, чтобы он не покончил с собой. Он еще пригодится нашим ученым.

Солдаты увяли Сроппара. Надя подошла к Робу и спросила:

— Откуда взялось секретное лучевое оружие?

— Не было никакого секретного оружия.

— А как же взрыв крейсера?

— В его машинном отделении мы заложили мощную бомбу, а детонатор соединили проводами с антенной на корпусе. После предательства чужаков был подан закодированный радиосигнал, и крейсер разлетелся на куски.

— Так мы применили против чужаков их же собственное оружие — хитрость!

— Да. И им не помогли все их козыри — страшные бомбы на борту.

— А водородные бомбы на Луне? Они такой же блеф, как и лучевое оружие?

Прислушивавшийся к их разговору генерал Белтайн сказал:

— Боюсь, моя дорогая, что эта военная тайна так и останется тайной. Спасибо вам, вы оказали нам неоценимую помощь. Теперь угроза устранена, война выиграна. Мы получили образцы техники чужаков и даже их космический корабль. Мы их тщательно изучим, и если к нам, намереваясь захватить Землю, пожалуют эти или любые другие чужаки, то они обнаружат, что мы готовы к встрече с ними.

— Иными словами, готовы убить их?

— Если потребуется, то и убить. Такая, Надя, у нас работа — защищать людей.

— Защищать — не всегда значит убивать, а вы и ваши люди... — Надя выразительно взглянула на Роба, — ...умеете лишь убивать. Скажите, скольким людям вы подарили жизнь?

Не желая пускаться в бессмысленные, по его мнению, дебаты, Белтайн хмыкнул и отвернулся. Надя ответил Роб:

— Поймите, что, кроме как применить против чужаков силу, нам ничего не оставалось.

— Чужаков была горстка, они явились на Землю в страхе и убивали, спасая свою расу. Если бы мы только договорились с ними и жили бы в мире... Они бы

научили нас своим технологиям, а мы их — человечностью...

— Что сделано, то сделано, и конфликт с чужаками теперь уже эпизод истории.

— Да, конечно. — Надя пошла из комнаты, но, остановившись у двери, обернулась. — И вас не одолевают сомнения? Не мучает совесть?

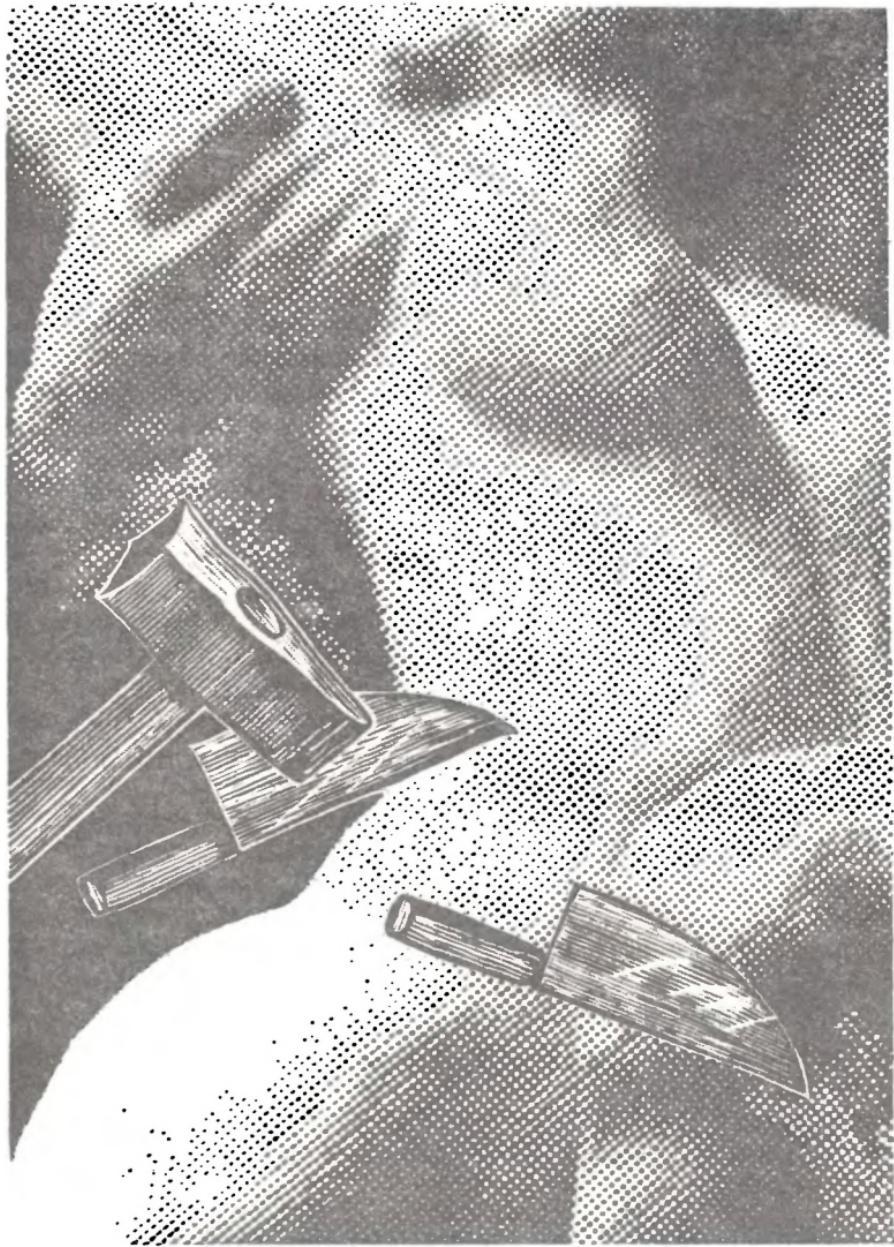
Роб пожал плечами.

— Всего лишь однажды в многовековой кровавой истории человечеству выпал шанс достичь победы миром, а не войной, но мы этим шансом не воспользовались! — продолжала Надя. — А представляете, как было бы славно, если бы мы протянули чужакам руку братства, а не кровавую руку смерти!

Надя вышла; Роб задумчиво смотрел ей вслед.

Он точно знал, что люди поступили верно и победили. Да, конечно, победили.

А может, нет?

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Глава 1

ССЫЛКА НА ОКОЛЕСИЦУ

Быстрее летящей пули, быстрее луча света, быстрее чего бы то ни было в Галактике — именно с такой скоростью космический дредноут «Мерзавец» рассекал вечную ночь межзвездного пространства. Черный, зловещий, размерами с приличный астероид, ощетинившийся ракетными установками и лазерными орудиями, корабль мчался сквозь мрак; позади осталась добрая тысяча планет, о чём напоминал изрядно загаженный птицами корпус звездолета. «Мерзавец» служил домом двенадцати тысячам двумстам сорока трем военнослужащим. Впрочем, какой там дом, — это была самая настоящая космическая тюрьма. Если не считать офицеров и сержантов, все военнослужащие на борту корабля были набраны по призыву и все до единого горько страдали. Хуже других приходилось рядовому по фамилии Парртс. Он был нижней разломившейся пополам ступенькой высочайшей в мире лесенки, заусенцем на ногте прокаженного, последним по порядку рестьем на хвосте самой дряхлой коровы с самой отсталой планеты. Словом, у него были неприятности.

— Рядовой Парртс, у тебя неприятности, — сочувственно сообщил ему старший сержант — низкорослый, с отвислым брюхом, морщинистый, как жаба, с цветом кожи, будто у мумифицированного крокодила,

и бородой, что смахивала на сапожную щетку — Я тебе нравлюсь, Парртс, верно? Хотя бы вот настолечко? — Он схватил Парртса за левую ягодицу, оставив на той кровоточащие царапины.

— Наоборот, сержант, вы мне где-то даже омерзительны.

— То же самое ты ответил доктору Блатни, нашему психиатру, — прорычал сержант. — Ну и что, что груди у нее свисают до полу, а физиономия похожа на лошадиный круп? Ты не имел права так разговаривать с офицером!

— А она имела право сманивать меня с поста? Да еще в фиолетовой ночнушке?! Она...

— Что ты делал на посту в фиолетовой ночнушке?..

— Не надо морочить мне голову, сержант. Я находился при исполнении, а она не имела права...

— Заткнись, рядовой, и слушай сюда. Прав у тебя нет. Ты солдат. Если офицер прикажет, ты должен встать на четвереньки и залаять. Ты сел в большую лужу и не вылезешь из нее, если не поцелуешь меня и не ляжешь ко мне под бочок. Усвоил?

— Нет.

— Тогда так тому и быть. — Сержант тяжело вздохнул; его вздох напоминал порыв ветра, дувшего с мусорной свалки. В уголке сержантского глаза засияла слеза, подозрительно похожая на каплю нитроглицерина. — Ты подрывал моральный дух экипажа, разлагал товарищей...

— Они пытались меня соблазнить! Как вы сейчас.

— Заткнись, — мягко повторил сержант. — Если бы мы вели войну, тебя бы придушили или расстреляли, но до начала следующей войны никак не меньше недели. Капитан решил не дожидаться. Приготовься к высадке на планету Околесица. Отныне ты приписан к тамошней базе снабжения.

— А чем она знаменита?

— Я рад, что ты спросил. Околесица — холодная, безжизненная планета на полпути из ниоткуда в никуда. Хотя, с другой стороны, можно сказать, что она — на полпути откуда-то кое-куда, то бишь расположена между матерью-Землей, которая да правит нами до скончания времен, и гнусными планетками дальнего космоса — теми, где мы учим инопланетян благам цивилизации. База снабжения на Околесице должна обслуживать

утомленных битвами воинов, кормить голодных, поить истомившихся от жажды, заменять поврежденные части тела, если, конечно, есть, чем заменять. База полностью автоматизирована, а потому способна принять и самый большой линкор, и крохотный корабль-разведчик; достаточно лишь нажать нужную кнопку. За ней совершенно нет смысла присматривать. Вот почему тебя назначили именно туда.

— Выходит, я буду совсем один! — радостно воскликнул Парртс.

— И не надейся, рядовой. Знаешь, какой в нашей армии закон: солдату не положено быть счастливым. Базой командует офицер, которому мало роботов. Он требует живых солдат. Так что готовься, рядовой.

— Мне что-то невдомек...

— Сейчас поймешь. Этого офицера зовут полковник Зуботык!

Парртс завопил дурным голосом. Должно быть, так кричат в аду грешники.

— Я знал, что ты будешь в восторге. — Сержант злорадно усмехнулся и посмотрел на циферблат вделанных в пупок часов. — Тебе как раз хватит времени, чтобы написать завещание, сходить на исповедь или покончить жизнь самоубийством.

— Да чтоб вас затрахали, сержант!

— С удовольствием!

Сержант прыгнул вперед, но дверь в соседнее помещение захлопнулась прямо у него перед носом. Он испустил обреченный вздох, смахнул слезу... Та взорвалась, ударившись о палубу.

«Где справедливость? — спрашивал себя Парртс, шагая по коридору. — Где справедливость?»

Не то чтобы он на деле ожидал справедливости, вовсе нет, однако малая ее толика явно не помешала бы. Верно? Ведь воинская служба зиждется на несправедливости; Парртс неожиданно осознал, что сжался с этим, приучился воспринимать как нечто само собой разумеющееся — как этакое развлеченье, которое худо-бедно скрашивает неприглядную действительность, намекает, что не стоит отчаиваться: мол, пускай дела идут плохо, они наверняка станут еще хуже. Что ж, может быть, он однажды вернется домой, разыщет тогда членов призывающей комиссии и прикончит их, всех до единого.

Как ни крути, все его беды начались с призыва. Он с детства хотел стать историком, а в юности, пойдя наперекор советам доброжелателей, избрал профессию экзобиолога. Уже в пору занятий историей он столкнулся с альтернативой, которая формулировалась следующим образом: либо заниматься тем, к чему испытываешь склонность, либо идти в армию и заслужить посмертную славу. Впрочем, чтобы понять суть Соединенных Штатов Земли — псевдофеодальную, милитаристскую, насквозь пропитанную имперской и фашистской идеологиями, — особых познаний в истории не требовалось; естественно, служба в армии такого государства не сулила ничего хорошего. Когда правительство ведет галактическую войну, тем более на постоянно увеличивающейся территории, нет никакой необходимости обращаться к математическому гению, чтобы установить, что число врагов, то есть инопланетян — а все инопланетяне, естественно, были врагами — будет возрастать со скоростью куба в квадрате. В результате самые дерзновенные планы и самые высокие показатели призыва никак не согласовывались с запросами полевых командиров, которые наперебой, срывая голоса, настаивали на посыпке все новых и новых подкреплений. Члены призывных комиссий, которые не справлялись с работой, незамедлительно оказывались в учебных лагерях, восполняя собой недостаток призывников.

В то время когда Парртс пришел к выводу, что профессия историка не для него, минимальный призывной возраст равнялся девяти годам. Тогда Парртсу как раз исполнилось восемь. Его отец был завербован в армию спустя семь секунд после зачатия сына: биоиндикатор матери замерцал красным, что означало «беременна», в то мгновение, когда отцовская сперма про никла в поджидающую яйцеклетку. Несмотря на то что отец Парртса облагодетельствовал старые добрые СШЗ двенадцатью детьми, имел двойную грыжу и стеклянный протез вместо правого глаза, а также скакал на одной ноге, он все равно считался годным к армейской службе, ибо с тех пор, как его отчислили из армии по состоянию здоровья, призывные стандарты претерпели некоторые изменения.

На то, чтобы родиться, у Парртса ушло семь месяцев, — программа ускоренного рождения на благо армии применялась повсеместно; за этот срок стандарты

изменились вновь, набор теперь не предусматривал ни половых, ни возрастных — по старости — ограничений; и матушка рядового отправилась в итоге из родильной прямиком в учебный лагерь: миссис Парртс попала в подчинение к своей собственной бабушке.

Парртс вырос в приюте для будущих солдат, в силу чего получил кое-какое представление об истинном положении дел. Вопреки государственной пропаганде у воспитанников приюта сложилось особое мнение о характере войны, что объяснялось в значительной мере внешним обликом учителей, которые все были инвалидами. Так что Парртс решил для себя, что историей можно заниматься в качестве хобби, а профессию лучше избрать такую, которая позволит не попасть в разряд пушечного мяса. Он первым из класса выился стать экзобиологом, то есть изучать инопланетные формы жизни. Это было интересно само по себе, однако, что гораздо важнее, экзобиологи, согласно стандартам, признавались целиком и полностью негодными к воинской службе. Армии требовались специалисты по инопланетянам, чтобы выяснить, как сподручнее расправляться с последними, а потому, как полагал Парртс, он будет в безопасности, далеко от линии фронта.

Планы, планы... Несколько лет все шло просто замечательно. Но вот однажды Парртс явился на ежемесячную проверку документов, которую проводила призывающая комиссия. Прежнего председателя комиссии, как оказалось, забрали в армию — чем ближе к огню, тем сильнее жар, а его место заняла сержант запаса Аннабелла О'Брайен. Едва Парртс вошел в помещение, где заседала комиссия, Аннабелла улыбнулась — растянула губы, которые, на первый взгляд, давно забыли, что значит улыбаться, — выгнала вон коллег и применила к Парртсу мальтийский захват. Выглядело это следующим образом: одной рукой она обняла юношу за шею и привлекла к себе, буквально вдавила в промежуток между своими увесистыми грудями, а другой принялась набирать код на магнитном замке его ширины. Парртс трепыхался, тщетно стараясь вырваться, и вдруг коснулся пальцами стола, на котором обнаружилась чернильница с ручкой. Находясь при последнем издыхании, он стиснул ручку в кулаке и вонзил перо в толстый зад Аннабеллы. Та всплеснула руками, и Парртс, очутившись на свободе, тут же забрался под стол и, слабо

отбрыкиваясь от назойливой дамы, начал жадно глотать воздух, чтобы оживить изголодавшиеся клетки. Часа через два Аннабелла наконец сообразила что к чему и в отместку, теша уязвленное самолюбие, поставила в документах Парртса отметку, означавшую, что тот го-ден к строевой без малейших ограничений. Парртс мгновенно очутился в коридоре, а через несколько часов уже прибыл в учебный лагерь, тогда как Аннабелла только-только успела выплакаться, залить обиду вином и разнести в пух и прах четыре городских бара.

Такова была история его жизни, обстоятельства которой менялись исключительно в худшую сторону. А теперь это назначение на Околесицу, к полковнику Зуботыку!.. Когда Парртс вспомнил, что ему доводилось слышать о полковнике, температура тела у него упала сразу на десять градусов. Хотя слухам особо доверять не следует, нужны факты...

Парртс дал взятку писцу из отдела кадров, пожертвовав своим столом долго и тщательно копившимся запасом мармелада в горошинах, и раздобыл копию личного дела Зуботыка. Чем дальше он читал, чем быстрее он перелистывал страницы, которые постепенно нагревались, тем тяжелее становилось на душе. Бумага сначала покраснела, потом побурела, обожгла кожу и вспыхнула ярким пламенем. Жаль, шантажировать писца будет нечем. Тем не менее, хотя копия сгорела, Парртс продолжал видеть мысленным взором то, что в ней было написано. Полковник Зуботык входил в...

— Внимание! Внимание! Приготовиться к посадке! — рявкнул голос из динамика. Завыли сверхзвуковые сирены; их вой проникал в самые укромные уголки корабля и размягчал кости тех, кто двигался недостаточно шустро.

К Парртсу это не относилось. Он моментально занял свой пост в двигательном отсеке у главного рубильника, встал по стойке «смирно» и замер в ожидании, дабы как можно лучше исполнить то, что от него требовалось. Между тем звездолет вошел в атмосферу Околесицы, прорвался сквозь плотный облачный слой, вынырнул на солнечный свет; взревели кормовые дюзы — корабль, паря как перышко, опускался на посадочную площадку. На панели перед Парртсом зажглась надпись «Жми!», и он немедля надавил на кнопку «Выкл», после чего вздохнул, ибо, скорее всего, выполнял свою нынеш-

нюю работу в последний раз. Ведь из личного дела полковника Зуботыка следовало, что те, кто попадал к нему, назад не возвращались — по крайней мере, живыми.

— Рядовой Парртс! — громыхнул динамик. — На выход с вещами, живо!

Парртс закинул за спину вещмешок и направился к люку. В гордом одиночестве, если не считать сновавших по пандусу роботов, он миновал проем высотой добрый двадцать футов, остановился у автомата с водой, бросил в щель несколько монет, получил стаканчики с героин-колой и гашиш-содовой. Поскольку будущее не сулило ничего хорошего — точнее, будущего не предвиделось вообще, — оставалось только утешаться наркотиками. Парртс знал, что живых людей поблизости нет, однако ощущал на себе чей-то взгляд. Он повернулся — и стаканчики выпали из его внезапно онемевших пальцев.

На него смотрел полковник Зуботык. Нет, не просто смотрел — это слово никак не вязалось с тем ужасом, какой вызвал у Парртса горящий взор Зуботыка. Тот глядел на рядового, застывшего в полной неподвижности, своим единственным глазом; на месте второго, то ли выдавленного, то ли выбитого, зияла пустота — ни тебе черной повязки, ни стеклянного протеза. Полковник не шевелился, будто притворяясь ящерицей, которую, кстати, весьма напоминал, — лысый, исчерченный шрамами череп, зеленоватая кожа... Он широко раздувал ноздри, этакие темные пещеры, в которые, похоже, переместились все те волосы, что отсутствовали на голове. Уши полковника, большие и оттопыренные, выглядели так, словно кому-то взбрело на ум откусить от них по кусочку. Что касается носа, его вид лучше обойти молчанием. Нижней челюсти Зуботыка позавидовал бы и неандертальец; она настолько выдавалась вперед, что желтоватые, зазубренные резцы полковника заслоняли собой губу и даже доставали до волосатых ноздрей.

— Ну, — прорычал Зуботык; голос у него был сиплый, весьма неприятный на слух, — чего вылупился? На кого ты, по-твоему, смотришь?

Ответить было попросту невозможно, поскольку наружность полковника представляла собой настоящую загадку для антрополога: неимоверно длинные, похожие на обезьяньи лапы руки, пивное брюхо, кривые

ноги и, вдобавок ко всему, описанная выше физиономия.

Парртс молчал, а Зуботык придирчиво изучал его взглядом, который походил скорее на парализующий лазерный луч и словно прожигал в мундире дырки. Наконец полковник шагнул вперед; внезапно в руке у него очутился ездовой хлыст. Парртс ощутил, как стынет в жилах кровь: хлыст был изготовлен не из кожи, а из мумифицированного человеческого тела, облакено-го, между прочим, в форму, на которой виднелись капральские нашивки. Зуботык обошел вокруг рядового, что-то пробормотал. Парртс испустил судорожный, со всхлипом, вздох.

— Разве я разрешал тебе дышать? — справился полковник с такой угрозой в голосе, что легкие Парртса мгновенно окаменели, словно скованные морозом.

Осмотр продолжался; над Парртсом нависла угроза смерти от удушья. В последний миг — вернее, чуточку прежде, в момент, когда интеллектуальный коэффициент Парртса понизился на шесть единиц, поскольку начали отмирать мозговые клетки — полковник произнес:

— Дыши!

Завеса тьмы над сознанием рядового приподнялась, легкис заполнились живительным воздухом, и Парртс начисто позабыл таблицу умножения на семь.

— Что ты здесь делаешь? — осведомился Зуботык.

— Назначен на вашу базу, сэр. Приказ у меня в вещмешке.

— Я запрашивал группу приговоренных к смерти, а мне прислали тебя.

— Если хотите, сэр, я могу вернуться на корабль...

— Стой, где стоишь! — Оклик Зуботыка прозвучал столь громоподобно, что почти заглушил рев двигателей стартовавшего звездолета. Утратив последнюю надежду на спасение, Парртс расслабился и приготовился к худшему. Полковник между тем проговорил: — Ну ничего, своих смертников я еще получу. А пока сойдешь и ты. Что ты слышал обо мне, рядовой?

— Ничего хорошего, сэр.

— Что ж, космос, выходит, слухами все же полни-ся. Ну-ка, рядовой, расскажи, что говорят обо мне солдаты, когда от нечего делать болтают по вечерам?

— Они говорят, сэр, что такого подлого, мерзкого, кровожадного сукина сына, как вы, на свет до сих пор не рождалось. Что Аттила годится вам разве что в подручные. Что вы не проиграли ни одного сражения и не оставили в живых ни единого из своих солдат. Что ваша личная жизнь — это диковинная смесь фанатизма, садизма, мазохизма, всяких прочих «измов», а также самобичевания и жестокости.

— Значит обо мне знают. Замечательно! — Полковник довольно кивнул и с улыбкой постучал засущеной головой капрала по стальному мыску своего башмака. — Что еще? Можешь говорить откровенно.

— Слушаюсь, сэр. В вашем личном деле... — Парртс вдруг запнулся, у него отвисла челюсть. — Сэр, в вашем личном деле... ну да, так и есть... нет ни слова о сексе. — Он ухмыльнулся и протянул Зуботыку руку. — Сказать по правде, полковник, я искренне рад нашей встрече и готов служить.

Зуботык взревел, как измученный грыжей лев, и прыгнул вперед, растопырив пальцы, что заканчивались желтоватыми когтями; запах изо рта полковника напоминал ту вонь, какая исходит летом от слоновьего кладбища.

Глава 2

СПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

— Нет! — воскликнул Парртс, тряся руками перед грудью. — Вы меня не так поняли. Вы мне нравитесь, сэр. Я рад служить под вашим началом. Я все сейчас объясню.

Озадаченный, сбитый с толку полковник Зуботык заколебался. Он впервые в жизни услышал, что кому-то нравится. Поразмыслив, он фыркнул, сунул руку в карман, извлек оттуда мини-гранату, выдернул чеку и запихнул гранату в голенище сапога рядового.

— На объяснение у тебя одна минута. Если ты не сумеешь внятно объяснить что к чему, останешься без ноги, после чего я когтями раздеру тебе живот, выну твои кишечки и обмотаю их вокруг твоей шеи.

— Слушаюсь, сэр. Я знаю, вы всегда держите свое слово, — произнес Парртс, на лбу которого выступил холодный пот. — Понимаете, сэр, я жил интересной жизнью, впрочем, разумеется, не такой интересной, как вы. — Он говорил все быстрее и быстрее. — Сдается мне, я обладаю весьма любопытной способностью, чем-то вроде психического излучения. Попади я в какой-нибудь университет, из меня тут же сделали бы подопытного кролика; дело в том, что я излучаю, скажем так, всепоглощающую чувственность. Другими словами, я чрезвычайно сексапилен. Сэр, умоляю, не

скальте зубы, а то откусите себе нос. На первый взгляд, эта моя особенность сулит неземное блаженство, но только на первый взгляд. Если бы меня находили привлекательным лишь молоденькие девушки, я бы, наверно, не желал иной доли, но вся беда в том, что проблема куда сложнее. Меня любят все — и люди, и животные. Стоит мне показаться на улице, как к моим ногам буквально прилипают бродячие собаки. Видели бы вы, сэр, на что тогда становятся похожи мои брюки!.. Правильно, сэр, я не должен отвлекаться. Я не могу ездить верхом, потому что у всякой лошади только одно на уме. Окажись я на ферме, через десять секунд меня можно было бы отпевать. Понимаете? Самый дряхлый старик на свете, самый симпатичный ребенок — всем нужно одно и то же. Скажу откровенно, сэр, это не жизнь, а сущий ад. Вы, конечно, можете посмеяться, но двадцать лет подряд испытывать такое на воеи шкуре.. Знаете, тут почти то же амое, что работать на шоколадной фабрике и ни разу не попробовать ничего вкусненького. Хотите поцеловать меня, сэр?

Зуботык яростно взревел, столь широко разинув рот, что стали видны как миндалины, так и не успевшие перевариться остатки пищи в желудке.

— Теперь вы понимаете, к чему я клоню, сэр? Вы — единственный из всех мужчин, женщин, зверей, птиц и насекомых, кому я не внушаю симпатии. Потому-то я рад служить под вашим началом. Что прикажете, сэр? Может, мне выпороть вас? Или наоборот?

Полковник задумался. Между тем в сапоге Парртса продолжал отсчитывать секунды часовой механизм. Наконец Зуботык очнулся, подцепил гранату длинным когтем, под которым накопилось изрядно грязи, и швырнул ее в сторону. Она взорвалась, ударившись о торговый автомат, из которого, пенясь и пузырясь, хлынули на пол струи разнообразных горячительных напитков.

— Так-так, — пробормотал полковник. — Добровольцев на такое дело обычно не сыщешь. Зато какое удовольствие пороть истинного мазохиста, который будет смеяться, даже когда мясо начнет отслаиваться от костей! Ты, случайно, не криптомазохист?

— Никак нет, сэр, но я готов постараться...
— Не пойдет!

— Не страшно, сэр. Из меня выйдет отличный денщик, — сообщил Парртс с самой обольстительной улыбкой, на какую был способен. — Я смою с ваших башмаков кровь, наточу стальные шипы на мысках, буду следить за тем, чтобы свинец всегда был расплавленным, а колючая проволока ржавой...

— Аррх! — прорычал полковник и двинулся прочь.

Безмерно довольный, Парртс усмехнулся, закинул на плечо вещмешок и настынивая отправился на поиски казармы.

Так началась счастливейшая пора его жизни. Работы было всего ничего, благо база являлась полностью автоматизированной. Парртс с превеликой охотой возобновил свои исторические штудии, днями напролет просиживал в библиотеке. Когда глаза уставали от чтения, он выходил на свежий воздух. Разумеется, личному составу запрещалось покидать базу; как-то на досуге Парртс без труда отключил внутреннюю сигнализацию и прошел боевым лазером отверстие в железобетонной ограде. Снаружи было прохладно, что, впрочем, весьма способствовало проветриванию мозгов.

База располагалась на горе, верхушку которой специально срезали так, что получилась ровная и просторная площадка. Рядом высились другие горы, их вершины венчали снежные шапки; из неразличимых сверху долин поднимались клубы тумана. Местных форм жизни не наблюдалось. Поскольку на горе частенько выпадал снег, Парртс, выходя на прогулку, обычно лепил снеговика с пулями вместо глаз и гранатой вместо носа, после чего, радостный и румяный, возвращался к своим книгам. С полковником, который сиднем сидел в своих апартаментах, строя кровожадные планы, он почти не виделся. Правда, время от времени Зуботык вызывал Парртса к себе и излагал ему очередную задумку, однако рядовой добросовестно соглашался со всеми предложениями офицера, что изрядно портило тому настроение. В итоге полковник пристрастился к вину и стал раз за разом напиваться в личной камере пыток, где перебирал инструменты и улыбался, припоминая то, о чем рассказывали бурые пятна крови на стенах и на полу.

К сожалению, у ворот каждого Эдема постоянно отирается свой змей. На базу снова и снова прибывали звездолеты, большие и малые; едва заслышав рев дви-

гателей, Парртс прятался и не выходил из укрытия, пока корабль не улетал. Однажды он заметил роскошную женщину, которая пилотировала разведывательный звездолет, и решил, что как-нибудь разыщет ее и заключит в объятия. Как-нибудь, но не теперь.

И вот змей постучался в ворота. В атмосферу Околесицы вошел транспорт, от которого отделилась посадочная капсула. Когда она приземлилась, из нее выбрался пассажир — худой, невзрачный на вид мужчина, седобородый, со множеством прыщей на лице. Пересчитав ящики с оборудованием, мужчина влез обратно в капсулу и включил терминал видеосвязи.

— Профессор Шлек вызывает командира базы. Немедленно сюда.

Полковник Зуботык, который возился с дыбой, втыкая в нее осколки разбитого стекла, с отвращением покосился на экран, а затем вызвал своего помощника.

— Жду ваших распоряжений, сэр, — отрапортовал Парртс.

— Рядовой Парртс, отправляйся на космодром и выясни, что нужно этому недоумку! Прежде всего уточни, насколько он важная птица. Если окажется, что его важность меньше тринацати единиц, засади мерзавца в тюрьму, а вечером мы повеселимся. Начальство никогда не разыскивает тех, кто не слишком важен. Пошел!

Парртс отложил в сторону «Историю королевских союзов и вероломств с тринацатого по двадцать второй век» и поспешил исполнить приказ. Профессор Шлек встретил его свирепым взглядом, но стоило рядовому приблизиться, как глаза Шлека расширились и он судорожно сглотнул. Парртс мгновенно распознал симптомы, а потому остановился на безопасном расстоянии.

— Чем могу служить, сэр? — спросил он. — Да, предъявите, пожалуйста, документы. Приказ командира. — Получив требуемое, он перелистал страницы. Категория «три-Б». Жаль, полковник наверняка расстроится. Но тут уж не до шуток. Продолжая изучать документы, Парртс краем глаза следил за профессором, который копался в своих ящиках. Улучив момент, Парртс зашептал в микрофон, что висел у него на воротничке. Ответом ему был рык полковника и звонкий щелчок, с которым тот прервал контакт.

— У меня правительственные задание, — заявил профессор Шлек откуда-то из-за горы ящиков. — Служба планетарной разведки поручила мне обследовать Околесицу, поскольку ваша планета до сих пор остается практически неисследованной. Я должен управиться за одни сутки, ибо завтра за мной прибудет корабль; так что мне надо поторопливаться. С вашей помощью или без, я все равно справлюсь! Учти, рядовой: если вздумаешь мне помешать, я разберусь с тобой по-свойски; а если поможешь, я, глядишь, окажу тебе какую-нибудь услугу. Я, конечно, тороплюсь, но не настолько...

Шлек выбрался из-за ящиков и встал перед Парртсом, покачиваясь на высоких каблуках. Он переоделся в чрезвычайно сексуальное черное платье с глубоким вырезом, откуда виднелись накладные груди, напялил огненно-рыжий парик и накрасил губы помадой, причем, изнывая, по-видимому, от желания, размазал ту едва ли не по всей физиономии. — Нам нужно спешить, но мы, милый ты мой рядовушка, запросто успеем поцеловаться и даже...

Кулак Парртса врезался в стеклянную челюсть профессора, и Шлек опрокинулся на спину.

— Негодяй! — возопил Шлек, потом прибавил сквозь зубы: — Ты мне за это заплатишь!

— Никак нет! — отозвался Парртс. — Наше свидание записывается на пленку. Мы вырежем все, что произошло после того, как вы упали, и распустим слух, что я нечаянно убил вас ударом кулака. На самом же деле вы погибнете иначе, поскольку я передам вас с рук на руки полковнику Зуботыку, командиру базы.

Шлек пронзительно взвизгнул и принялся срывать с себя платье. Оставшись в усеянном блестками супензории, он смахнул слезу и облачился в мундир. Парртс наблюдал за происходящим без малейшего интереса, поскольку подобная процедура была ему далеко не в новинку. Покончив с переодеванием, Шлек взялся за работу, и через несколько минут стало очевидно, что с наладкой оборудования помочь профессору не требуется. Должно быть, разговоры о помощи служили лишь предлогом для приставания. Об инциденте не упоминалось ни словом, однако Парртс все же не спускал со Шлека глаз и на всякий случай не разжимал кулака. Профессор, впрочем, не обращал на рядового никакого внимания.

В самом крупном из ящиков оказался полностью готовый к запуску разведывательный спутник. Шлек сверился с выкладками относительно параметров атмосферы, пробормотал что-то себе под нос и ввел данные в компьютер спутника. Теперь мозг робота должен был действовать самостоятельно. Шлек захлопнул крышку блока управления, взял пульт и отошел от ящика на добрую сотню метров. Весьма заинтригованный, Парртс последовал его примеру.

— Если будешь ласков со мной, я позволю тебе нажать кнопку запуска. Это очень интересно... — Шлек не докончил фразы, испугавшись рычания, которое вырвалось из глотки Парртса, и нажал кнопку сам.

Раздался оглушительный грохот, ракета вынырнула из клубов дыма и устремилась в небо. Профессор поглядел на контрольный экран и довольно кивнул.

— Что значит автоматика! А в старину приходилось программировать каждый метр полета. Сейчас наша ракетка уже на орбите, чуть выше атмосферы, движется в направлении, которое совпадает с направлением вращения планеты, и трудится вовсю. Так-так, инфракрасное и ультрафиолетовое излучение, магнитный анализ и анализ на волнах Ксильбы, который позволяет пределить залежи минералов на глубине до трех километров; сведения о температуре на поверхности, об испарении воды и... А-а-а! Ты сломал мне запястье. Я же еле дотронулся до тебя!

— Может, хотите перекусить? Или прислать полковнику?

— Еда! Замечательные армейские рационы! Жаркое из переработанной собачатины! Питательный хлеб из опилок! Рядовой, ты гений!

Похоже, при упоминании о Зуботыке шарики в голове профессора со страху закатились за ролики. Парртс не стал разубеждать Шлека, решив, что раз тот алчет солдатской пищи, так тому и быть, хотя сам давно уже утолял голод исключительно теми продуктами, которые предназначались офицерам, и грезил сейчас о фазане и жареной кабанятине.

Спутник завершил разведку ближе к полуночи. К тому времени профессор Шлек весь посинел и дрожал от холода. Парртс даже проникся к нему чем-то вроде сочувствия. Спутник провел по радиомаяку коррекцию орбиты, отстрелил вспомогательные ракеты — в небе

на мгновение сверкнули алые огоньки, — выбросил парашют и несколько секунд спустя совершил посадку. Он упал на бок; нагретый при спуске металл тихонько потрескивал. Шлек осторожно открыл крышку и извлек из особого отделения кассеты с пленкой.

— В-в-внутрь, — пробормотал он. — Ос-с-стальное ут-тром.

Парртс прихватил анализатор и двинулся следом за продрогшим профессором. Очнувшись в тепле и согревшись пинтой эрзац-кофе, Шлек оттаял настолько, что сумел вставить одну из кассет в анализатор. Тот радостно загудел, на шкалах запрыгали стрелки, на экранах замерцали цифры.

— Обычная дребедень, — проговорил Шлек. — Железо... Нам вполне хватает того, которое добывается в поясе астероидов. Золото... Его полным-полно на обессоленных планетах. Сера, медь, уран — слишком мало, чтобы стоило связываться, — свинец, лорций... Лорций! — Он подскочил к анализатору, принял на жимать кнопки, затем схватил распечатку. — Точно! И какое богатое месторождение! Я получу премию первооткрывателя и наконец-то смогу отвалить! Ура!

— А что такое лорций? — поинтересовался Парртс.

— Ну, разумеется, что может знать о лорции остолоп вроде тебя! Это редчайший из трансплутониевых элементов. Он используется в силовых установках линкоров и дредноутов. Без него была бы невозможна всякая война.

— Сообщите, что ничего не нашли, и тогда, может статься, война закончится.

— Ты что, совсем спятил? Если война кончится, меня выгонят взашей и мне придется перебиваться с хлеба на воду. Кроме того, у пленки имеется дубликат, который находится внутри спутника. Нам с тобой доверяют одинаково.

— То есть не доверяют вообще?

— Вот именно. А теперь иди отсюда, я хочу напиться и лечь в постельку с моей резиновой куколкой. Встаем на рассвете, чтобы получше изучить местность.

Утро выдалось холодным и туманным. Парртсу, который глядел на жилистую шею Шлека, почему-то казалось, что открытие профессора перевернет его жизнь, и он вдруг подумал, а не отвести ли Шлека к полковнику и не приказать ли роботам сбросить с обрыва все

профессорское оборудование? Нет, так не годится. Исчезновение Шлека наверняка не пройдет незамеченным, и на Околесицу пришлют нового исследователя.

Парртс мрачно посмотрел вслед стартовавшей ракете. Та должна была пролететь над месторождением лорция, сделать фотографии, сесть, пробурить скважину и взять образец породы.

Менее чем через два часа ракета вернулась. Шлек дрожащими от волнения руками достал образец, ткнул в него пальцем, попробовал на зуб и довольно кивнул.

— Богатая, богатая жила! — выдохнул он. — И открыл ее не кто-нибудь, а я! Ну-ка, рядовой, прикажи роботам грузить мое оборудование.

Профессор настолько развлновался, что даже не попытался пристать к Парртсу, что для последнего стало единственной радостью за целый день.

Армейское начальство, как всегда, за исключением тех случаев, когда требовалось выплатить жалованье или выдать пищевые рационы и снаряжение, действовало быстро и решительно. Приказы, инструкции и запросы буквально избороздили межзвездное пространство; Парртс не мог ни на секунду отлучиться из радиорубки. Полковник Зуботык, внимательно наблюдавший за происходящим, внезапно проявил признаки взволнованности.

— Лорций — опасная штука, — изрек он. — Радиоактивный элемент. Значит, добывать его будут преступники...

— Из числа которых мы без труда сможем подобрать пару-тройку жертв, — докончил Парртс.

Полковник издал диковинный свистящий звук, который, как убедился Парртс, означал, что Зуботык заливается смехом.

— Пойду смажу дыбу и наточу шипы на «железной деве», — произнес полковник и удалился.

Последнее сообщение гласило: «ПУК прибудет в теченис двадцати часов».

— Какой такой ПУК? — удивился Парртс.

Поскольку в рубке он был один, ответа, естественно, не последовало.

Глава 3

ПОЯВЛЕНИЕ ПУКА

— Знаете, полковник, здоровее транспорта я еще не видел.

— Заткнись, а то выпорю!

— Так точно, сэр. Какой принести кнут?

— Ааррх! — прорычал полковник, удариł себя в живот и снова издал тот же звук, на сей раз — погромче.

Под мундиром он носил моток колючей проволоки, по которой ударял, когда был не в настроении, поскольку должен был мучить хоть кого-то.

Транспорт оказался сверкающим металлическим цилиндром размером с линкор. Его приводили в движение восемь буксиров, двигатели которых работали сейчас на полную мощность, сопротивляясь могучему притяжению Околесицы. Транспорт опускался все медленнее и наконец коснулся поверхности планеты, раздавив мимоходом половину одного из складов базы.

Со щелчком отсоединились магнитные захваты; семь буксиров рванулись ввысь и в мгновение ока исчезли из вида. Восьмой же приземлился на площадку. В борту буксира открылся люк, из которого вышел человек. Полковник Зуботык устремил на него горящий взор, который сулил вновь прибывшему муки похлеще адских.

— Ты ПУК? — справился полковник.

— Нет, — отозвался человек. Он остановился шагах в трех от встречающих, прижал к груди портфель и с подозрением поглядел на Зуботыка. — Я капитан Фриг. ПУК вон там.

— Пошли выпьем, — предложил полковник, — и ты мне все расскажешь.

— Да вы что, рехнулись? Полковник, мне прекрасно известна ваша репутация. — Фриг достал из портфеля папку с документами. — Вы должны расписаться здесь, здесь и здесь. Ну, что приняли ПУКа.

— Мы не распишемся до тех пор, пока я не увижу собственными глазами, что за чертовщину ты мне приволок.

— Как хотите, — фыркнул Фриг и тут заметил Парртса; он широко раскрыл глаза, раздул ноздри. — Эй, привет...

— Давай шагай, олух, — перебил Парртс, — не то будешь пищать таким голосочком до конца жизни.

Отвергнутый, оскорбленный в лучших чувствах, капитан приблизился к транспорту, откинулся щеколду люка в борту корабля, сунул руку внутрь, нажал какую-то кнопку и на площадку с грохотом обрушился массивный пандус.

— ПУК! Выходи, малыш! — позвал Фриг и пронзительно свистнул.

Из темного нутра транспорта донесся громоподобный рев, затем послышался лязг металла. Рев становился все громче, и вот показался ПУК. Земля задрожала. ПУК соскочил с пандуса и остановился, подняв вокруг себя тучу пыли и щебня, — неподвижный, готовый исполнить любой приказ, пыхтящий, как охотничий пес размером с локомотив.

— Что за черт? — ровным голосом справился полковник, разглядывая бесчисленные винты, шестеренки, шарниры, приводные ремни, ведра, буры, прожектора, поршни, насосы, лазеры и прочий вздор.

— ПУК расшифровывается как Правительственный путеукладчик. Этот сукин сын не имеет себе равных в прокладке железнодорожных путей, а наблюдать за его работой — истинное наслаждение, — заявил Фриг.

ПУК развернулся в его сторону микрофон и телескопический «глаз», пыхтение заметно усилилось. Где-то в вышине раздался свист. Капитан любовно пнул пыхтящую машину.

— Полностью автоматизирован. ПУК не просто работает; интеллектуальный коэффициент у него наверняка выше, чем у вас двоих, ребята, вместе взятых.

Свист повторился. Полковник с рычанием шагнул вперед, занося для удара свой ужасный хлыст. ПУК плюнулся в Зуботыка сжатым воздухом: полковника развернуло и швырнуло наземь.

— ПУК знает, кто ему друг, а кто нет, — с улыбкой заметил Фриг.

Он протянул Зуботыку папку с документами. Тот выругался, но поставил свою подпись.

— Так-то лучше. Прежде чем я улечу, мне надо утрясти с вами один вопросик. Вот фотография предполагаемого месторождения лорция. По всей видимости, оно находится поблизости от Северного полюса этой жалкой планетки, постоянно покрыто снегом и выглядит, полковник, столь же привлекательно, как вы. Кстати говоря, у вашего помощника физиономия ничуть не симпатичнее.

ПУК готов взяться за работу, как только получит соответствующий сигнал. Он построит железную дорогу отсюда до самого месторождения, координаты которого заложены в его память. По окончании строительства он известит буксиры, которые приземлятся вместе с транспортом, и ПУК погрузится на борт. Вы еще не запутались, охламоны?

Полковник вскочил и ринулся на Фрига. Парртс следовал за ним по пятам. Однако не успели они сделать и двух шагов, как в камень перед ними вонзилась искусственная молния, испепелив тот в долю секунды. Нахальный капитан улыбнулся, достал сигару и прикурил от второй молнии.

— Молодцы, ребята, быстро сображаете. Итак, ПУК знает, где находится сейчас и куда ему надлежит попасть. Ответьте-ка мне на такой вопрос. Надеюсь, у вас хватит на это мозгов. Тот остолоп, который производил планетарную разведку, не удосужился изучить поверхность планеты, поэтому нам неизвестно, населена Околесица или нет. Разумеется, вы двое не в счет. Если ПУК натолкнется на аборигенов, он обойдет их поселения стороной по причинам, которые должны быть понятны даже вам. Что касается джунглей, ледников, снежных заносов, змей и всего прочего, он будет пробиваться напрямик через них. Ну, каков ваш ответ?

— Никого тут нет, — пробурчал полковник. — А теперь вон с моей планеты!

— Я однажды видел птичку, — сообщил Парртс. — Но с горы мы ни разу не спускались, так что кто его знает, что там, внизу. По-моему...

— Заткнись! — посоветовал Зуботык. — Займись лучше делом и вали отсюда, пока я добренький.

— Замечательно! — Капитан Фриг убрал в портфель папку с документами, подошел к ПУКу, похлопал того по усеянному заклепками боку, а затем ухватился за большую красную рукоятку. Слева от той было написано «Ненаселенная», справа — «Населенная». Потянув обеими руками, Фриг с трудом переместил рукоятку влево. На панели сверху замигали цифры, из лазерного орудия вырвался луч, который проделал дырку в низко нависших облаках. Пыхтение сделалось громче прежнего, гусеницы машины задрожали мелкой дрожью. Фриг отступил, раскрыл портфель, достал оттуда кость, как следует размахнулся и швырнул ее в направлении края плато.

— Ату, малыш! — крикнул он.

Зазвучали свистки, взревели двигатели, завертелись шестеренки, и громадная машина рванулась вперед, прямо к обрыву, от кромки которого до земли внизу было несколько километров.

— Грохоту будет, когда она свалится! — Лицо полковника озарилось улыбкой.

Однако ПУК, как выяснилось, с ходу принялся за работу.

В воздухе завис стальной каркас, который поддерживали рычаги. ПУК едва замедлил движение на краю обрыва и смело покатился дальше по мосту, что возник между горными вершинами словно по мановению волшебной палочки. Машина непрерывно палила из лазеров, вырезая из скальных пород подпорки для путей, а за ней стелились по мосту новехонькие рельсы. Не доехав нескольких метров до края моста, ПУК вновь выстрелил из лазера и устремился в туннель, что возник в склоне соседней горы. Долю секунды спустя он пропал из виду, сверкнув на прощание лазером, причем луч чуть было не угодил в полковника с Парртсом, которые не сковаваясь шарахнулись в разные стороны.

Наступила тишина. На площадке чернели выжженные лазерным лучом буквы: «Да здравствует ПУК, ура!»

Полковник, издав яростный вопль, круто развернулся, но опоздал: капитан Фриг, лишившись своего защитника, благоразумно запрыгнул в буксир и закрыл за собой люк. Залп из пушки, которая помещалась в голове мумифицированного капрала, пришелся в металлическую обшивку буксира.

Парртс облегченно вздохнул. Все прошло гораздо лучше, чем он смел надеяться. Рядовой отправился в библиотеку, а полковник, вдосталь наколотившись по мотку колючей проволоки, вернулся к себе в апартаменты и, чтобы поднять настроение, включил видеомагнитофон, в котором стояла кассета с его любимым фильмом.

Однако ни тот ни другой не были бы так довольны жизнью, если бы проследили за движением ПУКа по поверхности Околесицы. Возможно, огромная машина и была разумна, но вот здравомыслия ей явно не хватало. Пускай она прокладывала железные дороги аккуратнее кого и чего бы то ни было в Галактике, зато по умению разбираться в жизненных ситуациях не годилась и в подметки даже вечно сопливому трехлетнему мальчугану.

ПУК мчался вперед, безмерно счастливый тем, что наконец-то взялся за дело. Он преодолел горный хребет, понаделав в нем туннелей и понастроив мостов через долины рек, а затем двинулся вниз, продолжая укладывать лучший из возможных путей; миновал альпийский пояс, пересек вечные снега, перенесся через очередную долину, по дну которой бежал бурный поток, и углубился в утес. Вниз, вниз, под углом в двенадцать градусов. Какое-то время спустя он ощутил, что скала заканчивается, и чуть притормозил, высунув из склона нос.

Долина, плодороднее предыдущих. Ерунда, сейчас спалим деревья, чтобы не мешали, и дальше. Река — не страшно, надо только построить мост пошире на случай паводков. Все очень просто.

С победным свистом ПУК ринулся через долину и врезался в склон пологого холма. Чепуха! Чепуха?

ПУК действовал согласно приказу. Поскольку рукоятка, если можно так выразиться, населенности стояла в левом положении, мозг робота не воспринимал того, что наверняка заметило бы живое существо.

В долине, на берегу реки, располагался город. Мирные оранжевые аборигены плавали по реке в изящных лодочках, или сидели на шестах перед своими домами, играя на музыкальных инструментах в форме писсуаров, или пели что-то торжественное и скорбное на каменных ступенях храмов. И тут в эту идиллию ворвался ПУК.

Он промчался через город, проложив колею по развалинам, которые возникли на месте домов, уничтожил половину храмов, установил мостовые опоры прямо на некстати подвернувшиеся лодочки. Он стал таким демоном разрушения, который появился и исчез в мгновение ока. Его затихающим в отдалении свисткам вторили вопли ошеломленных, искалеченных аборигенов.

На Околесицу надвигалась новая эра.

Глава 4

СТАЙРИН И РАБОТЯГА

— Полковник, на связи снова адмирал Дубби. Он настаивает на личном разговоре, — сообщил Парртс.

— Пусть идет в...

— Сэр, если я передам ему ваше пожелание, я долго не проживу.

Зуботык сорвал с Парртса наушники и заблеял в микрофон этакой невинной овечкой:

— Да, адмирал. Всегда раз поболтать с вами. Нет, от ПУКа с момента последнего отчета вестей не поступало. Он докладывает каждый час и точно придерживается расписания — да, двадцать четыре раза в день. Из-за него мы никак не можем выспаться... Да, сэр, я понимаю, что вам жаль, хоть вы и говорите сквозь зубы. Так точно, сэр, мы свяжемся с вами, как только ПУК отзовется... Ах ты, гнусный ублюдок, отприск монгольского козла и гориллы!..

Встревоженный Парртс вскинул голову, но расслабился, увидев, что полковник отключил микрофон. Зуботык погрыз провод и произнес:

— Интересно, с какой стати Дубби так переживает за это месторождение? Лишь потому, что чем больше лорция, тем больше кораблей?

— Никак нет, сэр, ему наплевать на лорций.

— Рядовой Парртс, сегодня никаких загадок!

— Сэр, может, вам не стоит спать в вашем кнопочном гамаке?..

— Побереги советы для своей бабушки! Что там насчет адмирала?

— Я слышал, что он помешан на железных дорогах. ГУКа изготовили именно с его подачи. Это он дал распоряжение построить дорогу на Околесице, несмотря на возражения технического советника, который теперь...

— Подать его сюда!

— Я как раз проворачиваю это дельце, сэр. Хотел сделать вам сюрприз. Кстати, на нашей планете в избытке такие места, которые как нельзя лучше подходят для строительства фабрики по переработке лорция и космодрома, чем та гора, на которой мы с вами стоим. Но адмирал не желает ничего слушать. Ему нужна железная дорога, а потому...

— Говорит ГУК. Прием, прием, — раздался из динамика механический голос.

Парртс уменьшил громкость и взял в руки микрофон.

— Прием, ГУК. Мы тебя слышим.

— С момента последнего доклада проложено тринадцать километров пути. Я нахожусь под ледяной шапкой, пробиваюсь сквозь скалу. Скорость продвижения уменьшилась.

— Ты можешь сообщить нам точные данные по месторождению?

— Нет. Слишком много факторов, которые не поддаются уточнению. Оценка приблизительная.

— Слушай, ты, куча металлолома, чтоб тебя разнесло в клочья или завалило камнями! К нам пристает адмирал Дубби...

— Это другое дело. Передайте адмиралу мои наилучшие пожелания и сообщите, что его железная дорога будет проложена до конечного пункта за семьдесят восемь часов, даже если у меня сгорят все предохранители.

— Впервые в жизни встречаюсь с роботом-подхалимом, — пробурчал полковник. — Свяжись с Дубби и дай ему отчет...

Адмирал преисполнился такого восторга, что у Парртса, когда он отключил передатчик, был несколько ошарашенный вид.

— Он прилетает сюда, — выдавил Парртс, устроив на полковника невидящий взгляд.

— Ну и что?

— Он сейчас на орбите. Посадка через пять минут.

— Что?! — Взгляд полковника приобрел то же отсутствующее выражение. — Так, надо запечатать камеру пыток, найти парадный мундир, поставить в комнату для гостей кровать с золотым балдахином, отполировать роботов из почетного караула... Пять минут! Шевелись, Парртс!

Когда они завершили все приготовления, выяснилось, что до посадки адмиральского корабля остается тринадцать секунд. Полковник и Парртс, а также шеренга сверкающих роботов с винтовками вытянулись в струнку, едва из облаков показался массивный корпус линкора «Невыносимый». В то самое мгновение, когда в борту звездолета открылся люк, Парртс нажал на кнопку на лампасе, и над космодромом зазвучала музыка — адмиральская тема:

Слава Дубби, что врагов
Колотить всегда готов!
Вечно бдит, не устает,
Службу весело несет.
Первый в мире и в бою,
Свято честь хранит свою.

Гимн продолжался, в нем было много строф, столь же нелепых и лживых, как начальные. Под звуки музыки на площадку, сопровождаемый штабными офицерами, спустился адмирал.

Зуботык отдал приказ; роботы вскинули атомные винтовки и дали залп в воздух — все, кроме одного, который, будучи неисправен, снес выстрелом голову своему соседу. Грязно выругавшись, полковник прошел сквозь зубы новое распоряжение. Роботы развернулись и дружно выпалили по сломавшемуся автомату, в результате чего тот превратился в лужицу расплавленного металла.

— Такой же бестолковый, как всегда, а, Зуботык? — визгливо произнес адмирал.

— Добро пожаловать на Околесицу, адмирал Дубби!
— Больше поваров не свежевал?

— С ним вышла ошибка, сэр. Его сослали сюда...

— Ну и что, что сослали? Разве это причина, чтобы сделать из него дюжину абажуров? Какой был повар! Таких теперь не найдешь. Кстати, надень-ка повязку на свой стеклянный глаз. Двух тебе слишком много.

— Как прикажете, сэр.

— Вот именно, полковник, вот именно. Ну, как там *моя дорога?* — При мысли о железной дороге адмирал расцвел в улыбке. Надо признать, выглядел он довольно симпатично для такого седовласого низкорослого человечка с морщинистым лицом и бегающими глазками. Широкоплечий, подтянутый, — правда, чувствовалось, что мундир ему маловат. Он чуть ли не бегом направился к колее, что пересекала плато и скрывалась в туннеле на той стороне моста. — Ну не прелест ли? Лейтенант Фом, деточка, вы только посмотрите!

Лейтенант Фом, растолкав адъютантов, прихвостней и лакеев, выбралась из толпы и присоединилась к адмиралу. Парртс, стоя по стойке смирно, проводил ее взглядом, и так же поступили все остальные мужчины, словно кто-то дернул за невидимую веревочку. И, между прочим, в том не было ничего удивительного.

Лейтенант Фом напоминала *сложением* самый изящный крейсер космофлота. Она не шла, а величаво ступала, изящно переставляя стройные ножки, покрытые по последней моде краской, которая заменяла одежду. Каждый шаг приводил в движение две аппетитные округлости, что вздымались над бедрами. Волосы, груди, губы, носик — все повергало мужчин в сладостное изумление.

Над площадкой пронесся странный звук, нечто вроде шороха с причмокиванием, — это все присутствующие плотоядно облизнулись. А затем прозвучал вырвавшийся из множества глоток стон: адмирал Дубби, объясняя девушке, для чего предназначается колея, ушипнул лейтенанта Фом за ягодицу.

Невероятно, но факт: Парртс испытывал те же чувства, что и прочие мужчины, и был тому несказанно рад. Неожиданный подарок судьбы — ссылка на Околесицу, где никто, почти никто, не набивался ему в любовники — пробудил в нем давно забытые желания. Парртс наслаждался новизной ощущений до тех пор, пока не заметил, что к нему подкрадывается толстобрюхий офи-

цер, глаза которого блестят некоторым блеском. Даже расстроился, причем так сильно, что лицо криво усмехнулся, когда офицер словно переломился пополам, получив коленом в пах... Все-таки жизнь — подлая штука.

— Ну ладно, хватит плятаться на лейтенанта. Займитесь разгрузкой!

Адъютанты кинулись выполнять приказ командира. Парртс переступил через искусителя, который лежал на площадке, и повел прочь уцелевших роботов. Офицер, что елозил по земле, попался на глаза полковнику Зуботыку. Тот воровато огляделся по сторонам, убедился, что на него никто не смотрит, поднял офицера, сунул под мышку и устремился прочь. Слабый вопль тут же заглох. Судя по всему, к тому времени, когда офицера хватятся — если хватятся вообще — с ним наверняка произойдет нечто ужасное.

Высоко в борту «Невыносимого» открылся грузовой люк, из которого показался пандус. Парртс с любопытством наблюдал за тем, как пандус медленно опускается на площадку, и тут перед ним остановился некто.

Лейтенант Фом! Глаза рядового широко раскрылись. Девушка смотрела на него в упор, ее длинные ресницы напоминали две темные вуали. Изящные ноздри слегка раздувались, кончик алого язычка то и дело касался еще более алых губ.

— Меня зовут Стайрин, — проговорила девушка хрипловатым, чувственным голосом. — А как твое имя, красавчик?

— Рядовой Парртс, мэм.

— Да, они у меня есть — надеюсь, тебя природы ими тоже не обделила *. Мне нравится твоя смелость. Взгляни-ка сюда.

Она медленно расстегнула китель, и Парртс увидел две розовые грудки, округлые, с набухшими сосками: ни дать ни взять два дирижабля в одном ангаре.

— Нурий, — пригласила Стайрин.

* Автор обыгрывает юмористический эффект имен. Styrene Fom означает «полистирольная пена», пенопласт — намек на пышность форм героянки; private Parts — «рядовой Парртс» практически неотличимо на слух от выражения private parts, то есть «интимные места». — Примеч. ред.

Парртс сложил руки лодочкой и шагнул вперед, словно и впрямь готовился нырнуть под китель лейтенанта.

— Фом, перестаньте соблазнять солдат и идите сюда!

Голос адмирала походил на визг циркулярной пилы. Дирижабли спрятались обратно в ангар, дверь тут же захлопнулась. Стайрин, покачивая бедрами, пошла к Дубби. Парртс моргнул и помотал головой.

Неужели это случилось? Неужели он наконец разделил чье-то чувство? Ну да, так и есть. Здорово! Выходит, вот чего ему не хватало столько лет!

— Эй, солдат! Ты, ты, с разинутым ртом! Хватайся за веревку. Я не хочу, чтобы из-за тебя что-нибудь случилось.

В голосе адмирала отчетливо прозвучали командирские нотки, Парртс, не раздумывая, схватился за веревку, что болталась поблизости; только потом он догадался поднять голову — и разинул рот шире прежнего.

— Красавец, правда? — произнес адмирал. Эти слова относились к точной копии паровоза «Юнион Пасифик 4-8-8-4», самого крупного из локомотивов той эпохи. Разумеется, в копию внесли кое-какие улучшения, — в частности, установили атомный двигатель, — однако в машине все же применялся и пар — для подачи звукового сигнала. Адмирал продолжал исторгать восторженные эпитеты, говоря главным образом для себя, поскольку обожал слушать собственный голос. Однако Парртсу быстро надоело слушать.

Рядовой дернулся за веревку, прервав адмирала на полуслове.

— Так, — произнес Дубби, — что мы тут имеем? Какой славный паренек, а? Ах ты, мой милый!

Он ущипнул Парртса за ягодицу, которая была вся в шрамах от ласк былых ухажеров. В этот миг на глаза адмиралу вновь попался паровоз. Чувствовалось, что Дубби разрывается на части. В итоге адмирал поступил по-адмиральски: отверг оба искушения разом.

— Подойди к начальнику моего штаба и скажи, что я назначил тебя своим помощником. Я буду машинистом, а ты — кочегаром. Хорошо придумано, а?

— Сэр, я приписан к базе полковника Зуботыка.

— Ты только что получил новое назначение. И потом, Зуботыку не до тебя, он занят моим казначеем

Бабкисом. Уверен, он не скоро про тебя вспомнит, а что касается Бабкиса, туда ему и дорога. Мой мальчик, нас ожидают грандиозные приключения! Мы с тобой поведем по этим замечательным рельсам первый поезд на Околесице! Ты только представь себе!

Парртс представил... лейтенанта Фом, и глаза его зажглись почти тем же самым светом, какой сверкал в глазах адмирала.

— Согласен, сэр. Прикажете бежать за вещами?

Глава 5

РАЗНЫЕ ВСТРЕЧИ

Поезд выглядел несколько необычно, впрочем, необычно — это слабо сказано. Паровоз принадлежал к поколению могучих работяг, что трудились на компанию «Юнион Пасифик»; для пущей важности его позолотили, а атомный двигатель, который был на нем установлен, развивал мощность, достаточную для того, чтобы протащить через болотистую равнину внушительных размеров морское судно. За паровозом следовал тендер, а далее тянулась вереница пульмановских вагонов, скопированных один к одному с тех, в которых ездили когда-то президенты и главари мафии. Вагон-ресторан, вагон-кухня, вагон-салон с прозрачной крышей, служебный вагон, вагоны-рефрижераторы...

Парртс не скрывал своего удивления. Он удивился еще сильнее, когда узнал от лейтенанта Фом, которая появилась перед ним в одежде служащей железной дороги, что она назначена кондуктором.

— Кондуктор из тебя шикарный, — прошептал он хрипло, согибаясь, чтобы заглянуть в судовой журнал, что лежал в сумке, которая висела на плече Стайрин.

— А ты чудесный кочегар, — проговорила она в ответ. — Какое пламя ты зажег в моей груди!

Внезапно Парртсу стало до невозможности жарко, захотелось скинуть пилотку, сбросить с себя комбине-

зон... Он начал было раздеваться, но тут прозвучал паровозный гудок.

— По вагонам! — крикнула Стайрин, решив, должно быть, что служебные обязанности важнее утех Купидона. — По вагонам!

Она дунула в свисток, махнула флагом. Парртс выругался и побежал к паровозу.

— Поехали! — Адмирал-машинист Дубби дернул за какой-то рычажок, и окрестности вновь огласились пронзительным гудком. — Сначала подадим назад, чтобы обеспечить надежность сцепки. О, я прочел все книги по паровозам, какие только есть на свете! Так, теперь открываем дроссельный клапан, и наша железная лошадка ожила!

Чокнутый, подумал Парртс, самый настоящий псих. Хмуро поглядел на цилинды, из которых вырывался пар, затем уставился на трубу — из той поднимался дым, вернее, не дым, а пар, поскольку дыму взяться было неоткуда. Впрочем, какая разница? Главное, чтобы ему удалось сойтись поближе с лейтенантом Фом. Стайрин! Стайрин!..

Под хрипкие гудки, стук колес и скрип пружин поезд пересек плато, прокатился по мосту и исчез в черном зеве туннеля.

— Старый добрый ПУК просто молодец, — произнес с усмешкой Дубби, когда состав миновал очередной мост и влетел в следующий туннель.

В общем и целом путешествие начало приобретать в глазах Парртса известную привлекательность. Он где-то даже восхищался столь архаичным способом передвижения — особенно когда на какое-то время забывал о роскошных формах Стайрин Фом. Чем ниже опускался поезд, тем становилось теплее; залитые солнечным светом долины изобиловали разнообразной растительностью. После самого длинного из всех туннелей, сквозь которые они проезжали до сих пор, местность стала ровнее, и поезд наконец-то вырвался на поверхность Околесицы, оставив позади горный хребет.

Вдруг адмирал выпучил глаза, словно пытался изобразить из себя бородавочника, и схватился за грудь, как если бы с ним случился сердечный приступ.

— Что такое? — пробормотал он и, судорожно сглотнув, прибавил: — Что здесь происходит?

Ответ на адмиральский вопрос представлялся совершенно однозначным. Из разрушенного города навстречу составу бежали аборигены, а с развалин храмов доносились призывные возгласы жрецов.

— Назад! — воскликнул Парртс. — Задний ход! Сэр, надо уносить ноги!

— Никогда! — прорычал Дубби. — Мы не нарушим расписания. Почта будет доставлена в срок!

Адмирал прибавил скорость.

— Да вы спятили! — взвыл Парртс. — Какое расписание? Какая почта?

Его причитания не возымели успеха: Дубби не желал ничего слышать, поскольку, похоже, и впрямь сошел с ума; судя по всему, адмирал страдал ярко выраженной манией величия.

Окутанный клубами пара, издавая непрерывные гудки, паровоз, за которым, естественно, следовали вагоны, устремился вперед. По всей видимости, катастрофы было не избежать.

Впрочем, вскоре выяснилось, что Парртс несколько преувеличил опасность. Аборигены отличались некоторой хрупкостью сложения, их копья были не слишком остры; вдобавок, им, как ни странно, не пришло в голову разобрать пути, что лишний раз доказывало ущербность сознания инопланетян по сравнению с человеческим.

Состав, все убыстряя ход, промчался через уничтоженный город под градом юпий и грязных ругательств. Пассажиры прильнули к окнам вагонов, с ужасом наблюдая за тем, что творилось снаружи. В следующее мгновение поезд очутился за пределами инопланетного города и покатил дальше по долине.

Населенных пунктов больше не попадалось, если не считать возникавших порой руин на тех местах, где когда-то стояли фермы, однако адмирал, по-видимому, решил не рисковать: он вел состав на максимальной скорости.

Показалась широкая река, через которую был переброшен мост, напоминавший очертаниями лондонский Тауэр-Бридж. Только теперь, оказавшись на значительном расстоянии от разгневанных аборигенов, Дубби нажал на тормоз. Поезд остановился.

Адмирал кинулся в свой личный вагон, чтобы посоветоваться с врачом. Тот прописал Дубби замену крови

и настройку метаболизма, а лейтенант Фом поднесла адмиралу стакан антаресианского грота со льдом. Дубби стиснул стакан дрожащими руками, запрокинул голову и залпом проглотил половину огненной жидкости.

— Парртс, — выдавил он, — что все это значит?

— Аборигены, адмирал. По-моему, им не понравилось, как ПУК обошелся с их городом.

— Пораскинь-ка своим вшивеньким умишком и попытайся объяснить мне, с какой стати ПУК поступил подобным образом.

— Слушаюсь, сэр. ПУКу сообщили, что Околесица необитаема, несмотря на мое предложение провести сначала разведку, — отрапортовал Парртс. Он прослужил в армии достаточно долго для того, чтобы усвоить великий жизненный принцип: главное — собственная шкура, а товарищ пусть заботится о себе сам. — Полковник и профессор Шлек высмеяли меня, хотя я, сэр, старался убедить их изо всех сил.

— Я не верю ни единому слову! Вы все трое пойдете под трибунал и будете расстреляны из атомной пушки! Но первым делом нам необходимо выбраться отсюда. Пожалуй, дам-ка я задний ход.

— Не глупи, дружочек. — Стайрин пощекотала адмирала под подбородком, чтобы поднять боевой дух. — Знаешь, я была в хвостовом вагоне и заметила, что аборигены наконец взялись за ум и стали разбирать колею.

— Вот как? Ах ты, бесеночек мой ласковый! — пробурчал Дубби и шлепнул девушку по руке. — Не распускай рук, пока мы не выпутаемся; мне сейчас не до того. Вызови по радио пару линкоров. Я хочу домой!

— Ничего не получится, сэр, — возразил Парртс, намеренно приводя самые простые доводы. — Мы не захватили с собой рации, чтобы не нарушать очарования эпохи.

— Что-что? Какой идиот сморозил этакую глупость?

— Вы, сэр. Вы сказали, что раз на настоящих паровозах раций не было, то и нам она ни к чему.

— Выходит, ошибся, но ни за что этого не признаю! Во всем виноват ты, Парртс! Тебя казнят, как только мы выберемся из лужи, в которую ты нас посадил. Что же нам делать?

— Можно ехать дальше. Выбора у нас все равно нет. К тому же на месте будущей шахты должен совершить

посадку бот, который доставит проходческую технику
На нем мы и улетим.

— А иначе никак?

— Нет, сэр.

— Тогда поехали, — проговорил адмирал, скрупенно вздохнув. — Я, пожалуй, надену парадный мундир со всеми орденами. Надо вдохновить остальных.

Он снял куртку машиниста, а заодно — накладные плечи и мускулы, без которых, тщедушный, с пивным брюхом, что нависало над ремнем, производил не слишком впечатление. Правда, плечи вернулись, когда Дубби облачился в китель. Стайрин помогла ему одеться, а оказавшись за спиной адмирала, закатила в притворном ужасе глаза, после чего устремила горящий взор на Парртса. Тому пояснений не требовалось; температура тела рядового подскочила сразу градусов на двадцать, и он стал лихорадочно прикидывать, как бы очутиться наедине с девушкой в самом укромном уголке и не вылезать оттуда как можно дольше.

— Если ты, Парртс, думаешь о том, в чем я тебя подозреваю, то можешь считать себя РМом, что на армейском жаргоне означает «разжалован и мертв»; впрочем, жаргон тебе, должно быть, известен.

— Сэр, я думаю о поезде, — возразил Парртс, однако возражение получилось не совсем убедительным, поскольку голос рядового сорвался на писк.

— Неужели? Это из-за поезда ты так раз волновался, что запел фальцетом?

— Меня тревожат аборигены, сэр. По-моему, с ними нужно держать ухо востро. — Голос Парртса наконец-то зазвучал, как полагалось. — Так что, сэр, трогаемся?

— Нет. Тут мы более-менее в безопасности; вдобавок, вот-вот наступит ночь. Мы продолжим путь на рассвете, когда сможем различить, куда нас несет. Полагаю, мы вполне можем угодить... э-э... еще не в одну столь же любопытную переделку.

— Знаете, сэр, ваш ПУК — глупец из глупцов. Ему приказали двигаться, и он себе прет...

— Ладно, ладно, я все понял. Созвоните мой штаб. Надо выставить часовых. Кстати, пришлите сюда моего повара: пусть приготовит что-нибудь этакое, чтобы я мог слегка отвлечься. Лейтенант Фом, деточка, после ужина надень платьице попрозрачнее, принеси килограммчик

гашиша и пару трубочек, и мы с тобой забудем о всяких неприятностях...

Впечатление было такое, что именно слово «неприятности» накликало беду. Едва адмирал произнес его, как все началось по новой. Что-то с грохотом обрушилось на крышу вагона, затем донесся пронзительный вопль. Парртс подскочил к окну, а Дубби проворно спрятался под стол.

— Что там? — прохрипел он.

— Летучие твари, сэр, а на них отвратительные аборигены. Они пикируют на поезд, бросают...

— Бомбы?

— Никак нет, сэр. Дерьмо. Можно сказать, они нас дерьмят.

— Хватит изощряться, Парртс! С какой стати они на нас напали?

— Они прилетели с той стороны, куда ведет колея, сэр...

— Заткнись, рядовой! — предложил Дубби.

— Атака закончилась, сэр. Они улетают. Я пойду проверю повреждения.

— Иди, иди. Лейтенант Фом, крошка, налей мне того же самого.

Повреждений оказалось всего ничего; правда, состав стал смахивать на статую, что простояла в парке добрую сотню лет. Те часовые, которые во время бомбардировки дежурили снаружи, выкинули форму в реку, выкупались, и затем их накачали успокоительным, чтобы они не умерли от шока. Да, дермовее участи не придумаешь.

Внезапно, когда над Околесицей поднялась луна, бомбардировка возобновилась. Проснувшийся Парртс накинул плащ, вооружился зонтиком и, рискуя собственной жизнью, побежал к паровозу. Он запустил двигатель, и поезд тронулся, что существенно снизило точность бомбометания; тем не менее оно продолжалось, пока состав не влетел под свод туннеля, черный зев которого за мгновение до того выхватил из темноты луч установленного на локомотиве прожектора.

Несмотря на усталость, Парртс принял душ, а затем возвратился в адмиральский вагон. Дубби, пьяный в доску, пребывал в бесчувственном состоянии. Однако перед тем, как вырубиться, адмирал запер дверь на ключ, причем вместе с ним взаперти очутилась и Стай-

рин. Парртс в ярости пнул дверь вагона; Стайрин, движимая теми же чувствами, последовала его примеру, только с другой стороны. Дверь устояла; тогда Стайрин отправилась спать, а Парртс вернулся в вагон-ресторан, в котором было непривычно пусто, и съел адмиральский ужин. Надо признать, вполне съедобный.

С первыми проблесками рассвета проводники в чине младших лейтенантов принялись будить заспавшихся путешественников. Самый младший по званию, помощник судомойки, вызвался провести разведку. Его забинтовали с головы до ног и вытолкали наружу. Вернувшись, он доложил, что все как будто в порядке. Адмирал, посвежевший от сна и двух перекачек крови, открыл дроссельный клапан, и поезд покатил дальше. Могучий двигатель без труда тянул состав по равнине, покоя которой, похоже, ничто не собиралось нарушать. Сначала светило солнце, потом пошел дождь — весьма кстати, поскольку поезд нуждался в хорошем душе, — после чего с неба посыпался град, окончательно соскобливший с локомотива и вагонов следы ночного нападения. Адмирал Дубби распевал старые железнодорожные песенки весьма вдохновляющего содержания: в них то и дело упоминались взорвавшиеся котлы и ошпаренные кипятком машинисты. Допев песню, он приказал принести сандвичей с устрицами и шампанского.

— Вот это жизнь, кочегар! — воскликнул он. — Простая пища, прямая колея, на все плевать...

Колея между тем свернула в сторону, огибая холм, и взорам путников открылась узкая долина, перегороженная высокой каменной стеной.

Глава 6

ДИКОВИННЫЕ СОЮЗЫ

Адмирал истерически завопил и дернул за тормоз. Раздался оглушительный скрежет, который сопровождался заунывным воем: то скользили по рельсам колеса вагонов. Затем послышался грохот изнутри — люди попадали на пол, на них обрушились всевозможные тяжелые предметы, кому-то на ноги выплеснулся горячий суп из кастрюли... Машинист и кочегар, отчаянно желавшие превратиться вновь в адмирала и рядового, беспомощно взирали на каменную стену, которая неотвратимо приближалась. Скоро стало возможно различить отдельные камни и слой известкового раствора между ними. Ближе, ближе... Локомотив уткнулся в стену... и замер, причем послышался некий хруст.

— Сдается мне, прожектор разбился, — выговорил Парртс.

— Задний ход! — пролепетал адмирал в то самое мгновение, когда по золотому корпусу паровоза застучали стрелы.

Неожиданно высоко вверху прозвучал восторженный вопль, и по кабине забарабанили камни. Состав двинулся в обратном направлении, доехал до поворота. Погони не наблюдалось.

Очнувшись в безопасности, адмирал перестал дрожать и преисполнился гнева; он осушил бутылку шам-

панского и швырнул ее в стену, но не дбросил. Тогда Дубби разразился древними армейскими проклятиями. Тем временем из вагонов повысыпали пассажиры, все в крови и супе.

— Что нам делать? — простонал какой-то мичман.

— Расстрелять этого труса! — распорядился Дубби. — Хотя нет, подождите. Он вызвался возглавить штурм стены.

Угроза неминуемой смерти, как оказалось, заставила мозги мичмана шевелиться вдвое быстрее обычного, и юнец предложил собственный шедевр стратегического искусства.

— Господин адмирал, вместо штурма, который я был бы счастлив возглавить, но который, возможно, не приведет к желаемому результату, предлагаю разрушить стену лазерами. Заодно мы покончим с теми, кто швырялся в нас копьями.

— Торопись, мой мальчик, времени у тебя в обрез.

— Слушаюсь, сэр. Видите ли, я отвечал за погрузку снаряжения. У нас имеются запасные рельсы и шпалы, болты, инструменты — словом, все, что нужно на случай, если дорогу размоет или завалит...

— Да уж, завалить ее завалило!

— Кроме того, сэр, у нас есть строительные лазеры. Они не такие мощные, как боевые, но запросто справляются с этой стеной.

— Хорошо. Бери лазер и пятерых из моих телохранителей и займись делом. Начинай сверху и не отступайся, пока не дойдешь до низу, но смотри не расплавь колею! Нижнюю часть кладки разберем вручную. Пшел!

Мичман поспешил исполнить приказ. Операция представляла собой захватывающее зрелище. Установленный вне досягаемости вражеских стрел, лазер принял методично уничтожать стену под вопли разъяренных аборигенов, которые подозрительно смахивали на пилотов вчерашних дермовозов. Телохранители отстреливали их одного за другим из своих бластеров. Поняв, что проиграли, аборигены исчезли со стены задолго до того, как от нее остался один-единственный ряд камней. Пыхтя от натуги, непривычные к столь тяжелому труду адъютанты отвалили в сторону последние валуны; обнаружились рельсы, кривые, а местами расплющенные.

— Молодцы, — похвалил адмирал, который спустился на землю только после того, как патрули доложили, что в радиусе километра врагов не обнаружено. — Надо заменить колею. Ну и ну, прямо как в старые добрые времена! Никаких подручных средств. Я сделаю из вас настоящих железнодорожников!

Вскоре все убедились, что Дубби слов на ветер не бросает. Удели он делам военным хотя бы толику того рвения, с каким отдавался своему увлечению, вполне возможно, что война давным-давно бы завершилась полной и окончательной победой.

Бригада ремонтников сняла покореженные рельсы, разровняла насыпь, уложила на нее шпалы, после чего, вооружившись громадными клещами, с ворчанием водрузила новые рельсы и затянула болты на стыковых накладках, — причем все происходило под бдительным оком адмирала, хотя и без его непосредственного участия.

— Неплохо, а? — справился Дубби, потягивая прохладительный напиток в тени зонтика, и с улыбкой окинул взглядом распростертые на земле, палимые солнцем тела. — Объявляю вам благодарность. Каждый получит по кружке пива, бесплатно. Видите, какой я щедрый! Ну ладно, поехали.

Ремонтники со стонами поднялись и, передвигаясь точно зомби, заняли свои места в вагонах. Адмирал дал гудок, и поезд тронулся. Парртс мрачно глядел в окно и размышлял о том, как долго будет продолжаться это безумие.

Состав вкатился в джунгли; при каждом гудке в небо взмывали стайки крохотных летучих ящерок. Парртс следил за ними с некоторым беспокойством, ибо они подозрительно смахивали на вчерашних дерымовозов, разве что были гораздо меньше по размерам.

К сожалению, его беспокойство оправдалось. Поезд вынырнул из джунглей на открытое пространство; куда ни посмотри, всюду виднелись поля, где трудились те же самые ящерицы — они шагали за плугами, в которые были впряжены некие гнусные зеленокожие твари. Изредка попадались хозяйствственные строения. Ящерицы грозили пассажирам поезда мотыгами и лопатами, некоторые швыряли в окна комья земли.

— Шиш вам, зеленюки тупоголовые! — Адмирал злорадно усмехнулся. — Сущие дикари; каменный век,

да и только! Спорю, они покраснели от зависти, когда впервые увидели наш локомотив! Им такого и не снилось.

— Насчет каменного века, сэр, это вы верно подметили. Стена, которой они перегородили долину, была как раз из камня.

— Что? Эти вот ползуны?

— Так точно, сэр. И бомбардировали нас тоже они. Их можно охарактеризовать как вилкообразных ящеро-видных с зубчатой...

— Знаешь, Парртс, я, пожалуй, расстреляю тебя как шпиона. Для простого солдата ты слишком умен.

— Понимаете, сэр, я и впрямь слишком умен для простого солдата. Я ведь экзобиолог, насилию завербованный в армию благодаря злобной...

— Можно подумать, других вербуют иначе! — Адмирала явно шокировала тирада Парртса. — Экзобиолог, говоришь? Ну-ка опиши мне, что там за окном.

— Деревни постепенно приобретают городской вид. Наблюдаю нечто вроде пригорода. Повозки, влекомые крокодилами, сады, в которых копошатся гномы. Рискну предположить, что скоро мы окажемся в крупной урбанистической агломерации...

— Скажи уж проще, в большом городе. Судя по тому, что мы видели по дороге, этот остолоп ГУК проложил колею прямо через него.

— Правильно, сэр. Для человека в вашем чине у вас необыкновенно острый ум. Если начнете тормозить, то мы остановимся как раз перед городом, который, похоже, расположен за следующим поворотом...

Город производил весьма впечатление — этакая столица процветающего государства. Правда, эффект слегка смазывался тем, что городские улицы пересекала железнодорожная колея; как ни странно, она пребывала в целости и сохранности. Вдобавок, путешественников явно ждали. Остановив состав на границе города, адмирал выдавил:

— Парртс, ты видишь то же, что и я?

— Так точно, сэр, если вы видите громадное здание размерами с разведывательный звездолет. Мне кажется, его собираются обрушить нам на головы.

— А вон с тех башен нас наверняка начнут забрасывать камнями, а то и польют маслом. Нет, нужно проложить колею вокруг города, иначе...

— Ничего не выйдет, сэр. Во-первых, нам не хватит рельсов. Во-вторых, даже если бы они у нас были, мы бы вряд ли смогли проложить их под вражеским огнем. В-третьих...

— В-третьих, умник, мне надо было застрелить тебя при первой встрече. Ты завлек меня в ловушку!..

— Может быть, сэр, — проявил покладистость Парртс. — Но я вас и выведу. В вашем штабе найдется экзолингвист?

— Разумеется.

— Тогда вступим в переговоры. Перекинемся с аборигенами парой-тройкой фраз. Заключим сделку, понадарим бус, заплатим reparации.

— Мы должны сражаться!

— Сэр, если мы потерпим поражение, нас съедят. лично мне как-то не хочется угодить в вонючую пасть с гнилыми клыками.

— Экзолингвиста сюда! — рявкнул адмирал в интерком. — И большой белый флаг с моими инициалами, вышитыми золотом в углу. Живо!

Через несколько минут в кабине локомотива появилась лейтенант Фом с адмиральским знаменем. Парртс усилием воли заставил себя отвести взгляд от Стайрин и посмотрел на дверной проем.

— А где экзолингвист?

— Я тут, — ответила Стайрин.

— Милая, — пробормотал Парртс, осев сразу сантиметров на пять из-за того, что его коленки превратились в студень. — Какое тело, какая головка...

— Парртс! — взревел адмирал. — Слушай, ты, недоумок озабоченный, хватит пороть чепуху. Прибереги сальности для увольнительной. Отправляйся вместе с лейтенантом и как угодно, но выкрутись. В качестве поощрения обещаю, если справишься, повысить тебя до капрала. Кстати, учти, что тебе в затылок будет нацелена винтовка с телескопическим прицелом: если оплошешь, тебя пристрелят на месте.

— С таким командиром, как вы, не нужно никаких врагов. — Парртс вздохнул. — Пошли, лейтенант. Чему быть, того не миновать.

Он взял у Стайрин флаг, и они строевым шагом направились туда, где высились сооружения аборигенов. Их ладони встретились, пальцы переплелись — они вздрогнули, словно от разряда электрического тока.

— Стайрин, — пролепетал Парртс.
— Парртс, — отозвалась девушка.
— Может, здесь?
— Конечно, дорогой.
— А не жестковато?

— Помнишь пословицу: «Жестко стелет, да мягко спать»?..

— Вы, двое! — раскатился над местностью усиленный мегафоном голос адмирала. — Никаких оргий на глазах у аборигенов! Продолжайте движение!

Подойдя к ближайшему зданию, Парртс и Стайрин замедлили шаг, и тут же в землю перед ними воткнулось несколько стрел.

— Мир! — крикнул Парртс и принялся махать флагом. — Мир, дружба, жвачка! Стайрин, милая, скажи им, что мы не замышляем ничего дурного.

— С удовольствием, мой пончик, вот только на каком языке? Под гипнозом я могу говорить на шестистах пятидесяти семи языках. Ты не знаешь, какой именно у них в ходу?

— Может, никакой? — пробормотал Парртс, разглядывая оскаленные морды аборигенов. — Поскольку это первый контакт, вряд ли они говорят на каком-нибудь из известных галактических наречий. Они похожи на хесткуинцев, однако прикус у них, как у ваксебьюрнов.

— Я знаю оба эти языка, — гордо заявила девушка.
— Конечно, радость моя, конечно, однако... А-а-а-а!
— Я что, слишком сильно сжала твою руку? — с беспокойством спросила Стайрин.

— Ерунда! Раздави меня, проглоти, по... — Парртс ошарашенно помотал головой. — Что я сказал?

— Ты сказал «а-а-а-а-а!»
— Ну да, а по какому поводу?.. Вспомнил! Смотри, вон там, на стене. Видишь? С цепью на шее? Смахивает на горништильфа, верно?

— Ты про того, кто похож на раздутого рака с избыtkом клешней?

— Точно.

— Не знаю, не знаю. В жизни не видела ни одного горништильфа, хотя, разумеется, говорю на их языке, как на родном. — Стайрин изящно содрогнулась. — Надеюсь, выгляжу я немножко иначе...

— Да что ты! Экзоскелет... — Парртс запнулся, ибо в мысок его левого башмака ударились стрела. — Начинай, пока не стало слишком поздно!

— Ку ви аудас мин? — крикнула девушка и помахала рукой. — Ни эстас амиког кай дезирас пароли...

— Экморту, филино де ундино, форнику вин анкау!

— Что он сказал? — справился Парртс.

— С добрым утром. Как поживаете?

— Гляди, ящерицам не нравится! Бедняга, и копьем-то его колят, и за цепь дергают! Жаль, что с нами нет полковника. Он бы порадовался.

— Попробую еще раз.

Горништильф, по всей видимости, отнюдь не горел желанием вступить в беседу, однако ящерицы, похоже, понимали, о чем речь, и одергивали пленника, награждая его уколом копья, стоило тому перейти на оскорблении. Мало-помалу горништильф сообразил, что лучше подчиниться. Люди приблизились к стене, с опаской поглядывая на оружие в руках аборигенов, и приступили к переговорам.

— Мы пришли с миром, — произнесла Стайрин.

— Не очень-то похоже, — пробурчал пленник.

Даже эти тупоголовые ящерицы видят, во что превратила их город ваша машина.

— Скажи, что все произошло совершенно случайно, что всему виной неудачная программа. Мы согласны заплатить reparации, выдать со склада одеяла и эктоплазму для раненых, сделать подарки чиновникам.

Ящерицы не скрывали своей подозрительности. Как ни странно, подарки их не прельстили.

— Но ведь что-то им нужно, — прошептал Парртс на ушко Стайрин, — иначе они вообще не стали бы с нами разговаривать.

— Мы скоро узнаем, — прошептала девушка в ответ. — Я подслушивала, о чем они говорят с горништильфом. Мне кажется, я могу общаться с ними без переводчика.

— Милая, как ты быстро учишься!

— И не только учусь...

— Я все вижу и слышу, — донесся издалека голос адмирала. — Не отвлекайтесь!

— Почтенный король Хроакр, — проговорила Стайрин, пытаясь правильно произнести непривычные зву-

ки, — мы предлагаем вам и вашему чудесному зеленому народу дружескую помощь.

— Вы говорите по-слимьянски? — удивился король, шевельнув глазными усиками.

— Я изучила ваш язык, слушая, как вы беседуете с пленником.

— Прекрасно, детка. — Король отвернулся и крикнул стражникам: — В кастрюлю его! Сегодня у нас на обед раковый суп!

Стражники захочотали и поволокли горништильфа, который сыпал проклятиями, к желобу, что спускался в огромный чан с кипятком. Король снова повернулся к Стайрин и одарил девушку благосклонной улыбкой, обнажив три ряда острых красных зубов.

— Значит, вы готовы заключить сделку?

— Да, король, мы за тем и пришли. Мы вовсе не хотели уничтожать ваш прекрасный город...

— Не переживайте по пустякам. Ваша машина прошлась в основном по рабочим окраинам и избавила нас от хлопот по планировке. Я как раз собирался проложить новую дорогу. Однако нам кое-что от вас нужно. Вы согласны?

— Я всего лишь переводчица, и решать не мне, а моему командиру, адмиралу Дубби, которому я в точности передам ваши слова.

— Пожалуй, я загляну к нему сам. Терпеть не могу разговаривать со всякими подручными. Хотя... можете передать, что колея за поездом разобрана, так что если вы притронетесь ко мне хотя бы пальцем, вас зажарят и съедят. Ну, пошли.

Адмирал, который по контрольному лучу подслушивал, о чем речь, быстро сообразил что к чему. Парртс и лейтенант Фом отправились обратно, все под тем же белым флагом, в сопровождении почетного эскорта и короля Хроакра, которого несли на золотом троне шесть высокорослых ящериц. К тому времени, когда процессия достигла поезда, возле него уже успели разбить шатер, понаставили внутрь ведер с шампанским и, получив некоторое представление о королевских пристрастиях в еде, разложили по тарелкам холодных раков.

— Слимианский король Хроакр, — представила своего спутника лейтенант Фом, оказавшись в непосредственной близости от шатра.

— Какой, какой? Обезьянский?

— Слимианский, сэр. Эта страна называется Слимианией.

— Замечательно. Переведи, что я рад его видеть.

— Маленькие у вас раки, — заметил король, втянув глазные усики. — Переведите.

— Маленькие, но вкусные, — заверил адмирал. — Попробуйте.

Дубби отломил клешню, снял с нее вилкой мясо и сунул в рот. Король внимательно наблюдал, потом вдруг схватил самого крупного рака, подкинул в воздух и раскрыл пасть. Люди попятились, поскольку королевская пасть напоминала размерами железнодорожный туннель, утыканный, вдобавок, громадными клыками. Рак провалился в глотку, челюсти сомкнулись, король слглотнул и потянулся за добавкой.

— Верно, адмирал, маленькие, но вкусные. Ладно, перейдем к делу. Ваша машина испоганила мой город, изуродовала окрестности, прикончила пару сотен моих подданных и вообще натворила кучу всяких безобразий.

— По чистой случайности, ваше величество.

— Разумеется, разумеется. Я согласен забыть о причиненном мне ущербе и пропустить ваш поезд туда, куда его несет. А в награду за столь редкостное великолдушие прошу вас об одной услуге.

— Договорились, дружок.

— Отлично. Завтра мы отправляемся на битву с нашими врагами. Вы пойдете первыми, и перед нами никто не устоит. Подайте-ка мне ведро, что-то в горле пересохло.

Глава 7

АТАКА С ВОЗДУШНОГО ШАРА

Два офицера поддерживали скорчившегося адмирала, в то время как третий колотил Дубби по спине — адмирал подавился раком и никак не мог прокашляться. Слимиане проявили к происходящему громадный интерес, о чем свидетельствовали вытянувшиеся во всю длину глазные усики. Парртс и Стайрин, впервые за весь срок своего знакомства лишившись адмиральского присмотра, немедленно исчезли в вагоне, где вошли в тесное соприкосновение, установив рекорд скорости для вооруженных сил.

Наконец адмирал выпрямился, явив любопытным взглядам побагровевшее лицо; глазные усики тут же укоротились, а Парртс и Стайрин выпрыгнули из вагона и приблизились к остальной компании, причем их глаза сверкали едва утоленной страстью.

— Битва? — прохрипел адмирал. — Я не слышался?

— Ему надо выучиться нашему языку, — изрек король. — Какой великолепный акцент! Да, я так и сказал.

— С кем?

— С ними! Со съедобными врагами! С горништильфами, которые спускаются с небес на огненных ладьях. Они пытаются выжить меня с моей собственной земли!

— Объясните мне кто-нибудь, о чём толкует этот крокодил! — хрюкло прорычал Дубби.

Парртс смело шагнул вперед и отдал честь, ощущая себя великанином десяти футов росту, готовым сразиться с барсумскими рысями.

— Горништильфы, сэр, одними из первых встретились нам в космосе, когда мы начали расширять сферу своего влияния. Их не интересуют блага цивилизации и взаимовыгодное сотрудничество. Война с ними была затяжной и велась на уничтожение. В конце концов, выяснив, что они не прислушиваются к нашим доводам, мы сбросили на их планету бомбу. В результате поверхность расплавилась на два километра в глубину. Теперь планета имеет грандиозное альбено.

— То есть мы их уничтожили. Выходит, они переселились сюда?

— Так точно, сэр. Горништильфы не сдаются ни в каком случае. Те, кто находился на планете, погибли, а прочие, которые составляли гарнизоны баз, разбежались кто куда. Мы до сих пор охотимся за уделевшими. Как правило, они перебираются на самые отдаленные планеты.

— Другими словами, подыскивают себе захолустье вроде Околесицы.

— Совершенно верно, сэр. Получается, что они прятались у нас под носом. Должно быть, те, кто прилетел сюда, захотели покорить планету.

— И сколько их тут?

— Сейчас узнаем, сэр. Вернее, чуть позже, когда начнется битва.

Дубби пригубил шампанское и погрузился в размышления, от которых у него побагровело не только лицо, но и шея, а также руки до кончиков пальцев.

— Мы поможем вам, ваше величество. Вы справитесь со своими врагами, а мы сможем выбраться из этой кучи дерьяма. Но сперва надо разработать стратегию, составить план...

— Конечно, — согласился король, запивая шампанским последнего рака. — Времени у вас предостаточно, сидите хоть целый день. Я оставлю своих ребят, они вас покараулят. Только без шуток, толстячок, не то пойдешь мне на обед.

Он расхохотался, широко разинув пасть. Людей обдало такой вонью, какая обычно стоит над болотной трясиной.

По приказу адмирала была организована разведывательная группа, в которую вошли Парртс — в качестве историка и экзобиолога, лейтенант Фом — в качестве переводчицы и майор полиции, имевший поручение следить за влюбленной парочкой и не допускать с их стороны никаких вольностей. Все трое страшно удивились, когда увидели, на чем им предстоит отправляться.

— Воздушный шар! — изумился Парртс.

— Чего вылупился, приятель? — пробурчал пилот и громко клацнул зубами. — Подумаешь, эка невидал! Мы народ цивилизованный; у нас есть воздушные шары, унитазы с бачками, шариковые ручки, черви с жареным картофелем и много чего еще, о чем ты и не слыхал в своем болоте.

— Фью! — пробормотал Парртс. — Стайрин, миная, скажи этому чучелу, что я не хотел его обидеть. Если встречу других крокодилов, направлю их сюда. Тут для них самое подходящее место. Ну что, полетели на экскурсию?

Слимиане, гортанно покрикивая, установили шар на стартовую площадку. Пилот запустил двигатель и рявкнул на рабов, которые послушно взялись за весла. Пропеллер завертелся, и шар величественно воспарил над крышами домов.

— Если бы сам лично не видел, ни за что бы не поверил, — пробурчал Парртс, глаза которого, казалось, вот-вот выскочат из орбит от изумления. Он попытался ущипнуть Стайрин, однако майор ударил его по пальцам рукояткой пистолета. Парртс сунул руку в рот и мрачно уставился на укрепленное плато, которое виднелось впереди внизу.

— Вот оно, — проговорил пилот. — Близко я подлетать не стану, противовоздушная оборона у них что надо. Огнеметы и все такое прочее. Мы просто не в состоянии справиться с ними, пока они прячутся за стенами. Но даже паршивым ракам хочется есть, поэтому они совершают набеги на наши фермы, и тогда нам выпадает случай поразвлечься. Они превосходят нас оружием, а мы их — числом. Первыми идут батальоны рабов, которым все равно, что жить, что умирать; потом ударные войска, при поддержке артиллерии и дерьмо-

возов. — Он нахмурился, и вид у него стал настолько угрюмый, насколько это вообще возможно для ящерицы. — Правда, обычно у нас не ладится, и мы терпим поражение. Но теперь, когда здесь вы со своими пушками, все будет иначе. Вы проделаете брешь, в которую ворвемся мы, и все кончится шикарным банкетом!

— Скажи-ка, чего тебе хочется больше, — спросил Парртс, — победить врагов или полакомиться ими?

Пилот криво усмехнулся, оскалив острые зубы, и подмигнул Парртсу; в тот же миг в воздухе перед шаром вспыхнуло пламя, и пилот заложил крутой вираж.

— Оборона и впрямь ничего, — признал майор, мрачно разглядывая укрепления горништильфов. — Может, попробуем с другой стороны?

— Мне кажется, лучше с этой, — возразил Парртс — Джунгли подходят вплотную к утесу, да тут он и положе...

— Осторожно! — сладковзвучно возопила Стайрин.

Она перебрала шесть языков, прежде чем произнесла ту же фразу, чтобы понял пилот.

Тот вновь заложил вираж — настолько крутой, насколько позволяло архаическое средство передвижения, и они увидели летящего робота, на котором восседал злобный горништильф. Рабы замахали веслами с такой скоростью, словно сошли с ума. Враг выстрелил из огнемета. К крикам Стайрин присоединились голоса остальных; молчал только майор, который, будучи при рожденным садистом, обожавшим убивать живых существ, прицелился, хладнокровно подпустил робота поближе, а затем угостил его выстрелом между глаз. Робот задымился, из него посыпались искры и разнообразные детали, и он устремился по спирали к деревьям внизу. Горништильф погрозил обидчикам на прощанье кулаком.

— Отличный выстрел, — похвалил Парртс.

— Рак тоже не промахнулся, — пробурчал пилот. — В баллоне пробоина, мы снижаемся. Не будь я холоднокровным, я бы вспотел от страха. Нужно постараться не угодить в джунгли.

Однако, несмотря на все усилия рабов, у них ничего не вышло. Под треск ломающихся веток и громкие крики людей и ящериц шар прорвался сквозь завесу

листвы; пассажиры вылетели из корзины и очутились в колючих кустах.

— Наши окопы вон там?

Струсивший пилот явно был не прочь возглавить отступление.

— Слишком поздно, — отозвался майор, который вне себя от радости принял расстреливать надвигающихся горништильфов. — Пускай я погибну, но мне составит компанию целый батальон этих чертовых крабов!

Битва была кровопролитной; положение изрядно осложнялось тем, что сражаться как следует мешали многочисленные деревья и лианы. Со всех сторон раздавались вопли, стоны, хруст панцирей и грохот выстрелов. Парртс потянул Стайрин за собой, но был вынужден остановиться и принять бой с ордой горништильфов. Дело явно шло к тому, что они падут смертью храбрых на поле брани, но тут, по счастью, началась контратака слимиан. Парртс сражался, не щадя ни себя, ни врагов, и ни на секунду не выпуская из ладони перчатку, в которой пряталась ручка Стайрин.

— Перекур! — объявил он, посмотрел на перчатку и с ужасом обнаружил, что руки в той нет и в помине. — Любовь моя! — простонал Парртс и кинулся вдогонку за слимианами.

По дороге его перехватил майор.

— Не торопись, приятель, эта передышка нам только на руку. Понимаешь, инопланетяне всегда утаскивают девиц. Ты что, забыл обложки комиксов? Теперь мы пойдем по следу, разыщем, куда ее уволовили — скорее всего, в тот же самый туннель, из которого на нас напали. Верно?

— Верно. — Парртс утвердительно кивнул, а затем ткнул пальцем за спину майору. — Вон они!

Майор обернулся, и Парртс огrel его по голове рукояткой пистолета, после чего перепрыгнул через распластершееся на земле тело и, не обращая внимания на вопли слимиан, устремился в джунгли — на поиски возлюбленной. Издалека доносился топот вражеских ног, к которому примешивался визг земной девушки — ту ожидала не смерть, а нечто гораздо худшее. Парртс ринулся в погоню, бормоча на бегу проклятия и грязные ругательства. Внезапно все стихло, если не считать тех звуков, какие были обычными для джунглей, и сердце

Парртса со страху нырнуло в пятки. Неужели он опоздал?

К сожалению, так оно и было. Выбравшись из джунглей, Парртс увидел перед собой травянистую полянку, которая достигала подножия скалистого утеса. Он приблизился к утесу, принял высматривать, где тут может быть проход, то бранился, то стонал от отчаяния. Он рыскал у подножия скалы на протяжении нескольких часов, однако ровным счетом ничего не добился. Опечаленный, Парртс вернулся к тому месту, где вышел из джунглей, сел на бревно, уронил голову на руки; его терзала скорбь по утраченной возлюбленной. Увы! Увы!

Неожиданно он услышал какой-то скрежет и, издав радостный вспль, вскочил, сжимая в руке пистолет. В утесе образовалась трещина, которая продолжала расширяться, и вот часть отвесной каменной стены повернулась, словно дверь на петлях — точь-в-точь как в плохих приключенческих фильмах. Итак, он дождался своего! Да, он уничтожит тех, кто выйдет из пещеры, заберется внутрь и освободит любимую.

Из прохода высунулась голова первого мерзавца-горништильфа, и Парртс выстрелил. Ему повезло — он никогда не отличался особой меткостью.

— Ничего не скажешь, теплый прием, — протянула Стайрин, приглаживая волосы, в которых появился новый, проделанный лучом бластера пробор.

— Милая, дорогая, я не знал, прости меня! — зарыдал Парртс и поцеловал обожженный локон. — Appx! А вот этого я убью!

Он поднял бластер и прицелился в горништильфа, который вылез из пещеры следом за девушкой. Стайрин ударила ребром ладони по запястью Парртса, и тот выронил оружие.

— Послушай, глупенький, хватит стрельбы. Может, ты соблаговолишь заметить, что он в кандалах и идет на цепи, другой конец которой — в моей руке? По-моему, все настолько ясно, что сообразить что к чему должен даже ты с твоим недоразвитым умишком!

— Что?.. Как?.. — выдавил Парртс.

— Сейчас объясню, только, если не возражаешь, по дороге. За нами наверняка пошлют погоню. — Стайрин двинулась в сторону слиманианских окопов, волоча за собой пленника. — Когда меня схватили, я сразу догадалась, чего можно ждать, потому что много раз видела

обложки комиксов. Я кричала, даже разорвала китель, чтобы были видны груди — в общем, как положено. Меня отвели к королю, которого ты видишь перед собой. Он похотливо ухмыльнулся и уже простер клешню, но я с ходу заявила, что не собираюсь заниматься экзобиологическим смешением кровей принародно, поскольку в такие моменты не владею собой. Он пошел мне навстречу, выгнал своих присных, и тогда я применила один старый добрый приемчик...

— Какой именно? Из дзюдо?

— Нет, из кулинарного искусства. Понимаешь, я работала в ресторане, который специализировался на рыбных блюдах и всем таком прочем. В общем, справиться с ним было делом техники...

— А ну, пригнитесь! Я держу его на прицеле! Сейчас он у меня получит!

— Заткнитесь, майор, — высокомерно произнесла Стайрин. — Этот горништильф — мой пленник. Если вы приглядитесь, то наверняка заметите на его панцире звезды, то есть перед нами — один из высших чинов. Мы отведем его к слимианам, будем пытать...

— Могу помочь, — тут же вызвался Парртс. — Я многому научился у своего полковника.

— Он раскроет нам все секреты, и мы без труда проникнем в крепость и одержим победу.

Слемиане, которые сопровождали майора, разразились восторженными воплями, подхватили людей и поспешили вернуться к поезду.

Глава 8

КОСА НА КАМЕНЬ

— Так-так, и что же мы имеем? — проговорил адмирал Дубби, откидываясь на спинку дивана.

Во рту у него торчала сигара, набитая вместо табака гашишем.

— Сплошное надувательство, — отозвался горништильф, продемонстрировав прекрасное знание чужого языка, и щелкнул клешнями, вследствие чего цепи, в которые он был закован, рухнули на пол.

— Не двигаться! — приказала Стайрин, выхватив из кобуры бластер. — Опустите шторы и заприте дверь, чтобы слимиане не смогли подглядеть, что здесь происходит. — Адъютанты торопливо исполнили приказ, поскольку стоять под дулом бластера было не слишком приятно. — Хорошо. — Стайрин сунула оружие в кобуру, провела рукой по волосам и вздохнула: — Ну и денек выдался!

— Детка, будь добра, объясни, что все это значит, пока я не бросил тебя в топку, — попросил адмирал.

— Слушаюсь, сэр. Нашего пленника зовут Трезвоном, он старший офицер. У него есть предложение, которое вас наверняка заинтересует.

— Точно, — подтвердил Трезвон и принюхался. — Может, угостите папироской? А то с утра во рту ничего не было. — Адмирал протянул Трезвону сигару, кото-

рую тот мгновенно проглотил. — Блеск! Короче, дело обстоит так. Ящерицы, в лапы которых вы попали, отъявленные негодяи, они вам все наврали. После того как мое подразделение успешно избежало благожелательного геноцида чудовищ-землян, то есть вас, мы перебрались на эту планету, чтобы сохранить нашу древнюю, мирную культуру, которую вы почему-то вознамерились уничтожить. Мы спрятались у вас под носом, ибо знали, что вы настолько тупоголовы, что ни за что нас не найдете. Все шло просто замечательно, мы прекрасно уживались со всеми аборигенами, за исключением слимиан, которые хотели только одного. Мы предлагали им искусство, живопись, науку, а они взамен приглашали нас в кастрюли с кипятком. В конце концов мы оказались в окружении, из которого не можем вырваться; рано или поздно мы все до единого попадем на слимианский стол. Потому-то я и предлагаю вам сделку.

— Никаких сделок, — отрезал адмирал. — Мы уже заключили одну со слимианами, хватит! Нам бы поскорее развязаться со всеми вами и улететь к чертям собачьим с вашей полуумной планеты!

— Мне жаль вас. После того как вы им поможете, они вас арестуют, национализируют вашу дорогу и отпразднуют это событие пиршкой. Кстати сказать, питаются они всем подряд.

— А что предлагаешь ты? — тоненьким голоском поинтересовался адмирал.

Он столь решительно пыхтел сигарой, что на кончике той вспыхнуло пламя.

— Вот что. — Трезвон выхватил изо рта Дубби пылающую сигару и сунул ее себе в пасть. Мгновение спустя у него из-под панциря повалил дым. — Взгляните. — Он достал карту. — Видите, ваша дорога проходит через джунгли, которые тянутся по долине до самого плато. Вы посоветуете ящерицам разобрать путь в джунглях и в тайне проложить рельсы сюда, в долину.

Суть плана такова: вы едете по дороге как будто в джунгли, потом вдруг сворачиваете в долину, застаете нас врасплох и проделываете брешь в наших укреплениях. В эту брешь затем устремляются слимиане, и нетрудно угадать, кто кому пойдет на обед. Чтобы отвлечь наше внимание от поезда, слимиане должны организовать нападение на крепость, однако основные

их силы последуют за вами. Да, упираите на то, что вы не замышляете бегства — ведь колея будет идти лишь до плато.

— Замечательная мысль, — похвалил адмирал, даже не пытаясь скрыть иронии в голосе. — Сдается мне, мы с вами угодим в один горшок. Вот слимиане обрадуются!

— Неверно. Теперь я перехожу к главному. Как только они разберут путь в джунглях, мы проложим его снова, а на самой дороге установим стрелку. Тогда все произойдет следующим образом: вы, паля из пушек, помчитесь по долине, а за вами по пятам поскакет крокодилья кавалерия. На стрелке вы свернете в джунгли, проседете их насквозь и сделаете слимианам ручкой. Они придут в бешенство и кинутся за вами в погоню, но настичь не смогут, а пока вы будете играть в догонялки, мы спокойно выберемся из окружения.

— Неплохо, — произнес адмирал, прикидывая, по всей видимости, чего в плане больше — преимуществ или недостатков. Неожиданно он обратил на Трезвона исполненный подозрительности взгляд. — Но можем ли мы доверять тебе?

— Как ты мне надоел, пивной бочонок! — воскликнул Трезвон, раздраженно прищелкнув клешней. — В общем, как хотите. Если желаете, можете оставаться со слимианами, только не пеняйте на нас, когда попадете в какой-нибудь салат. Пойми, олух, мы и вправду стремимся выручить вас. Ваше появление дает нам возможность спасти и собственные шкуры. Даю вам пять минут на размышление; если согласитесь, тогда займемся проработкой деталей.

Трезвон вытащил из коробки добрую дюжину сигар, сунул в пасть и принялся методично пережевывать, а покончив с этим, сел в уголке; судя по колыханию сяжков, он никак не мог успокоиться.

— Мы должны согласиться, — сказал Парртс. — Старине Трезвону можно верить, потому что до тех пор, пока мы с ними не расправились, горништильфы были самым культурным, самым цивилизованным, самым вежливым и честным из всех народов Галактики, какие нам только встречались.

— Ты не одобряешь наших действий? — пробурчал адмирал.

— Так точно, сэр. Мне кажется, настало время выбирать. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше для нас.

Слимиане с превеликой охотой изъявили готовность исполнить то, что требовалось от них, и захихикали, прикрываясь своими зелеными лапами, при мысли о предстоящем пиршестве. Они даже помогли людям отнести в джунгли рельсы и шпалы, а вдобавок безо всяких возражений оттащили туда большой ящик с надписью «Запчасти», в котором всю дорогу что-то громыхало. Когда на джунгли опустилась ночь, Трезвон, который, как вы наверняка догадались, прятался в том самом ящике, без помех добрался до плато. Люди проводили его пожеланиями удачи и налегли на спиртное, дабы забыть о всевозможных неприятностях.

Утро выдалось ясным. Войска заняли свои позиции, а двое командующих провели последнее совещание.

— Приятно сотрудничать с истинным джентльменом, — согнал в открытую адмирал Дубби.

— Взаимно, — отозвался король Хроакр и якобы дружелюбно улыбнулся.

Они по-братски разделили вареного рака и бутылку вина, после чего поклопали друг друга по плечу и поклялись в вечной дружбе.

— Надеюсь, мерзавец ты этакий, больше мы с тобой не увидимся, — проворчал адмирал в спину королю, который двинулся к своей армии.

— Этот человек уже нафарширован раками, — сообщил король своему придворному, — а потому должен достаться лично мне. Начинаем!

С дальней стороны плато донеслось пенье труб, к которому примешивалось едва различимое на таком расстоянии бряцание оружия. Ударные слимианские войска укрылись в джунглях и изготовились к атаке. Локомотив стоял под парами, в атомном двигателе сновали туда-сюда истосковавшиеся по делу нейтроны. На крышах вагонов были установлены лазеры, из окон торчали стволы винтовок. Вооружился даже повар, который сжимал в руке огромный тесак, выбранный по причине, известной лишь ему одному. Вот впереди, на окраине города, появилась зеленая фигурка, которая трижды взмахнула флагом.

— Сигнал! Поехали!

Локомотив тронулся с места, миновал город, прокатился под грозными башнями, которые уже не представляли опасности, выволок состав в долину и вскоре достиг поворота в джунгли. Там поезд поджидал король Хроакр; венценосец приветствовал адмирала взмахом лапы и заулыбался.

— Увижу тебя на тарелке, — пробормотал он, продолжая улыбаться.

— Пожалуй, я все же вернусь. Из твоей шкуры выйдет отличная сумка, — пробурчал Дубби, выглядывая из окна кабинки и расплываясь в столь же неискренней улыбке.

Развязка приближалась. Состав двинулся вверх по долине, мимо боевых порядков слимиан, обогнул последний косогор. Люди затаили дыхание. За поворотом открылся тупик. Дальше пути не было.

— Нас обманули! — воскликнул адмирал, дергая за тормоз.

— Нет! — крикнул Парртс не менее громко и ударили по руке Дубби.

Все ближе, ближе... Адмирал, бранясь себе под нос, поглаживал ушибленное запястье; Парртс встревожился настолько, что уже хотел было начать торможение, но тут из-за дерева выступил горништильф, который перевел потайную стрелку. Состав рванулся в джунгли. Стрелочник помахал им клешней.

— А ну наддай! — гаркнул адмирал, открывая на полную дроссельный клапан.

Слимиане поразевали пасти. Они не верили собственным глазам. До поры до времени все шло по плану — машина лакомых союзников с пыхтением вкатывалась в долину. И вдруг паровоз издал гудок, прибавил скорость и вместе с вагонами исчез в джунглях. Король Хроакр едва не закрякал от изумления.

— Что за околосица на Околесице? — выдавил он, заскрежетав зубами, осколки которых полетели в разные стороны.

Войско ящериц остановилось, не зная, как быть дальше. Какое-то время спустя возвратился посланный на разведку воздушный шар, пилот которого доложил, что поезд движется через джунгли к выходу из долины.

Месть! Армия развернулась под прямым углом и кинулась вдогонку за беглецами.

Между тем адмирал Дубби, находившийся в кабине локомотива, поздравлял себя с успехом блестящего плана.

— Получилось! — Он насмешливо фыркнул. — Ловко мы их одурачили, а? Фьюить — и ищи ветра в поле!

— Похоже, они обиделись, — произнес Парртс, который, высунувшись из окна, наблюдал за преследователями, что мчались за поездом — кто на своих двоих, кто верхом, кто по воздуху, кто ползком.

— Не волнуйся! — усмехнулся Дубби. — Им нас не догнать!

Поезд миновал поворот, и адмиралу в очередной раз пришлось дернуть за тормоз, ибо на путях громоздилась огромная куча валунов, на одном из которых висела табличка с надписью:

«Вы не должны чересчур отрываться от слимиан. На разборку завала уйдет всего несколько минут, однако ящерицы решат, что вот-вот добьются своего, а потому продолжат погоню и забудут о нас. Не медлите! Искренне ваш, Трезвон».

— За работу! — распорядился адмирал и подал своим подчиненным прекрасный пример, выскочив из кабины и ухватившись за первый попавшийся валун. — Все вон!

Парртс, издав воинственный возглас, присосднился к Дубби.

Люди дружно взялись за дело, подгонять их необходимости не было, поскольку с этим превосходно справлялись слимиане, которые неумолимо приближались, испуская хриплые победные вопли. Первыми беглецов настигли воздушные шары и деръмовозы, которые не медля приступили к бомбардировке.

Но вот препятствие оказалось разобранным, и поезд рванулся вперед, причем запыхавшиеся солдаты сдва успели вскочить в вагоны, последний из которых, предназначенный для служебных целей, походил теперь на дикобраза, ибо на него обрушился ливень стрел.

— Не заплатишь — не поедешь, — ласково пояснила лейтенант Фом, топнув стройной ножкой, и те немногие из слимиан, кто успел повиснуть на задней площадке хвостового вагона, разжали лапы и рухнули наземь.

Победные вопли сменились горькими стонами, а поезд все убыстрял ход. Наконец слимианская армия остановилась. Никому из ящериц не пришло в голову пожелать людям доброго пути. Стайрин сделала слимианам ручкой, но те никак не прореагировали на жест девушки. По всей видимости, весть о неудачном исходе погони дошла до короля — вражеское войско развернулось и двинулось в том направлении, откуда прибыло.

— Счастливо оставаться! — проговорила Стайрин и, не дожидаясь, пока ее о том попросят, открыла охлаждавшуюся в ведре со льдом бутылку шампанского и направилась в кабину локомотива.

— Милая, ты так внимательна. — Парртс плотоядно облизнулся.

— Весьма кстати. — Адмирал выплюнул изо рта песок и налил себе до краев огромный стакан шипучего вина.

За окном мелькали фермы, тянулись поля, затем по обе стороны колеи раскинулась равнина, почва которой становилась все более сухой, а какое-то время спустя равнина сменилась пустыней, что простиравалась до самого горизонта.

— Какая ровная! — восхитился Парртс. — Однако я вижу какой-то черный холм с туннелем.

— Это не туннель! — взвизгнула Стайрин. — Это... Она потеряла сознание и упала на руки Парртсу.

Глава 9

ВСЕ МЕНЯЕТСЯ

Состав резко затормозил. Адмирал с нескрываемым ужасом уставился на громадную омерзительную тварь, что лежала поперек колеи, — этакий холм с многочисленными мохнатыми лапами и разинутой пастью, в которую уходили сверкающие рельсы.

— Что это такое?

— Будучи обыкновенным рядовым, не имею ни малейшего представления, — произнес Парртс голосом исправного, туповатого служаки, растирая запястья Стайрин.

— Ты же назывался экзобиологом!

— Разве рядовой может быть экзобиологом? — лукаво поинтересовался Парртс. — Ведь экзолингвист, даром, что она в обмороке, имеет чин лейтенанта.

— Ишь, умник выискался! Нет, надо было тебя расстрелять. Встань на колено, рядовой. Поднимись, лейтенант.

— Слушаюсь, сэр! — Парртс вытащил из кармана золотые нашивки, прикрепил те булавками к кителю и встал по стойке «смирно». — Я узнаю это чудище.

— Да неужели, сукин ты сын, шантажист-самоучка?! Ну и?..

— Сэр, перед нами одна из наиболее опасных инопланетных форм жизни. Вам доводилось слышать об омерзительном дюнокате?

— Разумеется.

— Так вот, мы столкнулись с тем, кому дюнокат не годится и в подметки. Сэр, вы видите дюнокарта. По слухам, он способен, на стадии зародыша, перелетать с планеты на планету; совершив посадку в пустыне, он откладывает яйца. Его панцирь выдерживает залп из лазерной пушки, а питается он металлом.

— Выходит, он упирает наши рельсы? Прекратить!

— Сэр, я бы посоветовал не горячиться. Понимаете, дюнокарт способен плюнуть ядовитой слюной на сотню метров. Если он разбушуется, нам не обойтись без атомной бомбы...

— Ага! Сделаем так: положим атомную бомбу в металлический ящик, который поставим на колею. Твой дюнокарт сожрет ящик вместе с бомбой, взлетит на воздух, и мы поедем дальше...

— Замечательный план, сэр. У него только один недостаток: мы не захватили с собой атомной бомбы.

— Вечно ты все портишь, — проскулил адмирал.

— Поздравляю с повышением, лейтенант Парртс, — проговорила Стайрин с улыбкой, широко раскрывая чудеснейшие на свете глазки, улыбаться которыми, надо признать, было несколько затруднительно.

— Спасибо, лейтенант Фом. Поскольку мы теперь в одном звании, можно называть вас по имени? А, Стайрин?..

— Заткнитесь, Парртс! — рявкнул адмирал. — Подумай лучше, как нам выбраться из лужи, в которую ты нас снова усадил!

— Все очень просто, — заметила Стайрин, поглядела на гигантское насекомое и изящно икнула. — Надо его объехать.

— Как?

— А уж это ваши трудности, сэр, благо вы помешаны на железных дорогах. Как вспомню, сколько мне пришлось прослушать лекций об изобретательности проходчиков прошлого...

— Тихо! — Адмирал поглядел по сторонам, подумал и усмехнулся. — Мы объедем его. Здорово я придумал, верно? Снимем часть пути позади поезда, проложим ветку вокруг дюнокарта и так доберемся до того места, где колея продолжается.

— Похоже, нам предстоит уйма работы, — пробормотал Парртс.

— Ты прав, приятель. Вы будете работать, а я — следить за тем, как продвигается дело. Иди-ка распорядись.

Солнце село и взошло снова, и так повторялось не один раз, пока солдаты разбирали путь и таскали по нагретому за день песку рельсы и шпалы. На худых руках всухли могучие бицепсы, кожа покраснела, затем почернела, — подобное произошло со всеми за исключением негров, которые и без того были черными. Адмирал изрядно растолстел, что было вполне естественно, поскольку он не вылезал из кабины локомотива, где уплетал сандвичи и читал древние железнодорожные расписания. Но даже величайшей пустыне рано или поздно приходит конец, даже громаднейший в мире дюнокарт далеко не необъятен. Шаг за шагом люди продвигались вперед и достигли-таки места, от которого продолжалась нетронутая колея. Ради такого события адмирал кое-как выбрался из кабины и собственоручно заколотил золотой костьль, после чего все расселились по вагонам, и поезд покатил в направлении манящего горизонта, причем никто из людей и не подумал оглянуться на дюнокарта. Состав остановился лишь с наступлением темноты — до того все были возбуждены и наслаждались скоростью, — и адмирал распорядился организовать праздничный банкет. Вино лилось рекой; как ни удивительно, Дубби несколько воспрял духом — настолько, что не заметил, как отключился упившийся до чертиков в глазах майор полиции. Оказавшись предоставленными самим себе, Парртс и Стайрин обменялись под столом рукопожатием и вперили друг в друга горячие взгляды.

— Мы теперь в одном звании, — простонал Парртс. — Мы можем пожениться, заключить военный брак под скрещенными лучеметами.

— Как романтично!

— А потом, когда появится возможность, мы дезертируем, найдем заброшенную планету, поселимся на ней и будем день и ночь...

— Не продолжай, — пролепетала Стайрин, — а то мы не выдержим, и адмирал велит расстрелять нас обоих.

- Ты как всегда права, Стайрин.
- Парртс, милый, у тебя нет другого имени? — Он покраснел и потупился. — Что с тобой?
- Есть, только я его никому не открываю.
- А мне?
- Ты будешь смеяться.
- Ни за что!
- Меня зовут... Персиваль.
- Персиваль Парртс... Как здорово! Милый, можно я буду звать тебя Перси?
- Да, если ты позволишь называть тебя Стайри...
- В жизни не слышал такой бредятины, — произнес очнувшийся майор. — По-моему, меня сейчас стопнит.

Поезд катил дальше на север, и ночи становились все холоднее; пустыня мало-помалу сошла на нет, колея вела теперь через лес, в котором росли исполинские деревья высотой за сотню метров. Из окон открывалось великолепное зрелище, пассажиры наслаждались природой, что, естественно, должно было пробудить подозрения, но, к сожалению, не пробудило, а потому, когда лес кончился и вновь начались возделанные поля, все испытали нечто вроде шока.

— О, нет! — простонал адмирал, синея на глазах от страха. — Неужели нам не достаточно?

— По всей видимости, сэр, — отозвался Парртс. — Прикажете объявить тревогу?

Состав замедлил ход; перед каждым поворотом все изготавливались к бою, сжимали дрожащими руками оружие и нервно оглядывались по сторонам.

— Похожи на крыс, — заметил Парртс, разумея существ, которые трудились на полях, — только вот лап многовато.

— Ну что ты лезешь со своими комментариями?!

— Мне кажется, они настроены дружелюбно, — проговорила Стайрин, которая принесла Дубби утреннюю порцию гашиша. — Посмотрите, они кланяются, когда мы проезжаем мимо.

— Может, они нас так оскорбляют? — предположил адмирал, закуривая сигару.

За очередным поворотом появилось то, что просто не могло не появиться — обнесенный стеной город, пря-

мо через центр которого пролегла железнодорожная колея.

— Я слишком стар для таких переделок, — взвыл адмирал. — Скажите на милость, разве этот идиот ПУК не мог обойти хотя бы один город?

— Здесь все иначе, сэр, — произнес Парртс. — Я вижу ворота, здание вокзала, флаги, толпу встречающих. Нас встречают музыкой!

— Хватит с меня здешнего гостеприимства. Я сыт им по горло!

Под непрерывные гудки состав устремился к городу: люди вновь взялись за оружие. Ничто не вызывало у них доверия: ни бурлящая толпа, ни разноцветные флаги, ни визг волынок, ни грохот барабанов. Ближе к станции Дубби сбросил скрость, и поезд буквально подполз к перрону, на котором в полном составе выстроился комитет по встрече, причем все члены комитета были в парадном облачении. Как ни странно, рельсы за вокзалом оставались свободными, их не загромождала ни груда камней, ни какое-то иное препятствие.

— Помаши рукой, но не останавливайся, — велел адмирал.

— Так не честно! — возразила Стайрин. — Они приложили столько сил, чтобы оказать нам честь, построили вокзал, и вон как принарядились.

— И что с того? Вперед!

Однако, рыкнув на непокорных подчиненных, Дубби тут же был вынужден дернуть за тормоз, ибо на путях откуда ни возьмись возник неимоверно древний паровоз. Поезд остановился у застеленного алоей ковровой дорожкой перрона; послышались радостные возгласы. Из толпы встречающих выступило богато разодетое существо.

— Добро пожаловать, могучие ездоки, добро пожаловать в Кру!

— Для крысы у тебя отличное произношение, — подозрительно заметил адмирал.

— Благодарю за комплимент, адмирал. Не хотите ли присоединиться к нашему празднеству?

— Откуда вам известно, кто я такой? — справился Дубби, не сдвинувшись с места.

— От наших добрых друзей, благородных горништильфов. Они просили передать, что сумели с вашей

помощью очутиться в безопасности, так что плотоядные мерзавцы-слимиане обойдутся теперь без традиционного пятничного пиршества. Горништильфы говорили о вас только хорошее, если не считать, конечно, что вы уничтожили их планету. Они также просили передать, что собираются улететь отсюда, поэтому вы можете их не искать. Извините, я слегка заболтался. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Я — король Крысс, это моя супруга, королева Шиппчи, а вокруг наши подданные.

— Половина за столом, а другая — точит ножи, — прошептал адмирал. — Не доверяю я этому грызуну.

— У него такой чудесный мех, — проговорила Стайрин.

— А лап сколько! Как хотите, я ему не верю.

Как вскоре выяснилось, банкет оставлял желать лучшего — избыток речей, угощение, которое состояло из высохшего сыра и корочек хлеба... Впрочем, вино оказалось просто отличным, и все не преминули как следует набраться. Король Крысс под занавес решил произнести еще одну речь.

— Уважаемые земляне и незаконченные алкоголики! — Зазвучали одобрительные восклицания, зазвенело разбитое стекло. — Банкет получился поистине восхитительным, однако, как говорится, всему хорошему приходит конец. Вдобавок, я подустал от шуток вроде той: почему, чтобы приготовить поп-корн, нужно пять грызунов — потому, что четверо трясут печку, и прочее в том же духе. Предлагаю пожелать нашим гостям счастливого пути. Расскажите у себя на Земле, как по-королевски вас здесь принимали, и убедите, пожалуйста, своих правителей, что мы — никакие не враги, а посему не надо сбрасывать на нас бомбы. Можете также присовокупить, что мы обязуемся визматывать с поездов, которые будут проезжать по нашей территории, минимальную плату.

— Чего? — переспросил адмирал.

— Кру населяют честные торговцы, которые не ищут выгоды в обмане инопланетян. Поскольку вы, земляне, верите в налоги, пошлины и другую ерундистику, мы вынуждены верить в то же самое. Вдобавок, мы пользовались железной дорогой задолго до появления вашей машины, а потому искренне обрадовались, узнав об усовершенствованиях в технологии путеуложения.

После вашего отбытия мы займемся модернизацией своих поездов, а потому мы охотно принимаем вашу помощь и заранее благодарим за содействие.

— Чего? — повторил адмирал и часто заморгал.

— Мы решили поменять поезда. Ваш состав перейдет к нам, мы его изучим и непременно внедрим у себя все те новинки, какие только обнаружим. Взамен вы получите другой поезд. Таков наш девиз: все меняется, все меняется в Кру! Мы вас больше не задерживаем.

— В поезд! — рявкнул адмирал, вскакивая из-за стола. — Приготовьтесь к отражению вражеской атаки!

Едва люди расселись по вагонам, из свежепрограммированных дыр в полу появились многочисленные твари, которые, применив приемы каратэ, обезоружили землян, не причинив тем, впрочем, никакого вреда.

— Как невежливо! — прицокнул языком король Крысс. — Вот и заключай с вами после этого деловые соглашения! Я наложил на вас пошлину в размере стоимости поезда и конфисковал тот за неуплату вышеназванной суммы. Только по причине моего великодушия да еще памятая о бомбах, я отдаю вам наш быстроходнейший поезд «Могучая мышь». Припасы уже погружены, так что желаю вам приятного путешествия.

Землян вывели на перрон, позволив взять с собой только личные вещи. Лишь теперь люди заметили, что у копий, какими был вооружен почетный караул, весьма острые наконечники.

— Это разбой! — воскликнул адмирал.

— Вот квитанция на ваш поезд, — проговорил король, протягивая Дубби документ, текст которого был отпечатан на официальном бланке.

— По-вашему, это поезд? — простонал адмирал, однако ответа не получил, ибо грызуны исчезли с перрона в мгновение ока, оставив после себя лишь хлебные крошки. Из окна диспетчерской будки высунулась осткая мордочка.

— Валите отсюда! Через десять минут прибывает «Мохнатый летун», а катастрофы нам ни к чему. Пошли прочь!

Локомотив стоял под парами. Парртс подбросил в топку дров, адмирал потянул за ржавую цепочку. Вместо ожидаемого гудка послышался режущий ухо свист.

— Пожалуй, не стоит, сэр. Давление упало на десять единиц.

Окутанный облаком пара, что сочился, вперемешку со ржавой водой, из всех и всяческих труб, стуча колесами, дымя перегретыми буксами, «Могучая мышь» отошел от платформы и пополз на север.

Глава 10

ЗАПЕЧАТАНО ПОЦЕЛУЕМ

— Холодно. — Стайрин поежилась.

— Подбрось в топку дровишек, — злорадно посоветовал адмирал. — Если хочешь ехать в тепле, тебе придется поработать, чтобы заслужить эту привилегию. Как там с протечкой, Парртс?

— Вроде ничего, сэр. Я подготовил герметик из твердого сыра и зачерствелого хлеба. Приkleился на-мертво.

— Их еда ни на что другое не годится. Вот стервецы, не оставили даже маленького бочонка с устрицами. Я чувствую себя просто ужасно.

— Так точно, сэр, и выглядите не лучше. Про нас можно сказать то же самое, — поторопился добавить Парртс, перехватив испепеляющий взгляд Дубби. — Продуктов нет, ни минуты на перекур, холод собачий... Говорю вам, это сущий ад!

— Сам выбрал. — Адмирал с подчеркнутым безразличием зевнул. — Дрова на исходе. Надо остановиться в следующем лесу. Распорядись, чтобы дровосеки приготовились.

Когда поезд затормозил, со всех сторон послышались жалобные стоны: грязные, оборванные, небритые штабные офицеры поспрыгивали на промерзшую землю и разобрали топоры. Как выяснилось, старинные паро-

возы потребляли громадное количество горючего материала.

— Вода, — проговорил Парртс, мрачно посмотрев на палку, которую вынул из водяного бака. — Четыре человека за снегом! Хорошо хоть этого добра тут полно-полно.

Над безжизненной местностью завывал ветер, снова пошел снег.

Заполнив бак и засыпав дровами тендер, люди забрались в вагоны — и замерли, скованные невыразимым ужасом.

— Ч-что тт-т-такое? — содрогнувшись, пробормотала Стайрин.

— Сдается мне, вой, более злобный, душераздирающий и омерзительный, чем мне когда-либо доводилось слышать, — предположил Парртс.

— Какое же существо может издавать такие звуки? — спросила Стайрин и подышала на замерзшие пальцы.

Ответ пришел довольно быстро, — ведь они находились на Околесице, где все дела шли хуже некуда. В снежной пелене замаячили гигантские серые тени, которые, продолжая завывать, постепенно обрели материальность: разинутые пасти, острые зубы, крючковатые когти, поблескивающие алым глаза — словом, все как обычно. Дроссельный клапан мгновенно оказался открытым на полную, благо к нему протянулись одновременно три руки.

— Поведу я! — прохрипел адмирал.

Парртс и Стайрин убрали руки. Поезд медленно тронулся.

Волки, похоже, не собирались так легко отказываться от добычи. Пассажиры отбивались, как могли, замахивались на волков лопатами, которые те без труда перекусывали и проглатывали. Людей выручила только скорость, вернее, то сопровождавшееся скрежетом и лязгом движение, на которое была способна «Могучая мышь». Какое-то время спустя стая отстала, однако люди понимали, что погоня наверняка не закончилась.

— Что случится, если мы остановимся, чтобы нарубить дров? — весело справился Парртс.

— Заткнись, недоумок! — злобно бросила Стайрин.

Дабы она снизошла до того, чтобы снова начать с ним разговаривать, Парртсу потребовалось целых пять минут простоять на коленях, умоляя о прощении. Между тем адмирал глядел на затянутое тучами небо и напряженно размышлял. Заледеневшие синапсы изрядно затрудняли процесс мышления.

— По-моему, Парртс прав, — заявил он наконец. — Поэтому прежде, чем остановиться, мы выкинем кого-нибудь из поезда. Начнем, разумеется, с младших по званию.

— Это низко и подло! — выдавила Стайрин.

— Может, начать с лейтенантов? — криво усмехнулся адмирал.

— Ваш план неплох, сэр, — признала девушка. — Но почему бы нам сперва не попробовать хлеб с сыром?

— Разумно. Может статься, хоть волки его едят. Таким образом мы сохраним личный состав, который нам еще пригодится.

Замысел Стайрин оказался удачным: многие из волков поплатились в тот день кто вывихнутой челюстью, кто сломанным зубом. Клыки, которые запросто расправлялись с костями и камнями, не выдержали соприкосновения с пищей грызунов. Осыпая людей проклятьями, волки вновь устремились в погоню. Состав, который притормозил, чтобы пополнить запас дров, тронулся в путь за мгновение до того, как стало слишком поздно.

— Долго так продолжаться не может, — изрек Парртс. — У нас или кончатся припасы, или мы угодим в занос, или что-нибудь еще.

— О, ты сегодня необычайно остроумен! Займись лучше топкой.

С наступлением темноты люди совсем пали духом. Еда вся вышла, а позади по-прежнему виднелись преследователи, число которых, вдобавок, как будто возросло. Дрова в очередной раз были на исходе, а нарубить новых не представлялось возможным, поскольку состав двигался по безлесной степи.

— Начинайте топить сиденьями!

Из трубы снова повалил черный дым, но на душе у всех было скверно. Внезапно в темноте впереди показалось некое еще более темное пятно.

— Туннель! — воскликнул адмирал. — Мы спасены!

— Вряд ли, — принял пророчить Парртс. — Они последуют за нами, а в туннеле не найти ни дров, ни воды, и если они нас нагонят... Подождите! — крикнул он, когда адмирал и Стайрин схватили его за руки за ноги и приготовились вышвырнуть из кабины: должно быть, им надоело слушать, как он накаркивает беду. — Подождите! У меня есть план! Туннель будет нашим спасением. — Переглянувшись, Дубби и девушка отпустили Парртса. Тот рухнул на пол, схватился за какую-то трубку и поднялся на ноги. — Я ведь пошутил, ха-ха. Слушайте, надо поджечь хвостовой вагон, а перед туннелем отцепить, пусть себе торчит снаружи. А пока он прогорит, мы будем уже далеко.

— План, рожденный отчаянием, — произнес адмирал. — Что ж, выбора у нас все равно нет. Давай действуй.

Из хвостового вагона забрали все, что представляло хотя бы малейшую ценность, и бросили туда факел. Весело затрещало пламя.

Парртс перебежал в следующий вагон, улегся на площадку и стиснул в руке стальной стержень, который был вставлен в архаичную муфту.

— Туннель! — крикнула Стайрин. — Пора!

Поезд покатил дальше, а вагон остался позади. Объятый пламенем, он закупорил вход. Послышался обескураженный волчий вой.

— Спасены! — восторженно воскликнула Стайрин.

— Как только пламя погаснет, они... А-а-а-а! — возопил Парртс.

Сытая по горло всяческими пророчествами, Стайрин столкнула его с поезда. Он кинулся вдогонку, крича на бегу и споткнулся в темноте. Наконец любовь победила отвращение. Девушка замедлила ход состава, и Парртс вскочил в последний вагон. Сами понимаете, после этого случая он, как правило, предпочитал помалкивать.

Теперь они состязались в скорости со временем, если, конечно, можно назвать состязанием болтанку при двадцати километрах в час. Люди гадали, что кончится раньше — туннель или горючие материалы. Поезд становился все короче, поскольку топка требовала

новых и новых жертв; вот он сократился до двух вагонов, потом до одного, а конца туннелю до сих пор не предвиделось. Был подожжен и единственный уцелевший вагон — чтобы хоть немного задержать волков, которые давным-давно возобновили преследование. Пассажиры взобрались на паровоз и сгрудились в быстро пустеющем тендере. Внезапно, когда кое-какие дрова еще оставались, адмирал дернул за тормоз. На плечи Дубби обрушился град не слишком сильных ударов, а еле слышные голоса на все лады убеждали его продолжать путь.

— Не могу, — возразил адмирал. — Рельсы кончились.

Люди спустились на стылую землю и увидели, что колея впереди и впрямь резко обрывается. В слабом свете прожектора можно было прочитать надпись, вырезанную в каменной стене туннеля:

«Извините, рельсов больше нет. Вам нужно пройти всего лишь пять километров. Прогулки пешком полезны для здоровья. Наилучшие пожелания моему дорогому другу адмиралу Дубби. ПУК».

— Твой дорогой друг, когда выберется отсюда, отправит тебя на свалку! — прощедил сквозь зубы адмирал. — Ладно, пошли. Сдается мне, я слышу вой.

Этих слов оказалось вполне достаточно. Люди торопливо двинулись в темноту — все, кроме Парртса.

— Иди, милая, — сказал тот, — а я чуток задержусь.

— Что ты задумал? — взвизгнула Стайрин.

— Ступай, ступай. Я вас догоню.

В сердце девушки сражались между собой вечная любовь и свойственное любому человеку стремление выжить. Мгновение спустя Стайрин устремилась за остальными. Те шли быстрым шагом, то и дело спотыкаясь и вздыхая, — и вдруг застыли как вкопанные, когда по туннелю заметалось эхо оглушительного взрыва. Люди стояли, не в силах пошевелиться, и прислушивались к топоту ног и свистящему дыханию, которые становились все громче.

— Поспеши, волк, — произнесла Стайрин, — я тебя жду.

— Это я, — выдохнул Парртс. — С волками покончено. Я прикрепил цепочку к предохранительному

клапану и побросал в топку все дрова, какие оставались, выждал, пока волки подойдут поближе, а потом закрыл клапан и дал деру. Разумеется, котел взорвался.

— Ты у меня гений, — прошептала со вздохом Стайрин.

— Ноги болят, — пожаловался адмирал. — Пошли, а не то я свалюсь где-нибудь по дороге.

Снаружи бушевала пурга, но это ничуть не смущило толпу изнеможенных, но счастливых оборванцев, которые выскочили из туннеля и увидели вдалеке космический буксир. Вопрос стоял ребром: либо добежишь, либо замерзнешь. Добежали, естественно, все, — ввалились гурьбой в шлюз и без чувств попадали на пол. Впрочем, вино и пища восстановили их силы, и адмирал обрел прежний командирский тон.

— Пилот!

— Здесь, сэр!

— Типовой барабанный корпус уже построен?

— Так точно, сэр. Построен, набит под потолок продуктами и стоит в спартанской простоте посреди вечных снегов, ожидая беднягу, которого назначат заведовать складом.

— Никаких проблем. Лейтенант Парртс, шаг вперед! — Адмирал схватил Парртса за китель — послышался треск, и лейтенантские нашивки упали на пол. — Рядовой Парртс, слушай мою команду. Мы улетаем, а ты остаешься тут куковать в одиночестве и присматривать за роботами.

— Вы не можете так поступить!

— Неужели?

— Лучше застрелите меня, как грозились.

— Мало ли что грозился... Я просто удовлетворял свои садистские наклонности. Твоя невеста Стайрин Фом станет теперь моей.

Дубби прижал дрожащую девушку к своему животищу и приказал пятерым солдатам вышвырнуть Парртса вон из корабля, после чего оттащить рядового на склад и бросить там.

Парртс сыпал проклятиями, которые слышались даже в закрытом шлюзе и заглохли лишь в реве стартовавшей ракеты. Для него это был конец, тем более что вскоре после отлета буксира рядового вызвал на связь радиострелок.

— Прошу прощения, суперинтендант, но у меня дурные вести. На борту произошло самоубийство. Покойник оставил для вас записку в шлюзе и открыл наружный люк.

— Что же тут дурного? — злорадно хихикнул Парртс. — Надеюсь, адмирал перед смертью изрядно помучился. Что он там написал?

— Адмирал здесь ни при чем. Самоубийство совершил некий лейтенант по фамилии Фом. — Парртс пронзительно завопил, однако радист продолжал говорить, торопясь сложить с себя малоприятную обязанность и поскорее возвратиться на свою койку, под бочок к резиновой кукле и к бутылке со спиртным. — В записке сказано: «Дорогой! Это конец. Я не могу вынести мысли о вечности вне твоих объятий, в лапах жирной свиньи Дубби. Моя любовь неутасима. Люби и помни. Твоя Стайри». Отбой.

Итак, для Парртса это был конец, с какой стороны ни посмотри. Да, он мог бы жить дальше, храня память о любимой и занимаясь привычной работой, однако то был бы уже не человек — вернее, не полноценный человек, а некое существо с выжженной душой, этакий пьяничка, который и не замечает, что бутылка у его губ пустым-пуста. Словом, вот он, последний человек в мире, сидит, покинутый всеми, в холодной комнате...

Неожиданно в дверь постучали.

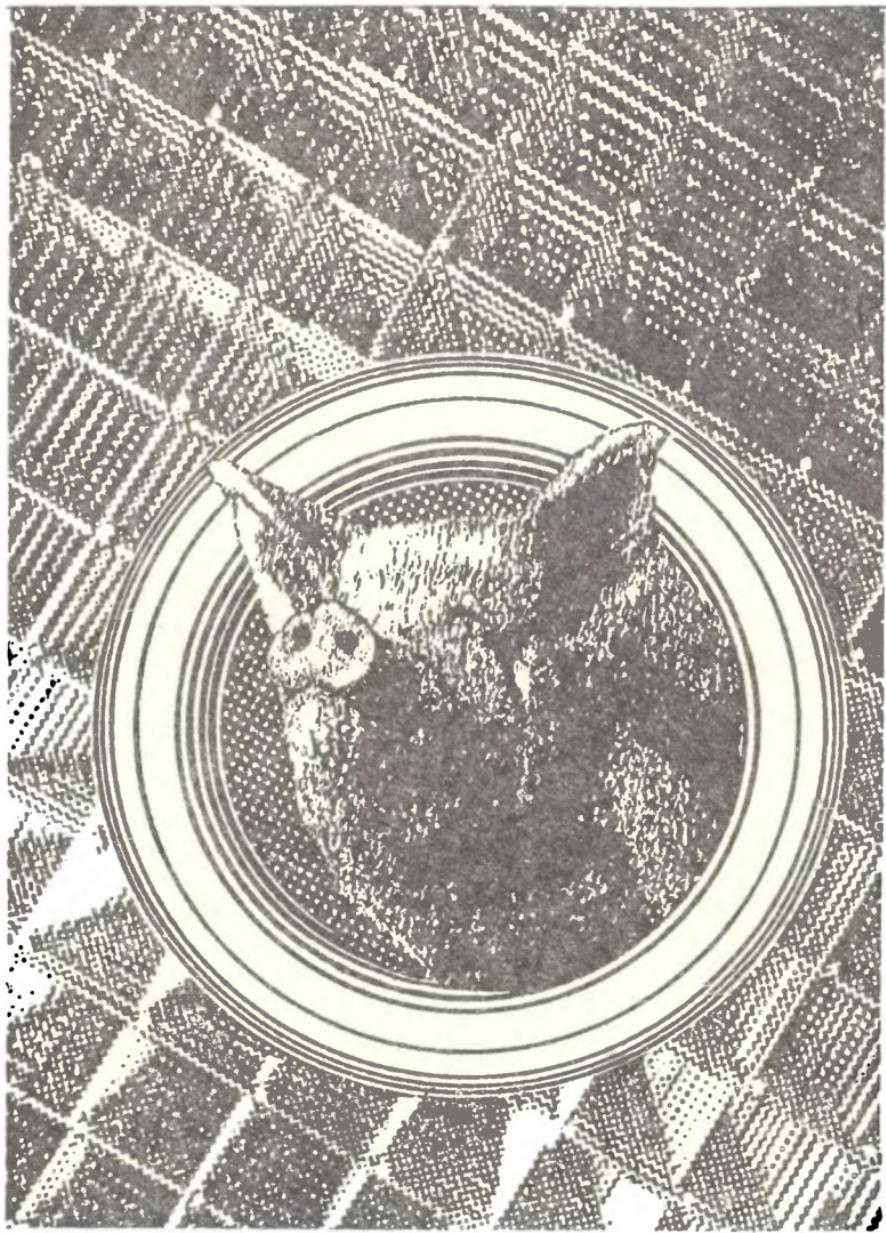
— Волки, — пробормотал Парртс. — Или сламиа-не, а может, раки или крысы. Да кто угодно! Всех разорву! — Он рывком распахнул дверь, и на руки ему упала прелестная Стайрин Фом. — Ек! — выдавил Парртс.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — прошептала девушка. — Жизнь без тебя показалась мне такой скучной! Я стащила скафандр с микродвигателем, написала записку и прыгнула. Приземлилась совсем рядом. Я бы пришла раньше, но мне надо было снять этот гнусный скафандр, причесаться и подкрасить губы. Я ведь догадывалась, что ты волнуешься...

Парртс пинком захлопнул дверь и...

И здесь мы, пожалуй, опустим занавес. Мне кажется или в ваших глазах и впрямь блестят слезы? Не стыдитесь, ибо я тоже плачу. В нынешние дни галактических войн, сумасшедших налогов, кровопролитных стычек

футбольных фанатов, разбавленного пива и цирроза печени разве не приятно узнать, что где-то на краю Вселенной, на полюсе холода далекой планеты, обрели счастье двое — он и она? Давайте помечтаем вместе с ними. Давайте надеяться, что в будущем для каждого юноши найдется своя Стайрин Фом, а для каждой девушки — свой рядовой Парртс.

**ПАРНИ ИЗ
СВИН И РОБОТ**

ВЫПУСКНИКИ

Их было более одиннадцати тысяч, выстроившихся стройными рядами в огромном зале. Упрямые подбородки, широкие плечи, зоркие глаза — лучшие из лучших, отличные парни, собранные со всех планет, на которых поселился человек. И теперь, после стольких трудных лет, они стали выпускниками. Через несколько мгновений они будут уже не кадетами, а полноправными членами Патруля.

ПАТРУЛЬ! Космические воины и полисмены, могучие люди, стоящие между цивилизованными планетами и хаосом галактики. Нет людей сильнее, никому не завидуют больше.

Обычно суровый, офицер-командир глядел на их лица и улыбался. Он был счастлив видеть их в рядах Патруля. Когда он заговорил, наступила абсолютная тишина.

— Патрульные, я приветствую вас. Этот зал вы покинете уже не кадетами, а членами Патруля. С гордостью носите форму и будьте достойны своего звания. Некоторые из вас будут командиновать огромными боевыми звездолетами, защищающими нас от вторжения инопланетян. Другие заступят на долгую одиночную вахту на разведывательных катерах. Те из вас, кто способен к технике, уже выказали интерес к субпространственной связи, установке радаров, инженерному конструированию. Патрулю нужен каждый человек, каждый талант, и все носящие форму равны.

А тех, кто более склонен к необычной работе, я прошу выбрать Специальные поручения. Вы очень мало слышали о них, поскольку это один из наиболее охраняемых секретов Патруля. Теперь настало время узнать о них больше. Как о прекрасном примере операций Специальных поручений, я расскажу о проблемах, возникших на планете Троубри, и о том, как эти проблемы были решены.

ПАРЕНЬ ИЗ СВИН

1

— Ей-Богу, губернатор, конец нашим неприятностям! — воскликнул фермер.

Стоявший рядом крестьянин согласно кивнул. Сия мысль так тронула его, что он сорвал с головы шляпу, крикнул «Ура!» и снова ее нахлобучил.

— Ну, я не могу ничего обещать точно, — сказал губернатор Хейдин. В голосе его чувствовался более чем намек на нетерпение; он теребил свои усы с удивительной страстью. — Я же знаю об этом не более чем вы. Мы передали по радио просьбу о помощи, и Патруль пообещал что-нибудь придумать...

— И на орбите появился крейсер Патруля, и теперь он идет на посадку, — добавил фермер, заканчивая фразу губернатора. — По мне, так это здорово. Подмога уже в пути!

Словно в ответ на его слова в небе загрохотало, копье ослепительного пламени прожгло низкие облака над полем, и показались угловатые очертания тендера. Толпа на краю поля — почти все население Троубри-Сити — разразилась приветственными воплями. Они сдерживались, пока корабль изливал ярость тормозного выхлопа на грязное поле, окутываясь облаком пара, но как только двигатели смолкли, толпа бросилась на поле и окружила корабль.

— Что там, губернатор? — спросил кто-то. — Отряд космических коммандос или вроде того?

— В сообщении ничего не говорилось — только передали запрос на посадку.

Когда из щели под люком выскользнул пандус и конец его плюхнулся в грязь, наступила мертвая тишина. Тонко звякнул электромотор, крышка люка откинулась, из отверстия вышел человек и оглядел толпу.

— Привет, — сказал он, потом обернулся и помахал рукой. — Давайте вылезайте! — крикнул он, затем сунул пальцы в рот и резко свистнул.

В ответ из тендера донесся писк и визг. Затем из люка вниз по пандусу с грохотом посыпались животные. Колыхались розовые, черно-белые и серые спины, копыта дробно стучали по перфорированному металлу.

— Свиньи! — сердито воскликнул губернатор, перекрикивая визг. — Неужели на борту корабля нет никого, кроме свиней?

— Есть еще я, сэр, — сказал человек, останавливаясь перед губернатором. — Вурбер меня звать, Брон Вурбер, а это мои хрюшки. Ужасно рад с вами познакомиться.

Пылающий взгляд губернатора Хейдина прожег дорожку в грязи и медленно, дюйм за дюймом, поднялся на стоящего перед ним парня, отметив высокие резиновые сапоги, грубые изжеванные брюки, тяжелую потертую, когда-то красную куртку, широкое улыбающееся лицо и ясные голубые глаза. Заметив в волосах поросячье фермера соломинки, губернатор поморщился и проигнорировал протянутую руку Вурбера.

— Тебе чего здесь надо? — рявкнул он.

— Участок. Хочу завести свиноводческое ранчо. Это будет единственное такое ранчо на пятьдесят световых лет вокруг — ей-Богу, не хвастаюсь, честное слово. — Он вытер правую руку о куртку и медленно протянул ее снова. — Звать Вурбер, многие зовут меня Брон, такое у меня имя. Кажется, я не рассыпал вашего.

— Хейдин, — сказал губернатор, неохотно протягивая руку. — Я здешний губернатор. — Он рассеянно посмотрел на откормленных, похрюкивавших свиней, которые бродили вокруг.

— О, я так рад встретиться с вами, губернатор. Наверное, у вас тут очень важная работа, — сказал Брон, радостно тряся руку Хейдина.

Зеваки стали расходиться. Одна из свиней — здоровенная круглая хавроня — подошла к ним слишком близко, и какой-то человек, повернувшись, дал ей пинка подкованным ботинком. Свинья помчалась по полу, визжа, как свихнувшаяся электропила.

— Эй ты, полегче! — крикнул Брон через спины своих питомцев.

Сердитый абориген погрозил Брону кулаком и пошел вслед за приятелями.

— Очистить площадку! — проревел голос в динамиках тендера. — Старт через минуту. Повторяю, до старта осталось шестьдесят секунд.

Брон свистнул снова и ткнул пальцем в сторону рощицы на краю поля. Свиньи взвизгнули в ответ и затрусили в указанном направлении. Грузовики и легковушки разъехались, и когда стадо — с Броном и губернатором в центре — достигло края поля, на месте осталась лишь машина губернатора. Брон хотел что-то сказать, но его голос потонул в грохоте двигателей и оглушительном реве взлетавшего корабля. Когда шум затих, Брон заговорил снова:

— Я вот думаю: коли вы едете в город, сэр, то не подбросите и меня заодно? Мне бы заполнить заявку на земельный участок и другие бумажки.

— Тебе не следует этого делать, — сказал губернатор, ища предлог, чтобы отвязаться от этого свинопаса. — Твое стадо — ценная собственность, и не стоит оставлять здесь свиней без присмотра.

— Вы хотите сказать, что в вашем городе есть преступники? И даже воры?

— Я этого не говорил, — огрызнулся губернатор. — Люди здесь честные и законопослушные, как и на любой другой планете. Дело, видишь ли, в том, что у нас маловато мясных животных, а вид бегающей свежей свинины...

— Да это же черт знает какие преступные мысли, губернатор. Это лучшее племенное стадо, которое можно купить за деньги, и ни одна из свиней не предназначена для бойни. Вы понимаете, здесь каждый поросенок станет когда-нибудь родоначальником целого стада...

— Только не надо мне читать лекцию о свиноводстве. Меня в городе дела ждут.

— Не смею задерживать хороших людей, — сказал Брон, простодушно и широко улыбнувшись. — Я

поеду с вами, а обратно вернусь пешком. Уверен, мои свинки здесь будут в полной безопасности. Пусть пороются немного в лесочке, корешки покопают.

— Что ж, это будут твои похороны — а может быть, и их, — пробормотал Хейдин, забираясь в электромобиль и захлопывая дверцу. Он посмотрел на залезающего с другой стороны Брона, и его озарила внезапная мысль: — Послушай, а где твой багаж? Ты не забыл его в тендере?

— Как приятно, что вы заботитесь обо мне. — Брон указал на свое стадо, которое разбрелось по опушке и с довольным видом рылось в лесной подстилке. К спине большого борова были привязаны два чемодана, а у свиньи поменьше, что рядом с ним, на боку болтался потрепанный чемоданчик.

— Люди даже не подозревают, насколько полезны свиньи. На Земле их тысячи лет использовали как выночных животных, да-да, сэр. Где только их не использовали. Вот древние египтяне с их помощью сеяли. Знаете, копытца у свиней маленькие, острые, и в мягкой земле они затаптывают семена аккурат на нужную глубину.

Губернатор Хейдин выжал реостат до упора и всю дорогу молча крутил руль, выслушивая буколическое введение в свинологию.

2

— Это и есть ваш муниципалитет? — спросил Брон. — Какая прелесть.

Губернатор нажал на тормоз, и электромобиль, прошуршав по дороге, остановился перед строением. Пыль с немощеной дороги окутала их клубящимся облаком. Губернатор подозрительно уставился на Брона.

— Не дорос еще, чтоб насмехаться, — фыркнул он. — Между прочим, это одно из первых зданий, что мы тут построили, и оно выполняет свои функции, хоть и немного... гм... состарилось.

Состарилось — не то слово, понял Хейдин, впервые за многие годы посмотрев на дом свежим взглядом. Оно стало абсолютно... лохматым. Наружные стены были сделаны из древесно-стружечных панелей. Затем их покрыли пластиком, потом ремонтировали, но нерегу-

лярно. Теперь пластик отвалился, и по всей поверхности курчавились коричневые стружки.

— Я вовсе не насмехаюсь над вашим домом, — сказал Брон, выбирайсь из машины. — На других планетах я видел и куда хуже — кривые, косые, тронуть боишься, чтобы не развалились, такие вот дела. А ваши парни построили хороший крепкий дом. Простоял много лет, и еще несколько протянет. — Он одобрительно похлопал по стене, затем взглянул на ладонь. — Хотя, конечно, не мешало бы его побрить... или постричь.

Губернатор пинком распахнул дверь и вошел, бормоча что-то себе под нос. Брон последовал за ним; улыбаясь с простодушным удовлетворением. Через все здание проходил коридор — в противоположном конце был выход, — а по обе стороны располагались двери. Губернатор открыл дверь с табличкой «Не входить», Брон шел за ним по пятам.

— Да не сюда, болван, — громко возмутился Хейдин. — Здесь мой личный офис. Тебе нужна дверь рядом.

— Ой, очень извиняюсь, — пробормотал Брон, пятясь под твердым нажимом приставленной к его груди руки.

Через плечо губернатора он разглядел скучно обставленное конторское помещение, а сквозь приоткрытую дверь в дальней стене была видна жилая комната. Единственное, что представляло действительный интерес, была съежившаяся в кресле девушка. Она была медно-рыжей, стройной, и, похоже, младенкой. Больше он ничего не мог про нее сказать, ему только показалось, что она плакала, уткнувшись лицом в платок. Дверь перед его носом захлопнулась.

За соседней дверью оказался довольно большой офис, разделенный пополам барьером высотой по пояс. Брон облокотился на крашеные доски и с некоторым интересом принял читать вырезанные на них надписи. В дальней стене открылась дверь, вошла девушка, стройная, рыжеволосая и действительно младенская. Глаза ее были красными от слез. Несомненно, это была самая девушка, которую он видел в офисе губернатора.

— Мне так жаль, что я видел, как вы плачете, мисс, — сказал Брон. — Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Я не плачу, — твердо произнесла она и шмыгнула носом. — Это просто... аллергия, только и всего.

— Тогда сходите к доку, он вам вкатит какой-нибудь укольчик...

— Не изложите ли вы свое дело? Я сегодня очень занята.

— Ладно-ладно, не буду вас отвлекать от этой вашей аллергии и дел. А может, мне к кому другому обратиться?

— Не к кому. Я и эти компьютеры — весь штат губернатора. Так что же вы хотите?

— Хочу оформить заявку на участок, а зовут меня Брон Бурбер.

Она быстро пожала протянутую руку, словно та была раскалена докрасна, и взяла пачку бланков.

— Меня зовут Леа Дэвис. Заполните бумажки и постарайтесь не пропустить ни одного пункта. Если возникнут вопросы, спросите, прежде чем писать. А вы писать-то умеете? — осведомилась она, заметив, с какой сосредоточенностью Брон уткнулся в бумаги.

— Пишу очень понятно, мэм, так что не волнуйтесь.

Он вытащил из кармана рубашки изглоданный огрызок карандаша, добавил пару свежих отметин и принял ся за работу.

Когда он закончил, Леа проверила написанное, сделала несколько исправлений и подала ему пачку карт.

— Здесь все ближайшие участки, которые не заняты; они отмечены красным. Выбирайте подходящий. Конечно, все зависит от того, что вы собираетесь выраживать.

— Свиней, — ответил он и радостно улыбнулся, но не получил ответной улыбки. — Я сейчас поброшу по окрестностям, посмотрю, что к чему, потом вернусь и скажу, нашел ли что подходящее. Спасибо, мисс Дэвис.

Брон сложил карты и сунул толстую пачку в карман брюк. По дороге к своему стаду, ждущему возле космопорта, ему пришлось пройти через центр Троубри-Сити, который городом только назывался. Он шел по единственной улице, неуклюже ступая тяжелыми сапогами и поднимая на каждом шагу облака пыли. Все дома ярко подтверждали правоту выражения, что нет ничего более постоянного, чем временное. Их строили быстро, но не заменяли на более прочные, потому что растущему городу срочно требовались новые. Дома фабричного изготовления и хижины из прессованных плит чередо-

вались с каркасными сооружениями и земляными развалюхами. Последних было много: брали глинистую почву и плотно забивали ею деревянную форму, затем форму разбирали, а стены обивали пластиком, чтобы не размыло дождем. Несмотря на это, многие дома выглядели кривобокими, приплюснутыми и медленно оседали в землю, из которой когда-то поднялись. Брон прошел мимо маленьких складских домиков и гаража. Городские заводики располагались на окраине, а дальше начинались фермы. Впереди виднелась парикмахерская, о чем возвещал вездесущий знак в виде шеста в белую и красную полоску. Ее стену подпирали несколько мужчин.

— Эй, свинопас, — громко сказал один из них, когда Брон проходил мимо, — меняю горячую ванну для тебя на пару свиных отбивных.

Остальные бездельники захочотали, по-видимому, сочтя это очень остроумным.

Брон остановился и повернулся к ним.

— По-моему, — сказал он, — этот городишко страсть как процветает, если может прокормить столько молодых мужиков, для которых нет работы.

В ответ раздалось сердитое бормотание, а самозванный оратор шагнул вперед и заорал:

— Думаешь, что ты большой умник, или как?

Брон не стал отвечать. Он лишь холодно улыбнулся и ударил сжатым кулаком по ладони. Раздался громкий, смачный шлепок. Кулак Брона оказался большим и тяжелым. Мужчины снова прислонились к стене и заговорили между собой, не обращая на него внимания.

— Он хулиган, ребята, и вам следует его проучить, — раздался голос из парикмахерской.

Брон подошел и заглянул в открытую дверь. В кресле сидел человек, который ударил одну из его свиней в космопорту, а за его спиной со счастливым видом хлопотал робот-парикмахер.

— Послушай, приятель, не стоит так про меня говорить, ты же ничего обо мне не знаешь.

— Не знаю и знать не желаю, — сердито отозвался мужчина. — Можешь забирать своих свиней и...

Продолжая улыбаться, Брон протянул руку и нажал на кнопку «горячее полотенце». Упавшее на лицо мужчины дымящееся полотенце заглушило конец фразы. Робот отстриг от него лоскут, после чего вспыхнула

лампочка неисправности, и он замер, громко гудя. Брон двинулся дальше, и никто не встал у него на пути.

— Не очень-то приветливый городок, — пробормотал он себе под нос. — Но почему бы ему таким не быть?

Тут он увидел вывеску «Еда» и зашел в маленькое кафе.

— Отбивных нет, — сообщил бармен.

— Кофе, я хочу только кофе, — сказал Брон, садясь на табурет. — Приятный у вас городок, — заметил он, когда появился кофе.

Бармен буркнул что-то неразборчивое и взял деньги. Брон снова попробовал завести разговор.

— Я хочу сказать, что тут хорошие земли, много шахт и ископаемых. Комиссия по космическим поселениям выдала мне кредит, чтобы я смог приобрести здесь участок. Наверное, так поступили все, кто тут живет. Хорошая планета.

— Мистер, — сказал бармен. — Я не разговариваю с вами, а вы не разговаривайте со мной, хорошо?

Не дожидаясь ответа, он отвернулся и принялся начищать ручки автоматического шеф-повара.

«Приветливые люди, — сказал себе Брон, шагая по дороге. — У них есть все, что может понадобиться, — и все же никто не выглядит счастливым. А та девушка все-таки плакала. Что же на этой планете не в порядке?»

Засунув руки в карманы и посвистывая, он шел, оглядываясь по сторонам. До космопорта было недалеко: он располагался рядом с городом — просто расчищенная площадка и контрольная башня.

Подходя к роще, в которой остались животные, Брон услышал резкий сердитый визг. Он ускорил шаг, визг повторился — Брон побежал. Некоторые из свиней продолжали беззаботно пасть, но большинство собралось вокруг высокого дерева с густой кроной и короткими ветками. От стада отделился боров и клыками отодрал от ствола метровую полосу коры. С вершинами донеслись слабые крики о помощи.

Брон просвистел команды, подергал за хвосты, раздал несколько тычков в толстые бока и в конце концов заставил свиней разойтись. Как только они принялись выкапывать корешки и обедать с кустов ягоды, он задрал голову и крикнул:

— Эй, кто там, наверху? Можешь слезать, опасности нет.

Дерево затряслось, посыпались кусочки коры, и сверху стал медленно спускаться высокий тощий мужчина. Он замер над головой Брана, крепко держась за ствол. Его брюки были порваны, а на одном из ботинок недоставало каблука.

— Кто вы такой? — спросил Брон.

— Это ваши животные? — сердито отозвался человек. — Их всех надо пристрелить. Они злобно на меня напали и убили бы, если бы я не влез на дерево...

— Кто вы такой? — повторил Брон.

— ...Злобные и неуправляемые. Если вы не в состоянии с ними справиться, то я об этом позабочусь. У нас на Троубри есть законы...

— Если вы не заткнетесь и не скажете, кто вы такой, мистер, то можете оставаться на дереве до тех пор, пока не рассыпетесь, — спокойно сказал Брон. Он показал на большого борова, который лежал в трех метрах от дерева, поглядывая на него маленькими красивыми глазками. — Мне ничего не придется делать, свиньи сами с вами справятся. Это у них в крови. Пекари в Мексике загоняют человека на дерево, а потом по очереди караулят, пока тот не умрет или не упадет. Эти животные никого не атакуют без причин. А причина, по-моему, в том, что вы попытались поймать одного из пороссят, потому что ощутили страстное желание отведать свежей свинины. Кто вы такой?

— Вы называете меня лгуном? — завопил человек.

— Да. Кто вы такой?

Боров подошел к дереву, потерся о ствол и утробно хрюкнул. Мужчина вцепился в ствол обеими руками, сразу потеряв весь гонор.

— Я... Реймон, здешний радист. Я был в башне, сажал тендер. Когда он улетел, я сел на велосипед и поехал в город. Потом увидел свиней и остановился, просто посмотреть, а они на меня напали. Без всякой причины...

— Хватит заливать, — сказал Брон. Он присел и стал почесывать борову бок. Тот прижал к голове уши и довольно хрюкнул. — Вам очень нравится сидеть на дереве, мистер Реймон?

— Ну хорошо, я наклонился, чтобы потрогать одну из ваших грязных свиней, — не спрашивайте меня зачем. Тогда на меня напали остальные.

— Это уже больше похоже на правду, и я не стану мучить вас глупыми вопросами вроде: почему это у вас возникло страстное желание погладить грязную свинью? Можете слезать и ехать дальше.

Боров махнул хвостом и скрылся в подлеске. Реймон опасливо спрыгнул на землю и отряхнулся. Он оказался темноволосым статным мужчиной, черты его лица портили плотно сжатые от злости губы.

— Вы еще услышите обо мне, — бросил он через плечо, уходя.

— Сомневаюсь, — отозвался Брон.

Он вышел на дорогу и дождался, пока электровелосипед с гудением не покатил к городу. Только тогда он вернулся и, свистнув, подозвал к себе стадо.

3

В ухе Брона зазвучал негромкий металлический звон, который становился все громче и громче, пока он его игнорировал. Зевая, Брон протянул руку, снял с мочки клипсу-будильник, выключил его ногтем и сунул в карманчик на поясе. Протирая сонные глаза, Брон ощутил ночную прохладу, над его головой в прозрачном воздухе ярко сияли незнакомые созвездия. До рассвета оставалось еще несколько часов, лес был темен и тих, лишь иногда доносилось похрапывание или глухое похрюкивание спящей свиньи.

Брон вылез из спального мешка, в котором спал не раздеваясь, и натянул сапоги, стоявшие перевернутыми, чтобы не отсырели. Обуваясь, он прислонился к боку Квини. Восьмисотфунтовая свинья приподняла голову и вопросительно хрюкнула. Брон наклонился, приподнял ей ухо и шепнул:

— Я ухожу, но к рассвету вернусь. Со мной пойдет Жасмина. Присмотри за остальными.

Квини издала звук, очень похожий на «угу», и снова улеглась. Брон тихо свистнул, послышался топоток острых копыт маленькой Жасмины.

— Иди за мной, — сказал Брон.

Жасмина двинулась следом, и они вместе вышли из лагеря, бесшумные как тени.

Стояла безлунная ночь, и Троубри-Сити спал в ночной темноте. Никто не заметил две тени, пересекшие городок и скользнувшие к черному ходу здания муниципалитета. Никто не услышал, как беззвучно открылось окно и обе тени исчезли внутри.

Губернатор Хейдин резко сел на кровати, когда в его спальне зажегся свет. Первое, что он увидел, была маленькая розовая свинка, сидящая на коврике возле кровати. Она повернула голову и посмотрела ему в глаза, а потом моргнула. У нее были красивые длинные белые ресницы.

— Очень извиняюсь, что потревожил вас в такое время, — донесся голос Брана от окна, где он провеврал, плотно ли задернуты шторы, — но мне не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о нашей встрече.

— Катись отсюда, свинопас ненормальный, или я тебя вышвырну! — взревел Хейдин.

— Не так громко, Сэр, — попросил Брон. — Вас могут услышать. Вот мое удостоверение.

Он протянул пластиковый прямоугольник.

— Я и так знаю, кто ты такой, так какая разница...

— Но это удостоверение вы не видели. Вы ведь просили Патруль прислать кого-нибудь на планету, правильно?

— Что ты об этом знаешь? — Глаза губернатора расширились. — Ты хочешь сказать, что имеешь к ним какое-то отношение?

— Мое удостоверение, — сказал Брон, постукивая по нему, чтобы привлечь внимание.

Губернатор схватил его обеими руками.

— «СВИН», — прочитал он. — Что это? — И сам ответил на свой вопрос, негромко прочитав следующую строчку: — «Свиные Войска Индивидуального Назначения»! Это что, шутка?

— Вовсе нет, губернатор. СВИН лишь недавно были организованы, сформированы и приведены в готовность. Сведения об их деятельности до сих пор оставались известны только командованию, и их операции считались строго секретными.

— Что-то ты внезапно перестал говорить, как свиной фермер.

— Я свиной фермер, губернатор. Но у меня есть ученая степень по животноводству, докторская степень по галактической политике и черный пояс дзюдо. А свиной фермер я лишь для рабочего прикрытия.

— Выходит, ты — ответ на мой отчаянный запрос Патрулю.

— Совершенно верно. Не могу раскрыть вам секретные сведения, но вы наверняка знаете, как сильно рассеяны силы Патруля в наше время — и будут таковыми в последующие годы. Открытие новой планеты расширяет сферу влияния Земли в линейном направлении, но объем пространства, который должен контролироваться, — это расстояние в кубе.

— А вы не объясните все попроще?

— С удовольствием.

Брон огляделся и, заметив на столе миску с фруктами, взял два круглых красных плода.

— Этот плод — сфера влияния. Если Земля находится в его центре, звездолеты могут лететь в любом направлении до самой его кожицы, а весь его объем должен контролироваться Землей. Допустим, открыта новая планета. Корабль летит от Земли по прямой, вот настолько. — Он раздвинул пальцы на диаметр одного из плодов. — Это линейное расстояние, но Патруль не летает только по прямой. — Он приставил второй плод к первому. — Теперь Патруль должен отвечать за весь объем внутри второго плода, потому что его корабли не всегда летают по одинаковым курсам, а двигаются от планеты к планете. Работа очень большая, и ее становится все больше.

— Я понял вашу мысль, — сказал губернатор. Он посмотрел на плод, потом взял его и положил обратно в миску.

— В этом суть проблемы. Патруль должен действовать между всеми планетами и контролировать такой объем пространства, что его невозможно представить. Когда-нибудь у Патруля будет такое количество кораблей, что они заполнят весь этот объем и на любой призыв о помощи сможет откликнуться крейсер. Но пока следует искать другие способы поддержки. Предложено несколько проектов, и СВИН — один из первых реализованных. Вы видели мой отряд. Мы можем перемещаться на любом виде коммерческого транспорта и действовать без поддержки Патруля. У нас есть

провиант, но при необходимости мы можем обходиться подножным кормом. Мы оснащены так, что способны справиться почти с любой тактической ситуацией.

Хейдин пытался понять, но для него это оказалось слишком сложно.

— Я слышал, о чём вы говорите. И все же... — он запнулся, — у вас всего лишь стадо свиней.

Брон с трудом сдержался, его глаза превратились в щелочки.

— А вам было бы лучше, если бы я приземлился здесь со стаей волков? Вы почувствовали бы себя в безопасности?

— Честно говоря, в таком случае все выглядело бы по-другому. В этом был бы какой-то смысл.

— Да неужели? Несмотря на то что волк — или волки — всегда убегают от взрослого дикого кабана, даже не пытаясь его атаковать? А у меня есть боров-мутант, который сдерет с шести волков шесть драных шкур за столько же минут. Вы в этом сомневаетесь?

— Дело не в сомнениях. Но вы должны признать, что в стаде свиней есть нечто... ну, не знаю... нелепое, что ли.

— Ваше наблюдение далеко не оригинально, — произнес Брон ледяным тоном. — Именно поэтому я взял все стадо, а не только боровов, и именно поэтому я разыгрываю из себя дурака. На меня не обращают внимания, и это помогает расследованию. Потому я и встречаюсь с вами ночью, что не хочу сбрасывать маску раньше времени.

— Это единственное, о чём вам не следует беспокоиться. Наша проблема не связана ни с кем из поселенцев.

— А в чём конкретно ваша проблема? Из ваших слов это не совсем ясно.

Губернатор почувствовал себя неуютно. Он немного помялся, потом снова изучил удостоверение Брона.

— Мне надо его проверить, прежде чем что-то рассказывать.

— Пожалуйста.

На краю стола стоял флюороскоп, и Хейдин тщательно сравнил невидимый в обычных условиях узор с кодовой копией, которую достал из сейфа. Наконец, словно нехотя, он вернул карточку Брону.

— Настоящая, — признал он.

Брон сунул удостоверение в карман.

— Ну, так в чем дело?

Хейдин посмотрел на свинку, которая безмятежно похрапывала, свернувшись на коврике.

— Привидения, — еле слышно выдавил он.

— А не вы ли только что смеялись над свиньями?

— Не надо обижаться, — горячо заговорил губернатор. — Я знаю, что это звучит странно, но тем не менее так оно и есть. Мы называем их — или эти явления — привидениями потому, что ничего о них не знаем. Можно гадать, сверхъестественные они или нет, но что не физические — точно. — Он повернулся к карте на стене и постучал пальцем по окрашенному в желтоватый цвет участку, выделяющемуся на фоне окружающей зелени. — Все происходит вот здесь — на Плато Духов.

— И что же там происходит?

— Трудно сказать — это в основном ощущения. С самого начала заселения планеты, то есть вот уже пятнадцать лет, люди предпочитают не приближаться к плато, хотя оно и лежит почти в окрестностях города. Там, наверху, всех охватывает чувство, что что-то не в порядке. Даже животные его избегают. И кроме того, там совершенно бесследно исчезали люди.

Брон посмотрел на карту, провел пальцем по контуру желтого пятна.

— А его исследовали?

— Конечно, еще в самом начале. Вертолеты до сих пор над ним летают, но не замечают ничего необычного. Но только днем. Никому еще не удалось пролететь, проехать или пройти через Плато Духов ночью и оставаться в живых. Ни одного тела не нашли.

В голосе губернатора слышалась глубокая печаль; без сомнения, он говорил искренне.

— И что-нибудь с тех пор было сделано?

— Да. Мы поняли, что от этого места надо держаться подальше. Это не Земля, мистер Вурбер, хоть и во многом на нее похожа. Это чужая планета с чужой жизнью, а наше человеческое поселение — словно булавочный укол на ее теле. Кто знает, какие... существа бродят там по ночам. Мы поселенцы, а не искатели приключений. Мы поняли, что плато надо избегать, по крайней мере ночью, и с тех пор у нас не было неприятностей.

— Зачем же вы тогда вызвали Патруль?

— Потому что совершили ошибку. Старожилы мало говорят о плато, а многие новички полагают, что их рассказы — всего лишь байки. Некоторые из нас даже начали сомневаться, не изменяет ли нам память. Во всяком случае исследовательская группа решила присмотреть новые участки для закладки шахт, а единственныи нетронутые места вблизи города находились на плато. Несмотря на наши предупреждения, они все же ушли, их возглавлял инженер по имени Хью Дэвис.

— Не родственник ли вашей ассистентки?

— Брат.

— Это объясняет ее беспокойство. И что же произошло?

Зрачки Хейдина расширились от страха.

— Это было ужасно, — выдавил он наконец. — Конечно, мы приняли все меры предосторожности — весь день за ними следовал вертолет, который отметил место их лагеря. Вертолеты были с прожекторами, и мы дежурили всю ночь. У них было три передатчика, и все работали одновременно, чтобы не случилось перерыва в связи. Мы прождали всю ночь — и ничего не случилось. И тут, перед самым рассветом — безо всякой тревоги или предупреждения — передатчики отключились. Мы были там через несколько минут, но все уже кончилось.

То, что мы обнаружили, не поддается описанию. Все — оборудование, палатки, припасы — было уничтожено и разломано. Сломанные деревья и земля были забрызганы кровью, но людей не оказалось, исчезли. Не осталось никаких следов машин или животных — ничего. Мы проверили кровь — человеческая. А клочки мяса были... тоже человеческими.

— Но что-то же должно было остаться, — настойчиво сказал Брон. — Какие-нибудь следы, хотя бы намеки, возможно, запах взрывчатки — или отметки на радаре, раз плато так близко.

— Но мы же не дураки. У нас есть и техники, и ученые. Не было ни следов, ни запахов, и на радаре ничего. Повторяю, ничего.

— И тогда вы решили вызвать Патруль?

— Да. Мы поняли, что сами не справимся.

— Вы поступили абсолютно верно, губернатор. С этого момента я все беру на себя. Собственно, у меня

уже есть очень неплохие идеи насчет того, что произошло.

Хейдин вскочил.

— Не может быть! В чем здесь причина?

— Боюсь, пока рановато об этом говорить. Утром я собираюсь сходить на плато и посмотреть на то место, где произошла трагедия. Не могли бы вы сообщить мне его координаты? И не говорите никому о моем визите, пожалуйста.

— Насчет этого можете не волноваться, — сказал Хейдин, глядя на свинку.

Та встала, потянулась и с громким сопением принюхалась к фруктам на столе.

— Жасмина не отказалась бы от штучки-другой, — сказал Брон. — Вы не возражаете?

— Берите, берите, — безропотно отозвался губернатор и стал записывать координаты и направления под громкое чавканье.

4

Чтобы покинуть город до рассвета, им пришлось поторопиться. Когда Брон с Жасминой подошли к лагерю, небо на востоке посветлело, и животные уже проснулись и зашевелились.

— Думаю, мы останемся здесь по меньшей мере еще на день, — сказал Брон, вскрывая ящик с витаминным кормом.

Квини, восьмисотфунтовая свинья польско-китайской породы, весело хрюкнула, услышав его слова, поддеда пятаком охапку листьев и подбросила ее в воздух.

— Да, здесь у вас, конечно, неплохая кормежка, особенно если вспомнить, сколько времени вы провели на корабле. Я собираюсь немного прогуляться, Квини, и вернусь к вечеру. Присмотри пока за порядком. Кудряш! Мо! — крикнул он.

В ответ из лесу донесся треск сучьев, и через секунду из кустов выскочили две длинные серовато-черные свиньи — тонна костей и мышц на копытах. На пути Кудряша оказалась ветка в три дюйма толщиной, но он не остановился и не свернул в сторону. Послышался резкий треск — и Кудряш подбежал к Брону со сло-

манной ветвью на спине. Брон отбросил ее в сторону и осмотрел свое ударное войско.

Это были боровы, близнецы из одного помета, весившие около полутонны каждый. Обычный дикий кабан весит не более четырехсот килограммов и является самым быстрым, опасным и раздражительным из крупных животных. Кудряш и Мо были мутанты, на треть тяжелее своих диких предков и во много раз умнее, оставаясь в то же время быстрыми, опасными и раздражительными. Их десятидюймовые клыки были покрыты колпачками из нержавеющей стали, чтобы не треснули.

— Мо, я хочу, чтобы ты остался здесь с Квини, а она будет за старшего.

Мо сердито взвизгнул и затряс большой головой. Брон ухватил его за густую щетину между лопатками — боров любил, когда его там чесали — и стал почесывать и трепать. Мо с довольным видом засопел. Он был гений среди свиней. Впрочем, будь он человеком, то считался бы слабоумным — однако он не был человеком. Он понимал простые команды и выполнял их в пределах своих способностей.

— Останься и охраняй, Мо, останься и охраняй. Смотри на Квини, она знает, что делать. Охраняй, но не убивай. Здесь есть чем полакомиться — а когда я вернусь, получишь сахар. Кудряш идет со мной, и все получат сахар, когда мы вернемся. — Отовсюду послышалось счастливое хрюканье, и Квини прижалась к его ноге толстым боком.

— Ты тоже идешь, Жасмина, — сказал Брон. — Хорошая прогулка тебе не повредит. Пойдет еще Мейзи Ослиная нога; ей тоже не мешает размяться.

Жасмина была его «трудным ребенком». Она выглядела поросенком-переростком, на самом деле это была взрослая свинья карликовой породы, одной из тех, что когда-то вывели для лабораторных нужд. В этой породе основным критерием селекции была сообразительность, и Жасмина, вероятно, имела самый высокий интеллектуальный коэффициент из всех свиней, вышедших из стен лаборатории. Но с другой стороны, вместе с интеллектом возрастила и неуравновешенность, почти человеческая истерия, словно ее сознание постоянно балансировало на грани срыва. Если Жасмину оставляли с другими свиньями, она принималась их дразнить и мучить, и нарывалась на неприятности, поэ-

тому Брон всегда брал ее с собой, когда стадо приходилось покидать даже на короткое время.

Мейзи была совсем другой — типичная хорошо упитанная свинья одной из распространенных пород. Она не отличалась особым умом, то есть была нормальной свиньей, зато плодовитой. Некоторые жестокие люди могли бы сказать, что она хороша лишь для бекона. Но она обладала приятным характером и была хорошей матерью: только что она кончила выкармливать свой очередной выводок. Брон взял ее с собой, чтобы дать ей отдохнуть от поросят и сбросить лишний вес: она чересчур располнела в полете.

Брон изучил карты и обнаружил на них старую просеку, которая тянулась почти до самого плато. Он мог пройти со своими свиньями и по открытой местности, но, идя по просеке, они сэкономят немного времени. Брон сориентировал карманный гирокомпас по флюгеру контрольной башни космопорта, а затем определил направление, которое должно было вывести их к просеке. Он взмахнул рукой, и Кудряш, наклонив голову, бросился в кусты. Раздался хруст и треск — великолепный первопроходец прокладывал дорогу там, где ее не существовало.

По поросшей травой дороге, вьющейся среди холмов, шагать было легко. В лагере лесорубов, вероятно, уже давно никто не бывал, потому что на дороге не было видно отпечатков колес. Свиньи рыскали в сочной траве и время от времени, не в силах противиться искушению, хватали кусочек чего-нибудь лакомого. Только Мейзи протестующе повизгивала, жалуясь на непривычную нагрузку. Вдоль дороги иногда попадались деревья, но в основном вокруг расстилались хлебные поля. Около леса Кудряш остановился, повернулся и, взглянув на густые заросли, вопросительно буркнул. Жасмина и Мейзи остановились рядом с ним и уставились в ту же сторону, подняв головы и прислушиваясь.

— Что? Что там такое? — спросил Брон.

Ничего опасного, это ясно, потому что иначе Кудряш уже приготовился бы к драке. Свиньи, с их более тонким слухом, прислушивались к чему-то, чего Брон слышать не мог. Что-то заинтересовало их, но не испугало.

— Пошли, — сказал Брон. — Нам еще далеко идти. — Он подтолкнул Кудряша в бок, но с таким же

успехом он мог бы пнуть каменную стену. Не двигаясь с места, Кудряш пропахал в земле копытом борозду и дернул головой в направлении зарослей. — Ладно, согласен, если ты настаиваешь. Я никогда не спорю с боровами которые весят полтонны. Пойдем посмотрим, что там такое. — Он потрепал густую щетину между лопаток борова, и Кудряш бросился к деревьям.

Не прошли они и пятидесяти ярдов, как Брон сам услышал звук — пискливое вскрикивание птицы или какого-то мелкого животного. Но почему это обеспокоило свиней? И вдруг он понял, что это такое.

— Это ребенок! Он плачет! Вперед, Кудряш!

Воодушевленный Кудряш кинулся вперед и понесся сквозь заросли так быстро, что Брон едва поспевал за ним. Они выбежали на пологий илистый берег темного пруда; крик превратился в громкое всхлипывание. Маленькая девочка, не старше двух лет, стояла по пояс в воде, мокрая и несчастная.

— Держись, сейчас я тебя вытащу! — крикнул Брон, и всхлипывание перешло в рев.

Кудряш встал на краю скользкого илистого берега, и Брон, уцепившись за его крепкую неподвижную лодыжку, наклонился к воде. Девочка потянулась к нему, он подхватил ее свободной рукой и вытянул на берег. Мокрая и несчастная, она сразу перестала плакать, едва он взял ее на руки.

— Ну и что же нам теперь с тобой делать? — спросил Брон, выбравшись на сухое место.

На сей раз он услышал ответ одновременно со свиньями. Издалека доносился непрерывный звон колокольчика. Он показал свиньям, куда идти, и зашагал следом по дороге, проложенной в зарослях Кудряшом.

За лесной опушкой начинался луг. На вершине холма стоял красивый фермерский дом. Возле дома стояла женщина и звонила в большой ручной колокол. Она заметила Брона, вышедшего из-за деревьев, и побежала ему навстречу.

— Эми! — воскликнула она. — Ты цела, малышка! — Она прижала к себе ребенка, не обращая внимания на грязь, потекшую на ее белый передник.

— Нашел ее возле пруда, мэм. Она увязла в грязи и не могла выбраться. По-моему, она всего лишь перепугалась.

— Не знаю, как вас и благодарить. Я думала, что она заснула, и пошла доить коров. Должно быть, выбралась из кроватки...

— Благодарите не меня, мэм, а моих свиней. Они услышали, как она плачет, а я лишь последовал за ними.

Тут женщина впервые заметила животных.

— Какая прекрасная свинья, — сказала она, с восхищением разглядывая круглые бока Мейзи. — Мы держали дома свиней, но когда поселились здесь, то купили коров для молочной фермы. Теперь я об этом жалею. Позвольте мне дать им свежего молока — и вам тоже. Это самое малое, чем я могу вас отблагодарить.

— Большое спасибо, но нам надо торопиться. Мы присматриваем участок для хутора, и мне хотелось бы добраться до плато и вернуться до темноты.

— Только не туда! — с ужасом воскликнула женщина, прижимая к себе девочку. — Туда нельзя!

— Почему нельзя? На карте эти земли выглядят совсем неплохо.

— Нельзя и все... там кто-то есть. Мы стараемся о них не говорить. Их нельзя увидеть. Но я знаю, что они там. Мы когда-то пасли коров на склоне холма, который обращен к плато. И знаете, почему мы перестали это делать? Они стали давать меньше молока — почти вдвое меньше, чем другие коровы. Там происходят странные вещи, очень странные. Можете сходить посмотреть, если надо, но обязательно вернитесь до захода солнца. Вы быстро поймете, что я имею в виду.

— Спасибо, что предупредили, я вам очень благодарен. Ну, раз с девочкой все в порядке, то мы пойдем.

Брон свистнул свиньям, помахал на прощание фермерше и зашагал в сторону дороги. Плато интересовало его все больше и больше. И он то и дело поторапливал свиней, несмотря на тяжелое дыхание и укоризненные взгляды Мейзи. Через час они прошли мимо покинутого лагеря лесорубов — не из-за странных ли событий на плато? — и стали подниматься вверх по склону, заросшему лесом. Здесь был край плато.

Путешественники перебрались через ручей, и Брон дал свиньям вволю напиться, а сам тем временем вырезал себе палку, чтобы было легче одолеть подъем. Мейзи, разгоряченная быстрой ходьбой, с оглушительным шумом плюхнулась в воду, забрызгав Жасмину, и

стала купаться. Привередливая Жасмина гневно взвизгнула и, отбежав в сторону, стала кататься по траве. Кудряш, пыхтя и урча, как довольный жизнью локомотив, сунул пятак под гнилое бревно весом почти в тонну, отодвинул его в сторону и теперь с удовольствием поглощал многочисленных насекомых и прочую живность. Отдохнув, путники двинулись дальше.

Подъем на плато оказался недолгим. Взобравшись наверх, друзья увидели пологую равнину с растущими кое-где деревьями. Брон снова сверился с компасом и показал Кудряшу, куда идти. Кудряш фыркнул и, перед тем как двинуться дальше, пропахал в земле борозду копытом, а Жасмина, повизгивая, прижалась к ноге Брона.

Брон тоже почувствовал что-то неладное и подавил невольную дрожь. Было нечто — как бы это описать? — странное в этом месте. Он не имел понятия, почему у него возникло такое ощущение, но оно возникло. И свиньи, казалось, чувствовали то же самое. Существовала и другая странность: вокруг не было птиц, хотя на холмах внизу их обитало множество. Не было видно и животных. Свиньи, конечно, привлекли бы его внимание к ним, если бы он не заметил.

Брон поборол странное чувство и двинулся вслед за Кудряшом, а две другие свиньи, все еще протестуя, мелкими шажками побежали рядом, стараясь держаться как можно ближе к его ногам. Было ясно, что все ощущали присутствие опасности и были встревожены. Все, кроме Кудряша, потому что любые странные ощущения еще больше раздражали его, и он рвался вперед, полный ярости, рвущейся наружу.

Когда путешественники вышли на открытое место, не осталось сомнений, что они пришли туда, куда хотели. Повсюду валялись сломанные ветви, выдранные с корнем молодые деревца, поляну усеивали обрывки палаток и обломки снаряжения. Брон поднял то, что было когда-то передатчиком, и увидел, что его металлический корпус сдавлен и покорежен, словно его сжимала рука гиганта.

И все время Брон ощущал напряженность и беспокойство.

— А ну-ка, Жасмина, — сказал он, — попробуй взять след. Я знаю, что здесь уже несколько недель

поливали дожди и светило солнце, но какой-нибудь след мог остаться. Давай-ка, понюхай.

Жасмина задрожала, отрицательно покачала головой и снова прижалась к его ноге: он ощутил, как она трястется. У нее наступил один из приступов, и она ни на что не годится, пока он не пройдет. Брон ни в чем ее не обвинял — он в некоторой степени сам был в таком же состоянии. Он дал Кудряшу понюхать один из ящиков. Боров покорно засопел, но его внимание привлекало другое. Пока он нюхал, его глазки бегали по сторонам, затем он обежал поляну кругом, обнюхивая землю, чихая и фыркая от пыли, попавшей в нос. Когда он начал рыть землю клыками, Брон решил, что боров что-то нашел, но это оказался всего-навсего сочный корень. Кудряш стал его жевать — и вдруг поднял голову и насторожился, разом забыв о торчащем изо рта корне.

— Что там? — спросил Брон. Обе другие свиньи тоже смотрели в ту сторону, внимательно прислушиваясь. Их уши дернулись, и внезапно раздался громкий треск, словно что-то большое лезло сквозь кусты.

Внезапность нападения едва не погубила Брона. Треск еще не утих в лесу, когда прямо перед Броном выскочил Прыгун с торчащими из пасти желтыми тридцатисантиметровыми клыками. Брон видел изображения этого вида гигантских сумчатых, живших на планете, но действительность превзошла то, что он представлял. Четырехметровый зверь стоял на задних лапах, и даже знание того, что это не хищник, а клыки нужны ему, чтобы копаться в болотах, нисколько не ободряло. С помощью клыков он расправлялся с врагами, а Брон в данный момент определенно относился к этой категории. Существо прыгнуло вперед и нависло над ним, выставив клыки.

Рыча от ярости, Кудряш удариł зверя в бок. Даже четырехметровое, покрытое коричневым мехом животное не смогло устоять перед полутонным разъяренным боровом: гигант покачнулся и упал на спину. Кудряш дернул головой, вонзил клыки в ногу зверя и распорол ее. С быстрой молнии боров развернулся и повторил атаку.

Прыгун понял, что нарвался на неприятность. Ревя от боли и страха, он побежал обратно как раз в тот момент, когда его приятель, во время схватки продирали-

шийся через лес, появился на поляне. Кудряш снова развернулся на месте и бросился в атаку. Второй Прыгун — этот, судя по размеру, был самцом — мгновенно оценил ситуацию, и она ему не понравилась. Его приятелю было больно, и он громко возвещал об этом всему миру — а причиной тому явно было разъяренное злобное существо, с визгом мчавшееся ему на встречу. Недолго думая, второй Прыгун повернулся и исчез за деревьями.

Во время этих событий Жасмина носилась вокруг, ничем не помогая, но явно на грани нервного срыва. Мейзи, не обладавшая быстрой реакцией, стояла, развесив уши и изумленно хрюкая.

Брон сунул руку в карман, чтобы достать успокоительную таблетку для Жасмины, — и тут из кустов почти ему под ноги выползла длинная зеленая змея.

Брон застыл на месте, наполовину вынув руку из кармана, потому что знал: он смотрит в лицо смерти. Это был «ползучий ангел», самая ядовитая змея на Троубри, и более ядовитая, чем любая из змей Земли. Она так же обожала мясо, как и удавы, — потому что охотилась на их манер — но обладала и острыми зубами и полными яда железами. Змея возбужденно покачивалась из стороны в сторону и готовилась напасть.

Упитанная, розовая Мейзи, заботливая мамаша, не обладала рефлексами и темпераментом, необходимыми для того, чтобы одолеть атакующего зверя вроде Прыгунов, но змея — совсем другое дело. Мейзи взвизгнула и бросилась вперед, с удивительной ловкостью передвигая свое массивное тело.

Завидев приближающуюся массу колышущейся плоти, змея нанесла удар, мгновенно отклонилась назад и ударила снова. Мейзи, пыхтя от усилий, повернула голову, еще раз взвизгнула и стала наступать на изготавливавшуюся к атаке змею. Та громко зашипела и снова сделала бросок, вероятно, удивляясь какой-то частью своего недоразвитого мозга, почему ее обед не падает замертво, чтобы его можно было наконец съесть. Если бы она знала о свиньях немного больше, то вела бы себя совсем по-другому. Вместо этого она атаковала опять; к этому времени яд у нее почти кончился.

Хотя Мейзи не принадлежала к породе, отличающейся особо толстым слоем жира, самки этой породы все же довольно жирны. Мейзи же была толще обыч-

ного. Ее окорока — так некие грубые личности могли бы обозвать ее бедра — были покрыты толстым слоем жира. А в жировой прослойке кровеносных сосудов нет. Там и остался змеиный яд, откуда он не мог попасть в кровь и повредить свинье. Со временем организм нейтрализует его и выведет. Змея атаковала снова — но безуспешно, поскольку яд у нее совсем кончился. Мейзи подалась вперед и ударила ее копытом — надежным и острым орудием. Как змеям может нравиться убивать свиней, так и свиньям нравится поедать змей. Визжа и тяжело дыша, Мейзи наступила на змею и оттоптала ей голову. Тело еще извивалось, а свинья продолжала топтать, пока змея не превратилась в несколько неподвижных обрубков. Тогда Мейзи остановилась и принялась за еду, урча от удовольствия. Змея оказалась такой большой, что Мейзи поделилась с Кудряшом и Жасминой. Брон ждал, пока они насытятся, потому что это их успокоило бы. Когда исчез последний кусочек, Брон повернулся и зашагал к лагерю. Время от времени он оборачивался и всякий раз убеждался, что спуск с Плата Духов доставляет всей его команде большое облегчение.

5

Когда они вернулись, все стадо встретило их приветственным похрюкиванием. Самые умные вспомнили об обещанных сладостях и в ожидании столпились вокруг Брона.

Брон открыл ящик с минерально-витаминными деликатесами. Раздавая их, он услышал звонок телефона — очень слабый, потому что еще не распаковал ящик, где тот находился.

Заполняя необходимые для приобретения участка бумаги, Брон, конечно, указал и номер своего телефона, поскольку он представлял собой нечто вроде части его имени. Номер присваивали каждому при рождении и на всю жизнь. Компьютеризованные каналы связи позволяли связаться с любым человеком на планете. Но кто мог искать его здесь? Насколько он знал, только Леа Дэвис знала его номер. Он вытащил компактный телефон — размером не более ладони, с батарейкой, которой хватало на всю жизнь, — и выдвинул маленький

экран. На экранчике появилось цветное изображение, а из динамика донесся статический шум.

— Надо же, я только что думал о вас, мисс Дэвис, — сказал он. — Вот это совпадение!

— Еще бы, — ответила она, еле шевеля губами, словно выдавливая из себя слова. Она была красивая девушка, но сейчас выглядела измученной. Смерть брата сильно повлияла на нее. — Мне необходимо встретиться с вами... мистер Вурбер. Как можно скорее.

— Так рад вас слышать, мисс Леа. Мне просто не терпится вас увидеть.

— Мне нужна ваша помощь, но нас не должны видеть вместе. Можете вы прийти, как стемнеет, один к черному ходу муниципалитета? Я вас там встречу.

— Я там буду — можете на меня положиться, — сказал он и отключил телефон.

Что это значит? Может, девушка знает что-то, что неизвестно никому? Вполне возможно. Но почему она обратилась к нему? Разве что губернатор рассказал ей, кто он такой — что очень вероятно, потому что она его единственная помощница. К тому же очень привлекательная, когда не плачет. Накормив стадо, Брон вытащил из чемодана чистую одежду и бритву...

Брон ушел в сумерках, и Квини, приподняв голову, наблюдала, как он уходил. Она оставалась за главного, пока хозяин не вернется, — все свиньи знали об этом — а Курдяш и Мо были готовы справиться с любыми неприятностями, если они возникнут. После дневных приключений Курдяш спал, спокойно посапывая; рядом с ним спала усталая Жасмина. Все в порядке.

Подойти к муниципалитету со стороны неосвещенного черного входа не составило труда, потому что предыдущим вечером он уже проделал это. Все же беготня и недосыпание сказывались, и он зевнул, прикрыв рот кулаком.

— Мисс Леа, вы здесь? — негромко позвал он, толкнув незапертую дверь. В здании было темно, и Брон остановился на пороге.

— Да, я здесь, — послышался ее голос. — Заходите.

Брон распахнул двери и вошел — и тут же получил сильный удар по голове, боль от которого на мгновение лишила его сознания. Он попытался что-то сказать, но не смог, и только поднял руку. Новый удар обрушился

на руку, которая сразу онемела и бессильно повисла. Третий удар погрузил Брон в глубокий мрак.

— Что случилось? — спросило колышущееся розовое пятно.

Брон поморгал. Наконец ему удалось разглядеть встревоженное лицо губернатора Хейдина.

— Это вас надо спросить, — хрипло отозвался Брон.

Он почувствовал сильную боль в голове и едва не потерял сознание снова. К его шее прикасалось что-то влажное и холодное. Брон протянул руку и нашупал ухо Жасмины.

— По-моему, я велел убрать отсюда свинью, — произнес чей-то голос.

— Пусть останется, — с трудом произнес Брон, — и расскажите мне, что же произошло.

Он с предельной осторожностью повернул голову и обнаружил, что лежит в офисе губернатора. Рядом стоял похожий на доктора джентльмен со строгим лицом, на груди которого болтался стетоскоп. В дверях толпились еще несколько человек.

— Мы нашли вас здесь, — сказал губернатор. — Это все, что нам известно. Я работал у себя в офисе, когда услышал вопли — как будто девушка кричит от сильной боли. Ужасные были вопли. Люди, которые стоят здесь, услышали крики с улицы, и мы все прибежали сюда. И нашли вас возле задней двери — без сознания, с разбитой головой, а эта свинья стояла рядом и вопила. Никогда бы не подумал, что животное способно издавать подобные звуки. Оно никого к вам не подпускало — стояло и весьма угрожающе скалило клыки. Когда пришел доктор, она немного успокоилась, и в конце концов позволила ему подойти.

Брон быстро обдумал ситуацию — по крайней мере, насколько быстро он был в состоянии это сделать, когда тупая боль раскалывала затылок.

— Тогда вы знаете столько же, сколько и я, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы выяснить кое-что о моих бумагах по поводу земельного участка. Дверь была заперта, и я подумал, что, может быть, смогу войти с черного хода, если в здании еще кто-нибудь есть. Я

вошел через заднюю дверь, и что-то ударило меня. Больше я ничего не помню. А потом я очнулся здесь. Наверное, мне надо благодарить Жасмину. Наверное, она пошла за мной и увидела, как мне врезали. Тут она, должно быть, завизжала — вы же слышали — и наверняка тяпнула за лодыжку того, кто меня ударил. Зубы у свиней — дай Боже. Вероятно, она испугала его, кто бы это ни был. — Брон застонал; это было нетрудно. — Дали бы вы мне что-нибудь от головы, док.

— Есть вероятность сотрясения мозга, — сказал доктор.

— Я рискну, док: лучше небольшое сотрясение, чем две половинки моей головы.

Когда доктор закончил свое дело, а толпа разошлась, боль в голове стала вполне терпимой. Брон погладил ссадину на руке, которую только что обнаружил. Он подождал, пока губернатор закроет и запрет дверь, и лишь тогда заговорил:

— Я не все вам рассказал.

— А я и не думал, что все. Так что же произошло?

— Меня ударил один или несколько неизвестных — тут я сказал правду. Если бы Жасмина не проснулась, не обнаружила, что меня нет, и не впала бы в истерику, я, вероятно, сейчас был бы уже мертв. Это была ловко подстроенная ловушка, и я угодил прямо в нее.

— Что вы имеете в виду?

— То, что в этом замешана Леа Дэвис. Она позвонила мне, назначила встречу и ждала меня здесь, когда я пришел.

— Так вы хотите сказать...

— Уже сказал. А теперь попросите девушку прийти сюда, чтобы она сама все объяснила.

Губернатор пошел к телефону, а Брон медленно спустил ноги на пол и решил выяснить, что будет, если он встанет. Ощущение оказалось не из приятных. Он стоял рядом с кушеткой, вокруг медленно вращалась комната, а пол качался, словно палуба корабля. Жасмина прижалась к его ноге и сочувственно застонала.

Когда мебель перестала двигаться, а комната — вращаться, Брон поковылял на кухню.

— Не могу ли я вам помочь, сэр? — спросила автоматическая кухня, когда он вошел. — Не закажете ли вы что-нибудь перекусить?

— Только черный кофе — и побольше.

— Сию секунду, сэр. Но специалисты по питанию утверждают, что кофе вредно пить на пустой желудок. Возможно, сандвич из слегка поджаренных тостов, или котлета-гриль...

— Заткнись! — Голова снова заболела. — Я очень не люблю ультрасовременные роботизированные кухни, которые слишком много болтают. Мне больше по душе старые модели, у которых лишь загорается лампочка «Готово» — и это все, что они умеют говорить.

— Ваш кофе, сэр, — сказала кухня явно обиженным тоном.

Над стойкой распахнулась дверца, и появился дымящийся кофейник. Брон огляделся.

— А как насчет чашки? Или мне придется пить из пригоршни?

— Ах, чашку, ну конечно, сэр. Вы же не сказали, что желаете чашку. — Внутри машины что-то стукнуло, и по наклонной дощечке скатилась щербатая чашка.

«Как раз то, что мне нужно, — подумал Брон. — Темпераментная кухня-робот». Вошла Жасмина, поступивая копытцами по полу. «Надо бы поскорее помириться с кухней, а то как бы мне не влетело от губернатора».

— Раз уж ты заговорила о еде, кухня, — сказал он самым льстивым тоном, какой только смог изобразить, — то должен сказать, что много слышал о том, как ты замечательно готовишь. Не сделаешь ли ты мне яйца по-бенедиктински?

— Секундное дело, сэр, — радостно откликнулась кухня, и через несколько секунд появились дымящаяся тарелка, сложенная салфетка, нож и вилка.

— Чудесно, — сказал Брон, ставя тарелку перед Жасминой. — Никогда не ел ничего вкуснее.

В комнате раздалось громкое чавканье.

— И в самом деле, вы очень быстро едите, сэр, — проворковала кухня. — Наслаждайтесь, наслаждайтесь.

Брон взял с собой кофе, прошел в соседнюю комнату и снова осторожно уселся на кушетку. Губернатор посмотрел на него, держа в руках телефон, и тревожно нахмурился.

— Ее нет дома, — сказал он, — и у друзей нет, я спрашивался. Ближайшие кварталы осмотрел патруль, а я послал общий вызов на все местные телефоны. Никто

ее не видел — и следов ее нигде нет. Быть такого не может. Я попробую вызвать станцию на шахте.

Губернатору потребовалось больше часа, чтобы убедиться, что Леа исчезла. Освоенная часть Троубри занимала небольшую площадь, и любому человеку можно было позвонить. Никто не видел ее и не знал, где она. Она пропала. Брон догадался об этом задолго до того, как губернатор согласился признать сей факт — и знал, что следует делать. Он развалился на кушетке и задремал, положив ноги на теплый бок Жасмины. Маленькая свинка мгновенно заснула, наслаждаясь заслуженным отыхом.

— Она пропала, — сказал Хейдин, закончив последний телефонный разговор. — Как это могло произойти? Она не может иметь никакого отношения к нападению на вас.

— Может — если ее заставили.

— О чём это вы говорите?

— Просто высказываю предположение, но оно имеет смысл. Предположим, что ее брат не погиб...

— Что вы сказали?

— Дайте мне закончить. Допустим, ее брат жив, но в смертельной опасности. И у нее есть шанс спасти его, если она сделает то, что ей приказали, — то есть вызовет меня сюда. Не будем плохо о ней думать: вряд ли она знала, что они хотели меня убить. Должно быть, она стала сопротивляться — вот почему ее увезли.

— Что вы еще знаете, Вурбер? — выкрикнул губернатор. — Расскажите мне все. Я здесь губернатор и имею право знать.

— И вы узнаете, когда у меня будет что сказать, кроме догадок и предположений. Эти нападение и похищение означают, что кому-то очень не по душе мое присутствие, а также то, что я близок к разгадке. Я собираюсь ускорить события, и посмотрим, удастся ли мне застать эти «привидения» врасплох.

— Так вы думаете, что между всем этим и Плато Духов есть связь?

— Я это знаю. Вот почему я хочу, чтобы утром всем стало известно, что я собираюсь завтра отправиться на свой земельный участок. Сделайте так, чтобы все узнали, где он находится.

— Где?

— На Плато Духов — где же еще?

— Это самоубийство!

— Не совсем. У меня есть кое-какие догадки о том, что там произошло, и, надеюсь, способы защиты. Кроме того, со мной моя команда, а они сегодня уже дважды показали себя в деле. Я иду на риск, но рискнуть придется, иначе вряд ли стоит надеяться снова увидеть девушку живой.

Хейдин сжал кулаки, положил руки на стол и задумался.

— Я могу запретить это, если захочу, — но не стану, если вы сделаете все, что я велю. Непрерывная радиосвязь, вооруженная охрана, вертолеты наготове...

— Нет, сэр, большое вам спасибо, но я помню, что случилось с последним отрядом, который пытался пройти на Плато таким образом.

— Тогда я сам пойду с вами. Я отвечаю за девушку. Или вы берете меня с собой, или никуда не пойдете.

Брон улыбнулся:

— Вот это другое дело, губернатор. Мне не помешает лишняя пара рук, а возможно, и свидетель. Этой ночью на Плато будет очень весело. Но только никакого оружия!

— Это самоубийство!

— Вспомните первую экспедицию и делайте так, как я скажу. Я оставлю здесь большую часть своего снаряжения. Думаю, вы сможете договориться, чтобы его перевезли на склад и хранили, пока мы не вернемся. Мне кажется, вы поймете, что всему, что я делаю, есть причина.

6

Брон ухитрился проспать десять часов кряду, потому что чувствовал: еще одну ночь без сна он не выдержит. К полудню пришел грузовик, забрал его вещи и уехал, после чего отряд отправился в путь. Губернатор Хейдин оделся, как и полагается в таких случаях, в подходящую одежду из грубой ткани и охотничьи сапоги, и возглавил процессию. Нельзя сказать, что они шли слишком быстро; приходилось подстраиваться под самого медлительного поросенка, со всех сторон доносилось шумное похрюкивание, а самые шустрые свиньи ухитрялись на ходу перекусить чем-нибудь, растущим на обочине. На сей раз они двигались по тому пути, где прошла первая

экспедиция, — извилистой тропе, которая постепенно взбиралась на Плато, большей частью пролегая рядом с большой мутной речкой. Брон показал на нее пальцем.

— Это та река, что течет с Плато? — спросил он у губернатора.

Хейдин кивнул.

— Та самая. Она начинается вон в тех горах впереди.

Брон кивнул — и бросился на помощь визжавшему поросенку, который ухитрился застрять в расщелине.

Они разбили лагерь перед закатом — на поляне совсем рядом с той, где встретила свой конец предыдущая экспедиция.

— По-вашему, это хорошая идея? — спросил Хейдин.

— Отличная, — ответил Брон. — Самое лучшее место для исполнения наших планов. — Он посмотрел на низко висящее над горизонтом солнце. — Давайте теперь поедим; я хочу, чтобы мы управились со всеми делами до темноты.

Брон установил огромную палатку, в которой ничего не было — точнее, ничего, кроме двух складных стульев и аккумуляторного фонаря.

— Вам не кажется, что обстановка чересчур спартанская? — спросил Хейдин.

— Не вижу смысла в том, чтобы тащить барахло за сорок пять световых лет лишь для того, чтобы его здесь уничтожили. Со стороны видно, что мы разбили лагерь — а это самое главное. Все необходимое снаряжение здесь. — Он похлопал по небольшому пластиковому мешку, висевшему у него на плече. — А теперь давайте пожуем.

Столом послужил пустой ящик из-под свиного корма. Хороший офицер всегда в первую очередь заботится о подчиненных, поэтому прежде всего были накормлены животные.

Брон поставил на стол два саморазогревающихся обеда, пробил в банках отверстия и вручил Хейдину пластиковую вилку.

Было уже почти темно, когда они кончили есть, и Брон высунулся из палатки и свистом подозвал Куря-

ша и Мо. Оба борова примчались на полной скорости и резко затормозили, пропахав борозды в земле.

— Хорошие ребята, — сказал Брон, почесывая щетинистые загривки. Свиньи довольно захрюкали и посмотрели на хозяина. — Знаете, они считают, что я их мать. — Он спокойно ждал, пока Хейдин боролся с выражением на своем лице, побагровев от усилий. — Звучит немного странно, но это правда. Их отделили от остальных поросят сразу после рождения, и я вырастил их сам. Поэтому я «впечатался» как их родитель.

— Их родителями были свиньи. На мой взгляд, вы не очень-то похожи на свинью.

— Просто вы не слышали о «впечатывании», или импринтинге. Известно: если котенок растет вместе со щенками, то он всю жизнь считает себя собакой. Это гораздо больше, чем простая ассоциация, оставшаяся с раннего детства. Здесь действует физический процесс, называемый импринтингом. Он состоит в том, что первое существо, которое животное видит, впервые открыв глаза, огознается им как родитель. Обычно это и есть родитель — но не всегда. Котенок думает, что его мать собака. Эти два огромных борова тоже считают, что я их родитель, несмотря на то что вам это кажется физически невозможным. Я в этом убедился, прежде чем начал их тренировать. Это единственный способ, при помощи которого я могу чувствовать себя среди них в полной безопасности, потому что, какими бы умными они ни были, они продолжают оставаться раздражительными и смертельно опасными животными. Это также означает, что я в безопасности, когда они рядом. Если кто-нибудь станет мне хотя бы угрожать, его разорвут за несколько секунд. Я говорю это для того, чтобы вы не делали глупостей. А теперь не будете ли вы так любезны и не отадите ли мне свой пистолет, который обещали не брать с собой?

Рука Хейдина потянулась к карману брюк и тут же замерла, как только два борова повернулись к нему в ответ на это движение. Брон продолжал чесать им загривки, и капельки слюны стекали у счастливого Мо с кончиков десятидюймовых клыков.

— Он мне нужен для самозащиты, — запротестовал Хейдин.

— Вы будете в большей безопасности без него. Выньте его, только медленно.

Хейдин осторожно вытащил компактный энергетический пистолет и бросил его Брону. Брон поймал оружие и повесил его на крючке возле фонаря.

— Теперь выверните карманы, — сказал он. — Я хочу, чтобы все металлическое осталось на этом ящике.

— Зачем?

— Мы поговорим об этом позднее — сейчас у нас мало времени. Выворачивайте.

Хейдин посмотрел на свиней и начал опустошать карманы, Брон занимался тем же. На ящике появилась коллекция монет, ключей, перочинных ножей и мелкого инструмента.

— Жаль, что ничего нельзя сделать с металлическими крючками на ваших сапогах, но не думаю, что они причинят вам большие неприятности. Сам-то я надел эластичные ботинки.

Было уже темно, и Брон увел своих подопечных в заросли неподалеку, рассеяв их под деревьями в доброй сотне метров от просеки. В палатке осталась только умная Квини, которая тяжело улеглась на землю возле его стула.

— Я требую объяснений, — сказал губернатор.

— Не отвлекайте меня; пока у меня есть только предположение. Если до утра ничего не случится, то вы получите все разъяснения — вместе с извинением. Разве сна не красавица? — добавил он, кивая на массивную свинью возле ног.

— Боюсь, я использовал бы для ее описания другое слово.

— Дело ваше, только не произносите его вслух. Квини довольно хорошо понимает сказанное, и мне не хочется, чтобы она обиделась.

А все из-за непонимания. Свиней называют грязными только потому, что их заставляют жить в грязи. По природе они очень чистоплотные и разборчивые животные. Они могут быть толстыми. У них есть склонность к неподвижности и тучности — совсем как у людей, — поэтому они набирают вес, если хватает еды. И вообще, они гораздо более близки к людям, чем любые другие животные. Они зарабатывают себе язвы и сердечные приступы точно таким же способом, что и мы. Как и у людей, у них нет волос на теле, и даже зубы у них вроде наших.

Да и темперамент тоже. Сотни лет назад древний психолог Павлов, который проводил научные эксперименты на собачках, попытался сделать то же самое со свиньями. Но как только он помещал их на операционный стол, они начинали вырываться и визжать изо всех сил. Он сказал, что у них «врожденная истерия» и снова вернулся к собачкам. Это доказывает, что даже самые умные люди не всегда делают правильные выводы. Свиньи были не истеричными, а всего лишь здравомыслящими, это у собак не хватало соображения. Свиньи реагировали так же, как повел бы себя человек, если бы его попытались связать для быстрой вивисекции... Что там, Квини?

Брон спросил, потому что Квини внезапно подняла голову, насторожила уши и выразительно хрюкнула.

— Ты что-то слышишь? — спросил Брон. Свинья снова хрюкнула и поднялась. — Похоже на шум приближающихся моторов?

Квини очень по-человечески кивнула.

— Скорее в лес — прячьтесь за деревьями! — крикнул Брон, поднимая Хейдина. — И скорее — иначе станете покойником.

Они помчались со всех ног и были уже среди деревьев, когда до их ушей донесся нарастающий вой. Хейдин раскрыл было рот, чтобы что-то спросить, но Брон ткнул его лицом в листья.

На просеке показался воющий и ревущий предмет, заслоняющий звезды. Это было что угодно, только не привидение — но что? Сверху посыпались листья и мусор, и Хейдин почувствовал, как что-то дернуло его за ноги с такой силой, что они подскочили. Он снова попытался о чем-то спросить, но тут Брон свистнул в пластиковый свисток и заорал:

— Кудряш, Мо — в атаку!

В ту же секунду он выхватил из мешка похожий на палку предмет и бросил его на просеку. Он упал, хлопнул и залил все вокруг ослепительным светом.

Темная тень оказалась машиной — что было вполне очевидно: круглая, черная, шумная, не менее трех метров в диаметре, она висела в футе над грунтом, а по ее окружности располагалось несколько дисков. Один из них развернулся в сторону палатки, раздалась серия хлопающих взрывов, и разодранная палатка рухнула.

Прошло несколько секунд, прежде чем с противоположной стороны просеки выскоцили атакующие боровы. Они мчались, как боевые машины, с невероятной скоростью, нагнув головы и быстро перебирая ногами. Один из них врубился в бок машины на долю секунды раньше второго. Раздался металлический лязг и визг поврежденного двигателя, аппарат качнулся, наклонился и едва не перевернулся.

Другой боров, чей ум был так же быстр, как и его рефлексы, мгновенно использовал ситуацию и, с разбегу взвившись в воздух, перепрыгнул через борт в открытую сверху машину. Хейдин был потрясен. Машина уже почти касалась земли: то ли из-за поврежденных двигателей, то ли из-за веса обоих свиней — первое животное тоже вскарабкалось на борт и почти исчезло внутри. Сквозь рев двигателя стали слышны громкие удары, лязг ломающегося металла — и пискливые вопли. Что-то задребезжало и лопнуло, двигатель вырубился с затихающим свистом. Когда он почти замер, стало слышно, как приближается вторая машина.

— Еще одна идет! — крикнул Брон, вскочил и снова свистнул.

Один из боровов высунул голову из обломков машины и спрыгнул на землю. Второй продолжал свою шумную работу. Первый рванулся в сторону приближавшегося звука и очутился рядом с машиной как раз в тот момент, когда та показалась на краю просеки. Он тут же бросился в атаку и ткнул машину клыками. Что-то порвалось, и с бока аппарата свесился длинный лоскут черного материала. Машина дернулась; ее водитель, должно быть, увидел обломки первой, потому что аппарат резко развернулся и исчез в том направлении, откуда прибыл.

Брон зажег вторую осветительную шашку и бросил туда, где лежала сгоревшая первая. Это были двухминутные шашки, а от начала до конца событий прошло еще меньше времени. Брон направился к обломкам машины, Хейдин заторопился следом. Боров спрыгнул на землю и стоял, тяжело дыша, потом вытер клыки о траву.

— Что это? — спросил Хейдин.

— Ховеркрафт — аппарат на воздушной подушке, — ответил Брон. — Теперь они встречаются редко, но когда-то их широко использовали. Они могут пере-

двигаться над любой открытой местностью или водой, не оставляя следов. Но над лесом или сквозь него они не пройдут.

— Никогда не слыхал ни о чем подобном.

— И не могли слышать. С тех пор как стали широко использовать передачу энергии по лучу и емкие аккумуляторы, придумали гораздо лучшие средства передвижения. Но одно время строились ховеркрафты размером с дом. Эти машины — что-то среднее между наземным и воздушным транспортом. Они летят по воздуху, но опираются на грунт с помощью воздушной струи под днищем.

— Вы знали, что такие машины появятся, и поэтому спрятали всех в лес?

— Я подозревал. И у меня были на то очень веские причины.

Брон указал внутрь разбитого аппарата. Хейдин взглянул и отпрянул в ужасе.

— Кажется, я позабыл — думаю, и все остальные тоже, — сказал губернатор. — Я видел инопланетян только на рисунках, поэтому они для меня не очень реальны. Но эти существа... кровь... зеленая кровь. Похоже, они все мертвы. Серая кожа, трубчатые конечности. По тем рисункам, что я видел, возможно, это...

— Сулбани. Вы правы. Одна из трех разумных рас инопланетян, которые мы встречали во время расселения по галактике — и единственная, которая обладала межпространственным двигателем, до того как мы появились на сцене. Они уже успели застолбить свой небольшой уголок галактики и совсем не обрадовались нашему появлению. Мы старались держаться от них подальше и пытались их убедить, что не претендуем на их планеты. Некоторых людей очень трудно убедить. Некоторых инопланетян — еще труднее. Сулбани из них — самые худшие. Подозрительность у них в крови.

Все указывало на их присутствие здесь, на Троубри, но я не мог быть абсолютно уверен, пока не столкнулся с ними лицом к лицу. Использование высокочастотного оружия для них типично. Вы знаете, что если частоту звука поднимать все выше и выше, он становится для человека неслышимым — хотя животные продолжают его слышать. Поднимите еще выше, и животные тоже перестанут его слышать — но смогут ощущать его так

же, как и мы. Ультразвук может делать многие странные вещи.

Он ткнул ногой в один из боковых дисков, похожих на микроволновую антенну.

— Это был первый намек. Они поставили в лесу ультразвуковые излучатели, работающие на частоте, которая не слышна, но вызывает у большинства животных чувство страха и напряженности. Вот откуда взялась та призрачная аура, заставлявшая людей держаться подальше от Плато. — Он просвистел для стада сигнал сбора. — Животные, как и люди, бегут от источника излучения, и они использовали это, чтобы согнать в нашу сторону самых опасных местных животных. Когда же это не помогло, и мы вернулись на Плато, они применили самое мощное оружие. Посмотрите на свои ботинки — и на этот фонарь.

Хейдин охнула. В его ботинках исчезли колечки для шнурков, а из рваных дырок торчали обрывки кожи. Фонарь, как и все металлические предметы погибшей экспедиции, был скручен и искорежен.

— Магнитострикция, — пояснил Брон. — Они излучали переменное магнитное поле огромной напряженности. Эта технология используется на заводах для формования металла, и она столь же успешно работает в поле. После этого дело завершают ультразвуковые излучатели. Даже обычный радар обожжет вас, если стоять с ним рядом, а ультразвук определенной частоты способен мгновенно испарить воду и взорвать органические материалы. Так они расправились с вашими людьми в этом лагере — внезапно налетели и застали их в палатках, набитых снаряжением, которое стало взрываться и ломаться, что помогло выгнать их наружу. А теперь пора идти.

— Не понимаю, что все это значит. Я...

— Потом. Надо поймать того, кто убежал.

На краю просеки, в глубине которой скрылась вторая машина, они подобрали оторванную полосу черного пластика.

— Кусок юбки ховеркрафта, — пояснил Брон. — Она удерживает воздух и создает дополнительную тягу. С его помощью мы их выследим. — Он протянул кусок Квини, Жасмине и другим свиньям, толпившимся вокруг. — Знаете, собаки идут по следу, ощущая рассеянный в воздухе запах, а у свиней нюх такой же, если

не острее. В Англии многие годы использовали охотничьих свиней, и еще их учили искать трюфеля. Они взяли след!

Похрюкивая и повизгивая, вожаки стада побежали в темноту. Двое людей, спотыкаясь, двинулись за ними, а следом — остальные свиньи. Через несколько метров Хейдину пришлось остановиться и связать ботинки полосками, оторванными от носового платка, иначе он не мог бежать. Он держался за пояс Брана, тот, в свою очередь, за толстую щетину на спине Кудряша, и в таком порядке они прорылись через лес. Ховеркрафт приходилось двигаться над открытыми местами, в противном случае эта безумная гонка оказалась бы невозможной.

Когда впереди замаячила темная масса гор, Брон свистком дал команду остановиться.

— Стоять, — приказал он. — Останетесь с Квини. Кудряш, Мо и Жасмина — со мной!

Они медленно двигались вперед, пока трава не уступила место россыпи камней у подножия почти вертикальной стены. Слева в узком ущелье бурлила река.

— Вы же говорили, что эти штуки не летают, — сказал Хейдин.

— Конечно, не летают. Жасмина, след!

Подняв голову и принюхиваясь, маленькая свинка уверенно пробралась между обломками камней и ука зала носом на голую поверхность скалы.

7

— А не может ли здесь оказаться потайной вход? — спросил Хейдин, ощупывая шероховатую поверхность скалы.

— Несомненно, может — но у нас нет времени отыскивать ключ. Идите за ту скалу и ждите там, пока я его не вскрою.

Он вынул из мешка бруски похожей на глину взрывчатки и прилепил их к скале в том месте, куда показала Жасмина. Потом воткнул в один из брусков взрыватель, дернул зажигательное устройство и побежал. Едва он успел броситься на землю рядом с остальными, как в небо взметнулось пламя и под ними вздрогнула земля; сверху посыпался каменный дождь.

Они побежали сквозь тучу пыли и увидели свет, льющийся из узкого отверстия в скале. Боровы бросились вперед и расширили дыру. Войдя в нее, преследователи обнаружили приделанную к скале металлическую дверь, которая поворачивалась и открывала доступ в большую пещеру, где они сейчас стояли. Брон закусил губу и стал разглядывать туннель, ведущий в глубь скалы.

— Что дальше? — спросил Хейдин.

— Об этом я как раз и думаю. Ночью и на открытом месте я бы рискнул выставить своих свиней против сулбани — или даже людей, если на то пошло. Но эти туннели для них — смертельная ловушка. Даже ревность не спасет их от огнестрельного оружия. Однако придется рискнуть. Всем прижаться к стене!

Губернатор повиновался достаточно быстро, но чтобы заставить подчиниться возбужденных боровов, пришлось подергать их за хвосты и несколько раз хорошенко пнуть. Только когда все заняли исходную позицию, Брон повернул рубильник на стене входного шлюза туннеля. Большая металлическая дверь медленно двинулась вверх — и тут же в образовавшееся отверстие с шипением ворвались лазерные лучи.

— Ангар ховеркрафтов, — прошептал Брон. — Поже, что некоторые из них еще здесь.

Боровам не нужно было приказывать. Дрожа от нетерпения, они ждали. Наконец отверстие расширилось настолько, чтобы можно было пролезть. И в то же мгновение обе фурии исчезли в нем.

— Не ломать оружие! — крикнул им вслед Брон.

Лазерный луч снова бешено заметался, потом погас. Изнутри донесся громкий треск.

— Теперь можно войти, — сказал Брон.

В пещере с обработанными стенами они обнаружили тело лишь одного сулбани. Скорее всего это был механик, потому что со стоящего рядом ховеркрафта была снята разорванная юбка, а новая стояла рядом. Брон переступил через труп и поднял лазерное ружье.

— Никогда из такого не стреляли? — спросил он.

— Нет, но не прочь поучиться.

— В другой раз. Я опытный стрелок именно из такого оружия и буду счастлив это доказать. Оставайтесь тут.

— Нет.

— Дело ваше. Тогда следуйте за мной, может быть, я и вам добуду оружие. Пойдем быстрее, пока еще наше преимущество — внезапность.

Осторожно, в сопровождении двух боровов, Брон и Хейдин зашагали по хорошо освещенной пещере. Неприятности начались возле пересечения с другим туннелем. Когда до перекрестка осталось метров двадцать, откуда ни возьмись выскочил сулбани с ружьем наизготовку. Брон выстрелил с бедра, вроде и не целясь, и инопланетянин рухнул на пол туннеля.

— Взять их! — крикнул Брон.

Оба борова метнулись вперед, каждый в свой конец перекрестка туннелей. Брон стрелял поверх их голов, поочередно в каждую сторону, пока воздух не стал потрескивать и светиться от лазерных разрядов. Оба человека побежали вперед, но когда они достигли перекрестка, битва уже закончилась. У Мо был обожжен бок, что, однако, не остановило, а лишь еще больше раздразнило его. Сопя, как паровоз, он разваливал сделанную на скорую руку баррикаду из ящиков и мебели.

— Вот ваше ружье, — сказал Брон, протягивая неповрежденный лазер. — Я поставил его на одиночные выстрелы, мощность максимальная. Надо только прицелиться и нажать на спуск. А теперь пошли. Они уже знают, что мы здесь, но, к счастью, не готовы к битве внутри своего убежища.

Они побежали, рассчитывая на скорость и внезапность, останавливаясь лишь тогда, когда натыкались на сопротивление. Пробегая мимо входа в один из туннелей, они услышали отдаленные крики. Брон остановился и подозревал остальных.

— Слышите? Там. Похоже на голоса людей.

В скалу была вделана металлическая дверь, но луч лазера превратил замок в расплавленную лепешку, и Брон толчком распахнул дверь.

— Я уже думала, что нас никогда не найдут и мы умрем здесь, — сказала Леа Дэвис.

Она вышла из пещеры, ее поддерживал высокий человек с такими же медного цвета волосами.

— Хью Дэвис? — спросил Брон.

— Он самый, — ответил тот, — но давайте отложим более тесное знакомство на потом. Когда они затащили меня сюда, я смог увидеть довольно много.

Самое главное здесь — центральный контрольный пост. Оттуда управляют всем — даже электростанцией, которая находится рядом. Там же и оборудование для связи.

— Я иду с вами, — сказал Брон. — Если пост будет в наших руках, мы сможем отключить энергию и вынудим их действовать в темноте. Моим боровам это понравится. Они проберутся по туннелям и позаботятся о том, чтобы наши знакомые не скучали, пока не прибудет милиция. Оттуда же мы свяжемся с городом.

Хью Дэвис показал на лазерное ружье в руках Хейдина.

— Не одолжите ли вы его мне ненадолго, губернатор? Мне надо вернуть несколько старых долгов.

— Держите. А теперь показывайте дорогу.

Благодаря боровам битва за контрольный пост оказалась недолгой. Почти вся мебель была разломана, но аппаратура вроде бы не пострадала.

— Встаньте пока возле входа, Хью, — сказал Брон, — потому что я умею читать по-сулбански, а вы, вероятно, нет.

Он что-то пробормотал себе под нос, потом удовлетворенно улыбнулся.

— «Цепи освещения» — подпись может означать только это. — Он ткнул кнопочку, и все светильники погасли.

— Надеюсь, что темно стало везде, а не только здесь, — сказала Леа Дэвис из темноты.

— Конечно, везде, — отозвался Брон. — Так, а включение аварийного освещения для этой комнаты должно быть здесь.

На потолке замигали и зажглись редкие синие лампы. Леа громко вздохнула.

— Честное слово, я уже стала волноваться, — сказала она.

Оба борова выжидательно смотрели на Брона, их глазки недобро светились.

— Идите, ребята, — разрешил Брон. — Только постарайтесь не пораниться.

— Вряд ли им это грозит, — заметил Хью, когда два больших зверя пулей вылетели в дверь, дробно стучая копытами. — Я видел, как они работают, и счастлив, что не я объект их внимания.

Отдаленный грохот и вопли подтвердили его слова.

Губернатор Хейдин оглядел ряды контрольных приборов и кнопок.

— А теперь, — сказал он, — когда все успокоились, и непосредственной опасности пока нет, не снизойдет ли кто-нибудь до того, чтобы объяснить мне, что здесь происходит и для чего все это предназначено?

— Шахта. — Хью указал на схему туннелей, висящую на дальней стене. — Секретная урановая шахта, работающая уже много лет. Не знаю, как они вывозили металл, но здесь они его добывали и частично очищали с помощью автоматического оборудования, а пустую породу мололи и сбрасывали в реку.

— Я расскажу, что происходило потом, — сказал Брон. — Когда набиралась партия груза, его поднимали на катере в космос и переносили на звездолет. У суббани весьма обширные планы относительно расширения своей зоны контроля на большие космические пространства. Но им не хватает энергетических металлов, а Земля делает все для того, чтобы ситуация не изменилась. Одна из причин, по которой эта планета была заселена, в том, что она находится вблизи суббанийского сектора, и, хотя нам самим не нужен уран, мы не хотим, чтобы он попал к ним в руки. Патруль и понятия не имел, что они разрабатывают уран на Троубри, — хотя знал, что они где-то его достают, — но не исключал такую вероятность. И когда местный губернатор направил нам запрос о помощи, эти подозрения усилились.

— И все-таки не понимаю, — сказал Хейдин. — Мы бы засекли любой корабль, садящийся на планету, — наш радар работает хорошо.

— Не сомневаюсь, что он прекрасно работает, — но у инопланетян был по крайней мере один сообщник среди людей, который обеспечивал тайну посадок.

— Среди людей!.. — охнул Хейдин. От этой мысли его кулаки сжались. — Невозможно! Предатель человечества. Кто бы это мог быть?

— Это же очевидно, — сказал Брон. — После того, как подозрение насчет вас отпало...

— Меня?!

— Вы были под сильным подозрением — потому что ваша должность идеально этому способствовала. Именно потому я и не был с вами особенно откровенным. Но вы ничего не знали о ховеркрафтах и погибли

бы при их атаке, если бы я не бросил вас на землю, поэтому я вычеркнул вас из списка подозреваемых. Остался единственный человек — радиооператор Реймон.

— Верно, — сказала Леа. — Он позволил мне поговорить с Хью по телефону — а потом заставил меня позвонить вам, угрожая в противном случае убить Хью. Он не сказал, зачем хотел увидеться с вами, я не знала...

— И не могли знать, — улыбнулся ей Брон. — Вряд ли он похож на убийцу и, должно быть, выполнял инструкции суббани, которые хотели избавиться от меня. Он зарабатывал свои деньги, «не видя» их корабли на радаре. И обеспечил нарушение радиосвязи с экспедицией Хью в тот момент, когда на них напали суббани. Вероятно, он записывал нужные сигналы и дал убийцам час или два, чтобы закончить свое дело, прежде чем сообщил, что связь прервана. Это прибавило таинственности всей трагедии. А теперь, губернатор, я надеюсь, что вы дадите благоприятный отзыв об этой операции СВИН.

— Наилучший из возможных, — сказал Хейдин. Он посмотрел на Жасмину, которая пробралась в контрольный пост, и теперь разлеглась у его ног, грызя плитку суббанийского концентрата. — Более того, я почти готов принести клятву не есть свинины до конца своих дней.

Когда офицер-командир смолк, выпускники, после сенсационного молчания, разразились восторженными воплями и стали аплодировать. Но едва офицер поднял руку, шум мгновенно смолк.

— Я понимаю ваш энтузиазм. Именно такие операции принесли Свиным Войскам Индивидуального Назначения секретную славу во всей Галактике. Они отлично выполнили свои задания. Однако, чтобы вступить в СВИН, патрульный должен обладать определенными навыками и склонностями. Как минимум, он обязан любить свиней. В нашей индустриализованной Галактике многие люди никогда не видели вблизи любое животное, не говоря уже о свинье. Кроме того я заметил, что некоторые из вас аплодировали менее востор-

женно. Таким кадетам я могу сказать — не волнуйтесь. Для Специальных поручений отбираются только добровольцы. А таких поручений с лихвой хватит на всех. И если машины вам нравятся больше животных, то и в этом случае вам представится немало возможностей блеснуть своими умениями. Упомянув о машинах, я тут же вспомнил о далекой планете Слагтер и об истории, которая произошла на ней не так давно...

ПАРЕНЬ ИЗ РОБОТ

1

Корпус потрепанного корабля еще подрагивал после удара при посадке, а грузовой люк уже распахнулся. С механическим проворством стрела крана, снабженная на конце клешней, ловко установила на иссохшийся грунт прилавок с многочисленными выдвижными ящичками, затем вытянула цветастый, испещренный заплатками тент и натянула его над прилавком. Так же быстро вслед за ним появились стулья, ящики, роботы, охладитель для воды, кассовый аппарат, плевательница и еще бесчисленное множество всякой всячины.

Словно ненароком, в середине этой бурной активности из люка с дребезгом вывалилась металлическая лестница. По ней, увертываясь от мельтешащих предметов, спустился человек. Он был одет в яркий клетчатый комбинезон, а на голове у него под невероятным углом торчала шляпа с закрутленными полями, известная в древности под названием «дерби». Еще не успев спуститься, он уже обильно вспотел. Звали его Генри Венн, хотя друзья обращались к нему проще — Хенк.

Волоча ноги и отчаянно пыля, он подошел к длинному прилавку, уселся на стул и коснулся клавиши — из динамиков грянула громкая звонкая музыка. Пока он опустошал бумажный стаканчик с охлажденной водой,

музыка смолкла, сменившись записью его собственного голоса, запущенной на максимальную громкость:

— Хватайте, налетайте, покупайте — пока товар горячий, холодный или просто тепленький! Никогда в жизни вы больше не увидите таких машин, домашней утвари или роботов, так ПОКУПАЙТЕ, ПОКУПАЙТЕ, ПОКУПАЙТЕ их, пока они здесь!

Такая назойливая реклама и суета выглядели по меньшей мере странно в этой пустынной местности. В небе полыхало оранжевое солнце, от земли поднимались волны горячего воздуха. Звездолет приземлился в самом дальнем конце посадочного поля космопорта, представлявшего собой не что иное, как расчищенное и огороженное поле. На другом его конце сквозь колышущийся раскаленный воздух едва просматривались контрольная башня и портовые сооружения. На выжженном грунте ничто не шевелилось. Генри приподнял шляпу и вытер носовым платком сначала лоб, потом кожаную ленточку внутри шляпы и снова нахлобучил ее. Громкая музыка рвалась из динамиков и глохла в жаре и бесконечной тишине.

На дальнем конце поля что-то зашевелилось, возникло облачко пыли, которое стало стремительно приближаться к стоящему звездолету, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре у его основания стало заметно темное пятно. Генри оглушил лязгающий рев и окутало облако пыли. Он закрыл глаза. Открыв их, он обнаружил, что темное пятно превратилось в крупного мужчину на одногусеничном мотоцикле, который тормозя пропахал возле корабля борозду. Человек заговорил четко и ясно, и слова его нельзя было понять иначе:

— Залезай в свою жестянку и мотай отсюда.

— Я был бы счастлив подчиниться, — ответил Генри, дружелюбно улыбаясь, — но боюсь, что не смогу. У меня прокладка в дюзее треснула.

Наступило напряженное молчание. Мужчины разглядывали друг друга. Каждый из них был полной противоположностью другому. Человек, оседлавший тракоцикл — разновидность мотоцикла с гироскопическим стабилизатором и мощной гусеницей вместо колес, — был высоким, худощавым и загорелым. Он пристально смотрел на Генри из-под широкополой шляпы, а его правая рука покоялась на рукоятке пистолета

в потертой кобуре на правом бедре. Выглядел он весьма эффектно.

Генри Венн эффектно не выглядел. Он был круглоголиц и улыбчив, а злые языки даже называли его коротышкой. Он растекался по стулу, когда другие сидели прямо. Его влажная от пота рука с нежной белой кожей, потянувшаяся к стаканчику с водой, заметно дрожала.

— Хотите попить? — спросил он. — Хорошая холодная вода. Меня зовут Венн, Генри Венн, а друзья кличут меня Хенк. Боюсь, не рассыпал вашего имени... шериф, — добавил он, прочитав это слово на золотом значке, красовавшемся на широкой груди его собеседника.

— Убери свое баражло в корабль. И уматывай. У тебя есть две минуты, иначе я тебя пристрелю.

— Я с удовольствием выполнил бы вашу просьбу, поверьте мне. Но вот только треснувшая прокладка...

— Поставь запасную. И взлетай.

— Я бы так и сделал — но у меня нет запасной. Вы случайно не знаете, нельзя ли ее раздобыть в порту?

— Уматывай, — повторил шериф, но на сей раз уже не так убедительно.

Было видно, что он размышляет о прокладке и о том, как быстрее спровадить чужака с планеты. Генри воспользовался его мгновенным замешательством и нажал коленом на кнопку на задней стенке прилавка.

— Настоящее старое виски «С-копыт-долой», лучшее в галактике, — проребезжал жестяной голос выскочившего из крышки прилавка робота. Похоже, он был сделан из кусков трубы, а вместо челюстей приспособлены плоскогубцы. В клещеобразных руках он сжимал бутылку с янтарной жидкостью, которую тут же протянул шерифу.

Тот среагировал мгновенно: выхватил длинноствольный пистолет и выстрелил. Когда умолк грохот и рассеялось облако дыма, Генри обнаружил, что от бутылки остались одни осколки.

— Ты что, пытался меня убить? — проревел шериф, направил на Генри пистолет и нажал на спуск.

Генри не шевельнулся, продолжая улыбаться. Курок щелкнул раз, потом другой, третий... Когда палец шерифа устал и щелканье курка прекратилось, шериф отвел

от невозмутимого Генри выпущенные от ужаса глаза, засунул пистолет в кобуру, завел двигатель и рванул прочь, окутанный облаком пыли, которое становилось все больше и больше.

— Ну, так в чем было дело? — спросил Генри неизвестно у кого.

Ему ответил также неизвестно откуда доносящийся хрипловатый голос:

— Индивидуум с оружием огнестрельного типа на-меревался причинить вам вред. Его оружие было изготовлено из стальных сплавов, поэтому я сгенерировал интенсивное локальное магнитное поле, не позволившее внутренним деталям оружия перемещаться, и тем самым вывел его из строя.

— Он решит, что произошло нечто весьма странное.

— Вряд ли. У меня имеется информация, что подобное оружие способно выходить из строя. Подобный выход из строя называется «осечка».

— Я это запомню, — сказал Генри, отхлебывая воду из стаканчика.

— Что вы запомните? — раздался писклявый голос по ту сторону прилавка.

Генри пришлось перегнуться, чтобы увидеть стоящего там мальчишку; его голова приходилась вровень с крышкой прилавка.

— Я запомню, что ты мой первый клиент на этой планете, и потому ты получишь специальный приз Первого Клиента.

Он быстро постучал по кнопкам встроенной в прилавок клавиатуры, и в крышке прилавка появилось отверстие. Робот просунул в него трубчатую руку и ловко вытащил тридцатисантиметровый полосатый леденец на палочке. Мальчик с подозрением оглядел протянутый гостинец:

— Это что такое?

— Специальная сладость. Надо взять ее за палочку и сунуть в рот.

Мальчик мгновенно последовал совету и захрустел леденцом.

— А кто тот человек, который только что отсюда уехал? — спросил Генри.

— Шериф, — буркнул мальчик, не вынимая изо рта леденец.

- А другого имени у него нет?
- Шериф Мордret. Мальчишки его не любят.
- Тут я с ними согласен...
- Что это он ест? — послышался другой голос.

Генри повернулся и увидел мальчика постарше, подростка, появившегося столь же тихо, как и первый.

— Леденец. Хочешь попробовать? Первый бесплатно.

После секундного размышления мальчик утвердительно кивнул. Генри наклонился к нижнему выдвижному ящику прилавка, чтобы не было видно его лица, и что-то прошептал. Мальчики его слышать не могли, но следящие микрофоны корабля уловили его слова с легкостью.

— Это еще что за фокусы? Откуда взялись мальчики? Ты что, заснул на работе?

— Компьютеры не спят, — раздался в его ухе протестующий голос корабля. — Мальчики не вооружены и передвигаются очень осторожно. По моему мнению, они не представляют опасности. Еще пятеро приближаются к кораблю с разных сторон.

Вскоре один за другим они появились возле прилавка и каждый получил бесплатный леденец. Генри нажал кнопку на кассовом аппарате, прозвенел звонок, выдвинулся ящичек для денег, а в окошке появилась надпись: «ПОКУПОК НЕ БЫЛО».

— Такие дела, ребята, — сказал он им. — Нет покупок. Ни одной. Так что, будем брать еще сладости? У меня их целая куча. Игрушки, книги — только назовите, и я их тут же выложу. Бегите домой, разбейте копилки и купите себе робота, карманную радио или...

— Пистолет? — с надеждой спросил парнишка. — Мне бы пистолет не помешал.

— Робби уже большой, ему скоро будет нужен пистолет, — сказал самый маленький, и остальные согласно закивали.

— Извини, но пистолетов у меня нет, — не моргнув глазом, соврал Генри. — А если бы и были, я все равно не продал бы их детям.

— Когда я захочу, мой дядя даст мне пистолет, — сказал Робби, сердито нахмутившись.

Кассовый аппарат весело позвякивал пару минут, пока мальчики обменивали завалывшуюся в карманах

мелочь на всякую всячину, которую обычно покупает ребятня.

— Приятная у вас планета, — сказал Генри, подталкивая через прилавок к Робби стопку озвученных комиксов.

Парнишка стал перелистывать страницы, послышались звуки крошечных взрывов, обрывки диалогов и рев миниатюрных ракетных двигателей.

— Ничего планетка, если коров любишь, — буркнул Робби, увлеченный новыми комиксами больше, чем разговором.

— И много к вам прилетает гостей?

— Ни одного. Здесь, на Слагтере, не любят чужаков.

— Ну, хотя бы один у вас должен был побывать. Я слышал, недавно в вашей системе проходила галактическая перепись. Кажется, у вас ее проводил командор Сергеев.

— Он самый. — С открытых страниц комикса доносились писклявые вопли. — Но он только приземлился — и тут же снова улетел...

Робби умолк и слегка склонил голову. Потом закрыл журнал, положил на прилавок монету и зашагал прочь. Другие мальчики тоже начали расходиться, прихватив покупки, и через несколько секунд никого не осталось.

2

— И в чем дело? — поинтересовался Генри вслух.

— Со стороны космопорта приближается транспортное средство, — ответил компьютер. — Слух у мальчиков более тонкий, и они заметили его раньше.

— Они моложе, и потому могут слышать звуки более высокой частоты, — буркнул Генри. — Теперь и я его слышу. И даже вижу поднятую им пыль. К твоему сведению, умник-компьютер, зрение у меня — единица.

— Я просто отмечаю факты, — с механическим самодовольствием отозвался компьютер.

На этот раз к кораблю с ревом приблизился полу-гусеничный грузовик и со скрежетом остановился, подняв облако пыли, окутавшее Генри с головой. Генри чихнул. Неужели на Слагтере все так ездят.

Из кабины выпрыгнул человек, который вполне мог быть братом или близким родственником шерифа. Такая же широкополая шляпа, стальной взгляд, выщупленная солнцем кожа и пистолет наготове.

— Приветствую вас, незнакомец, — сказал Генри, очередной раз заглядывая в щербатый ствол пистолета. — Меня зовут Генри Венн, но друзья называют меня Хенк. А вас, должно быть, зовут...

В ответ на свой приветливый вопрос Генри получил лишь угрюмый взгляд исподлобья. Он улыбнулся в ответ и сделал еще одну попытку:

— Ладно, не станем сейчас углубляться. Могу ли я что-нибудь для вас сделать? Не желаете ли маленькое транзисторное радио с крылышками, которое будет везде за вами летать и круглые сутки услаждать ваш слух приятной музыкой и...

— Прокладка 30-М3 подходит для фурыкашки, что стоит на ведре с болтами, на котором ты летаешь? — спросил незнакомец.

— Конечно, — просиял Генри. — А вы не знаете, где я могу ее раздобыть?

— Держи. — Незнакомец достал из кузова грузовика длинную керамическую трубку и швырнул ее на прилавок. — Это будет стоить ровно 467 кредитов.

Генри кивнул и открыл ящик кассового аппарата.

— Могу дать вам 3,25 наличными и чек на остальное.

— Только наличные.

— Тогда, боюсь, вам придется подождать, пока я не продам некоторые из моих высококлассных товаров, потому что в данный момент у меня некоторые затруднения с наличностью.

Глаза мужчины сузились, пальцы забарабанили по рукоятке пистолета.

— Тогда вот что. Я согласен на обмен. За эту прокладку ты мне дашь ружья, пистолеты, гранаты, взрыв...

— Мне очень жаль, но я не торгую оружием. У меня, однако, есть несколько первоклассных универсальных роботов.

— Боевых?

— Нет, боевых у меня нет. Но я могу продать вам робота-телохранителя, который не допустит, чтобы кто-либо или что-либо нанесли вам вред. Что вы на это скажете?

— Если он мне подойдет, тогда по рукам. Тащи его сюда.

Генри быстро нажал несколько клавиш на контрольной панели. Робот будет обыкновенным, общего назначения, но его реакции будут специальным образом запрограммированы для этой работы. Он проинструктировал компьютер о том, что хочет получить. Меньше чем через десять секунд сверкающий человекоподобный робот появился в открытом люке над его головой и быстро спустился по лесенке. Он спрыгнул на землю и неуклюже отдал честь.

— Ты робот какого типа? — спросил Генри.

— Я робот-телохранитель. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить от опасности человека или то, что охраняю.

— Вот этот человек — твой хозяин. Охраняй его.

Робот быстро обежал вокруг нового хозяина и, не обнаружив немедленной опасности, встал рядом с ним, настороженно гудя.

— Что-то он не похож на охранника. А как я узнаю, что он работает?

— Я сейчас покажу.

Генри вынул из ящика охотничий нож с длинным лезвием и крепко сжал рукоятку. Затем неожиданно перепрыгнул через прилавок и бросился вперед с криком «Убью! Убью!»

Все кончилось прежде, чем удивленный мужчина успел вытащить пистолет. Робот встал в боевую стойку, схватил Генри за руку и дернул. Нож тут же отлетел в сторону и упал в пыль, а Генри через секунду уже лежал на спине, плотно прижатый к земле ногой робота.

— По рукам, — сказал незнакомец, засовывая пистолет в кобуру. — А теперь заменяй прокладку и уматывай отсюда до заката, а то до рассвета не доживешь.

— Как вы любезны, что предупредили. Но, если позволите, еще одна формальность. Мне нужно знать ваше имя, чтобы внести его в квитанцию о продаже и регистрации робота, — сказал Генри, занося стило над гроссбухом.

Человек изобразил все внешние эффекты глубокого страдания: нахмуренные брови, встревоженный взгляд, искаженное лицо, нервно сжатые пальцы.

— Зачем вам нужно знать мое имя? — подозрительно прощедил он.

— Для соблюдения законности, сэр. Без вашего имени квитанция о продаже не будет считаться окончательно оформленной, и вы не станете официальным владельцем этого прекрасного робота, который сейчас охраняет вас каждой молекулой своего стального естества. Этого робота смогут у вас забрать, снова подвергнув вас опасностям одиночества...

— Сайлас Эндерби, — хрипло прошептал он, обливаясь потом и весь дрожа.

Слова с трудом срывались с его губ, будто он произносил их через силу. Словно устыдившись своего признания, он прыгнул в кабину грузовика и резко завел мотор.

— Все более и более странно, — пробормотал Генри, стряхивая с одежды пыль и наблюдая за грузовичком, уносящимся прочь с его роботом. — Бедный Сайлас вел себя так, словно произнести свое имя вслух — значит нарушить табу. Откуда мог появиться такой странный обычай? — Он поразмыслил над этим, но озарения не дождался, поэтому на время отложил размышления и обратился к компьютеру: — Ты поверил мальчику, что Сергеев покинул эту планету?

— Весьма сомнительно, — ответил компьютер. — Шансы против этого составляют ровно девяносто семь тысяч триста сорок шесть против одного. Командор службы галактической переписи никогда не улетает, бросив свой корабль.

— А корабль его зарыт прямо здесь, на этом поле. Какое до него расстояние?

— Спрятанный корабль находится в пятнадцати футах под поверхностью и ровно в ста тридцати пяти футах шести дюймах к северо-востоку от большого пальца вашей правой ноги. Я установил его точное нахождение перед посадкой, обменявшись информацией с его компьютером. Я решил, что посадка точно над местом захоронения может вызвать подозрение.

— Уверен, что это мудрое решение. Как с туннелем?

— Он завершен. Я послал туннелеукладчик сквозь посадочную опору, и он достиг входного люка другого корабля ровно 3,86 минуты назад. Сейчас он возвращается и прокладывает второй туннель к вашему прилавку.

— Дай мне знать, когда он появится. Я искренне надеюсь, что на этот раз, укрепляя стены туннеля, ты сотворил нечто впечатляющее.

Корабль заговорил вновь после секундной задержки, и это означало быстрый поиск в бесчисленных архивах памяти и столь же быстро сделанные выводы.

— Мое заключение таково, что вы ссыаетесь, отрицательно и (или) иронически, на происшествие на Гильгамеше-IV, то есть на небольшой обвал в туннеле. Я уже объяснял ранее, что это была чистая случайность, вызванная...

— Я слышал твои объяснения. Я просто хочу, чтобы ты мне пообещал, что подобное не повторится.

— Приняты все меры предосторожности, — ответил корабль тоном, который можно было бы назвать обиженным, не будь он, в конце концов, всего лишь машиной.

Генри осушил еще один бумажный стаканчик с водой и постучал по прокладке. Она мелодично зазвенела. Роботы могли бы установить ее в течение часа, но если он притворится, что делает работу сам, то сможет протянуть время до вечера. Надо отыскать способ остаться на планете подольше — он сомневался, что сможет выполнить свою миссию до утра.

— Туннель завершен, — прошептал корабль ему в ухо.

— Хорошо. Приготовься. Я иду.

Он убедительно сыграл свою роль на случай, если за ним наблюдали. Он снова отпил из стаканчика и поставил его на край прилавка. Затем он зевнул, похлопывая по рту ладонью, дабы продемонстрировать, что действительно зевает, а не просто проверяет, насколько широко может раздвинуть челюсти, затем от души потянулся. При этом одной рукой смахнул стаканчик на землю. Он посмотрел вниз, наклонился якобы поднять его и скрылся за прилавком, исчезнув из поля зрения любого наблюдателя на дальнем конце поля.

В задней стенке прилавка распахнулась дверца, и Генри тут же прополз в отверстие, столкнувшись в проходе с самим собой. Тот, кто выполз наружу, был вовсе не им, а гуманоидным роботом, пластилить которого полностью имитировала его внешность, даже двойной подбородок и маленькую родинку. Робот подхватил

бумажный стаканчик и выпрямился, потом уселся на стул. И для неосведомленного наблюдателя Генри остался на своем месте, терпеливо поджидая покупателей.

Настоящий же Генри в этот момент спускался по лесенке в ярко освещенный туннель на глубине примерно двадцати футов.

3

— Похоже, ты научился делать туннели получше, чем в прошлый раз, — сказал Генри.

— Вы правы, — ответил корабль, разговаривая с ним через маленького робота-многоножку с плакатиком в руках. На плакатике была нарисована стрелка, а под ней написано: «К зарытому кораблю». Генри зашагал в указанном направлении.

Разумеется, корабельный компьютер не мог испытывать чувство вины, но он, вероятно, решил, что его действия не были безукоризненными в прошлый раз, когда проплавленный под землей туннель в одном месте обрушился. Новый туннель был полностью облицован сваренными вместе пластинами из нержавеющей стали и укреплен. Свод был достаточно высок, чтобы Генри мог идти в полный рост, а путь ему освещали светящиеся трубы. Из скрытых динамиков звучала негромкая музыка; пластины на полу были рифлеными, чтобы нечаянно не поскользнуться. Туннель, по которому он шел, резко свернул в сторону и соединился с главным туннелем, проложенным между кораблями. Робот-сварщик шагнул в сторону, уступая дорогу, и указал, куда идти, рукой с фонариком на конце.

— ...Закопанный корабль... там... — продребезжал он.

— Неплохо, совсем неплохо, — сказал Генри, особенно восхищенный картинкой зимнего леса, спроектированной на одну из стен.

Туннель уперся в изогнутый металлический бок закопанного корабля, в центре его находился люк. Тяжелый робот склонился над мощной искровой дрелью, прогрызающей в корпусе дыру.

— Ты забыл упомянуть, что нам придется взламывать люк, — сказал Генри.

— Но вы не спрашивали, — ответил корабль через робота с дрелью. — Компьютер на том корабле очень низкого класса и не способен рационально мыслить. По моему запросу он выдал мне навигационные инструкции, потому что он на это запрограммирован, но отказался открыть люк, потому что мы не знаем ключевой фразы. Отсюда вытекает необходимость отстранить его от управления.

В этот момент робот с дрелью закончил работу. Он толкнул вырезанный кусок оболочки немного вперед и, убедившись, что его ничто не удерживает, вытащил его наружу. Со стороны корабля по коридору с гудением прополз крошечный робот. Он был не толще пальца и смахивал на механическую многоножку. Робот волочил за собой кабель, и, когда он карабкался на корпус закопанного корабля, Генри заметил на его переднем конце, чуть выше клюва-резака, похожий на драгоценный камень глазок телекамеры. Он направился прямо к отверстию и исчез внутри, таща за собой кабель.

— Для чего он нужен?

— Для прямого управления, — ответил корабль через возвращающегося обратно робота-сварщика. — Я отключаю компьютер на корабле и беру управление на себя.

Операция явно прошла успешно. Через минуту загудели скрытые моторы, и люк распахнулся. Генри отыскал проходящий через дыру кабель и последовал вдоль него в центральный пост. Тонкий кабель скрывался в смотровом лючке в корпусе компьютера, и, заглянув внутрь, Генри увидел перерезанные провода, среди которых, словно механическая пиявка, висел робот-многоножка. Воздух был свеж, корабль чист — никаких следов пребывания человека.

— Что ты смог выяснить? — спросил Генри.

Ответил компьютер корабля, но Генри знал, что на самом деле говорит его собственный корабль.

— Последняя запись в журнале сделана более одного стандартного года назад — триста семьдесят два дня, если говорить точно. Она гласит: «16.45. Совершил посадку».

— Да, не очень-то он разговорчив, наш командор Сергеев. Должно быть, он сел, сделал запись в журнале, потом отправился на инспектирование. И не вернулся. Есть ли еще информация в памяти?

— Только серия радиопредупреждений, в которых корабль требует не прикасаться к правительенной собственности. Они датированы третьим днем после посадки. Можно предположить, что в тот момент корабль закапывали.

— Возможно. Скорее всего, с командором случилось что-то ужасное — впрочем, для такой «миролюбивой» планеты это дело обычное. Злоумышленники не смогли пробраться в корабль — вот они его и закопали, скрывая улики. Ну, так что?

— Я рекомендовал бы вернуться за прилавок. Сюда быстро приближается транспортное средство.

— Дай изображение!

Засветился навигационный экран, на нем появилось изображение, заснятое одной из телекамер, — уже привычное облако пыли, приближающееся с обычной головокружительной скоростью.

— Я не успею вернуться до их прибытия, так что пусть робот справляется сам.

— Он запрограммирован только на простейшие движения и мимику.

— Тогда подключи меня к его голосовой схеме, это проще всего.

Это и в самом деле оказалось нетрудно. Когда грузовик затормозил и на землю прыгнули несколько человек, гуманоидный робот все еще сидел и ухмылялся.

— Чего желаете, джентльмены? — спросил Генри. — Я торгую только отборным товаром.

Компьютер записывал его слова и задерживал их на 100 миллисекунд, чтобы успеть соответственно подстроить под речь движения челюсти робота. Уловка вроде бы срабатывала, потому что слагтерианцы подошли к прилавку и хмуро уставились на сидящую фигуру. Одним из них был шериф, а остальные весьма смахивали на него комплекцией и одеждой.

— Ты тут начал вопросы задавать? — спросил шериф.

— Кто? Я? — удивился Генри, и палец робота услужливо указал на его грудь.

— Да, ты. Спрашивал о командоре Сергееве?

Едва он это произнес, как над его изображением на экране слева направо поплыла строчка: «ОДИН ИЗ НИХ СЕЙЧАС ОБХОДИТ ПРИЛАВОК СЗАДИ... В ЕГО ПОДНЯТОЙ РУКЕ НАХОДИТСЯ КАКОЕ-ТО ГРУБОЕ ОРУЖИЕ».

— Что-то мне не помнится, будто я называл его имя, — произнес Генри и прикрыл рукой микрофон. — Если они хотят устроить заварушку — пускай. Таким образом мы узнаем больше.

— А по-моему, называл, — сказал шериф, подходя поближе. — Более того, я это точно знаю.

«ВАС УДАРИЛИ ПО ЗАДНЕЙ ЧАСТИ ЧЕРЕПА», — появилось на экране. Изображение переместилось, и Генри увидел, как Генри-робот падает на прилавок.

— О-о-х, — простонал Генри и смолк.

— Теперь вы отключены, — сообщил компьютер.

— А ну-ка, быстренько нашпигуй грузовик «клопами». Мне нужен полный набор устройств и каналов.

Перетаскивая своего предположительно оглушенного и отключившегося пленника, слагтерианцы действовали быстро, почти профессионально. Двое подхватили его под мышки и стащили с прилавка. Третий тут же ухватился за его лодыжки, тело быстро отнесли к грузовику и забросили в кузов. Шериф уже сидел в кабине, нервно давя на педаль, и едва нога последнего из его сообщников оторвалась от земли, грузовик тут же рванулся вперед. От удара по голове до похищения прошли считанные секунды. Они действовали быстро.

И все же роботы двигались быстрее. Тогда как нервные импульсы ползут с черепашьей скоростью в 300 футов в секунду, электроны мчатся со скоростью света, преодолевая за ту же секунду 186 326 миль. И поэтому когда люди еще только склонялись к лежащей фигуре, электронные команды уже открыли в корабле кладовые и хранилища. Когда похитители поднимали свою безжизненную ношу, сотни роботов уже мчались выполнять команду. Самый большой из них был размером с пуговицу, самый маленький — с муравья. Каждый из них направлял управляемый компьютер корабля. Они струйкой просочились по пустотелой посадочной опоре, шмыгнули по туннелю и поднялись внутрь прилавка. На его обращенной к грузовику стенке открылся

лючок, и мельтешащая стайка роботов бросилась наружу. Некоторые из них вскарабкались по гусеницам, некоторые запрыгнули, словно блохи, оставшиеся включили миниатюрные ракетные двигатели и подлетели к своим мишеням. Когда возле грузовика появились слагтерианцы, все роботы уже замаскировались.

— Дай мне картинку — вид спереди, — сказал Генри, откидываясь на спинку пилотского кресла и приготовившись насладиться зрелищем своего похищения.

Экран перед ним замерцал, и на нем тут же появилось снятое крупным планом летящее навстречу облако пыли и мало что интересного.

— Слишком низко. На крыше кабины есть камера?

Изображение сменилось. С кабины грузовика открылся прекрасный вид на быстро приближавшиеся здания космопорта, но они тут же пропали за кадром, когда грузовик резко свернул и во весь опор рванулся по грязной грунтовой дороге.

— Да, дороги у них, мягко говоря, хреновые. Теперь я понимаю, почему у них вся техника на гусеницах. Надеюсь, ты не терял времени даром и успел одарить «клопами» каждого из них?

— Это уже сделано. В данный момент на каждом индивидууме находится не менее шести датчиков. Их число будет увеличено в зависимости от продолжительности поездки.

— Гм, чем дольше они будут ехать, тем вшивее станут. Интересно, куда они направляются? Они ведь свернули в сторону от города.

— Да.

Дорога то и дело петляла, и внезапно впереди показалось облако пыли, внутри которого что-то двигалось. Не снижая скорости, шериф свернул с дороги и начал по широкой дуге обезжать препятствие, проламываясь сквозь кусты. Обочина оказалась, по крайней мере, ровнее дороги, и камера смогла передать четкую картинку беспорядочно толпящегося стада, которое они обезжали. Генри с удивлением уставился на встревоженно бегающие глаза, вздымающиеся от дыхания бока и широко расставленные остроконечные рога.

— Что это за зверюги, разрази меня гром? — удивленно воскликнул Генри.

Компьютер порылся в своей необъятной памяти и через пару миллисекунд выдал ответ:

— Одна из пород вида *bos domesticus*, бык домашний, предки его земного происхождения. Это животное выведено путем обратного отбора из обычного короткорогого домашнего скота с целью воссоздания первоначальной длиннорогой породы. Та, в свою очередь, была обычной на определенной части суши Земли под названием Соединенные Штаты, особенно в субгеографической категории, представляющей мифологический интерес, под названием Техас. Длиннорогий скот проходит из Испании...

— Достаточно, достаточно. От излишних подробностей у меня начинает болеть голова. Должно быть, эти грозные на вид животные и есть основа местной экономики. Очень интересно. Попробуй-ка подсадить «клопа» той угрюмой личности на тракоцикле, что болтается возле стаи.

— «Стая» — это коллективный термин для обозначения группы птиц. Правильным термином применительно к скоту является «стадо»...

— Так ты работаешь или читаешь мне лекцию?

— Приказанная операция уже завершена.

Их внимание прервала внезапная перестрелка, за которой последовал резкий взрыв. Экран заполнило выброшенное взрывом облако пыли, потом он погас.

4

— Вряд ли ты сможешь сообщить мне о том, что произошло, — язвительно произнес Генри.

— Я буду счастлив это сделать, — ответил корабль, проигнорировав его интонацию. — Грузовик был сначала обстрелян, а потом подорвался на мине. Я переключаюсь на летающего сверху «клопа».

Это было зрелище абсолютного бардака. Никто из находившихся в грузовике вроде бы серьезно не пострадал, когда тот перевернулся, потому что теперь все они укрылись за его корпусом и сладострастно палили в другую группу людей. Противники шерифа только что сопровождали на тракоциклах стадо. Тракоцикли теперь валялись на земле, а их наездники укрылись за

кочками и вели ответную стрельбу. Трещали выстрелы, скот с ревом и мычанием носился во все стороны, хаос нарастал. Генри-робот валялся в пыли, похожий на сломанную куклу.

Стрельба ненадолго умолкла — вероятно, противники перезаряжали оружие, — и из-за перевернутого грузовика показался белый флаг. Его еще успели пару раз продырявить, и лишь тогда стрельба прекратилась. Один из атакующих крикнул:

— Эй, вы, бросайте оружие, потому что вас, ворюг проклятых, все равно повесят еще до заката.

— Какие еще воры? — отозвался раздраженный голос. — Здесь шериф. Ваш шериф, выбранный в этом месяце. Почему вы нас обстреляли и взорвали наш грузовик?

— А зачем вы пытались украсть наших коров?

— Да не нужны нам ваши коровы. Мы везли пленника. Инопланетянина.

Нападавшие вполголоса посовещались, потом тот же самый голос крикнул:

— Покажите его.

Генри увидел, как «его» приподняли над бронированной стенкой грузовика, и невольно сжался, ожидая града пуль. Но ничего не случилось.

— Ладно, значит, ты и есть шериф. Можешь ехать дальше. Только не пытайся снова красть коров, усек?

— Да как же мы сможем уехать? Вы же перевернули грузовик.

После продолжительных переговоров обе группы наконец сблизились, не убирая рук с рукояток пистолетов, и осмотрели грузовик. Повреждений оказалось немного, очевидно, грузовик был рассчитан на подобное обращение. К кузову привязали веревки и при помощи тракоциклов смогли поставить его обратно на гусеницы. Спутники шерифа снова забрались в кузов, и обе группы расстались, обменявшись на прощание выразительными взглядами.

— Да, гостеприимными ребятами их не назовешь, — сказал Генри, когда поездка продолжилась.

Впереди показались загоны, и грузовик теперь ехал посреди многочисленных стад, пасущихся на огороженных участках. Дорога запетляла между загонами и уперлась в большое здание без окон. Грузовик резко затор-

мозил, пропахав, как обычно, землю, и когда рассеялось поднявшееся при этом облако пыли, стало видно группу людей, собравшихся возле запертой двери.

Это была самая запертая дверь из всех, что Генри доводилось видеть в жизни, и он уставился на нее с изумлением. Вдоль ее края было приколочено не менее дюжины петель, в каждой из которых висело по замку различной формы и размера. Смысль этой странной конструкции стал ясен лишь после того, как вновь прибывшие присоединились к ожидающим возле двери и начали важную дискуссию. Они встали в круг, каждый стоял на порядочном расстоянии от другого и не снимал руки с висевшего на поясе пистолета. Соглашение было быстро достигнуто — Генри не обращал внимания на разговор, потому что компьютер его записывал и мог в любое время воспроизвести, — и каждый из группы стал по очереди подходить к запертой двери.

И каждый отпирал один из замков.

— Не очень-то они доверяют друг другу, — сказал Генри. — Очевидно, у каждого есть ключ только от одного замка, поэтому чтобы открыть дверь, им надо собраться всем вместе. Какие же секреты могут скрываться за завесой таких предосторожностей?

— Из расположения этого здания совершенно очевидно, что оно содержит...

— Достаточно. Оставь мне хоть немножечко тайны. Ты слишком хладнокровен и расчетлив, компьютер. Неужели ты никогда не желал испытать радости предчувствия, страх, сомнение, любопытство?..

— Благодарю, я прекрасно обхожусь и без них. Машине вполне достаточно удовлетворения от знаний и логических операций.

— Да, могу представить, что так оно и есть. Однако мои приятели зашевелились. Дверь открыта, и они вносят внутрь псевдоменя. Переключись на «клопа» внутри, и мы узнаем, какие же тайны там скрываются.

Камера, должно быть, находилась на шляпе одного из мужчин, потому что картинка хотя и подрагивала на каждом шагу, но была ясной и четкой.

— Бойня, — сказал Генри. — Конечно.

Это была не просто бойня. С того момента, когда стадо направляли в загоны на дальнем конце здания, все дальнейшее происходило автоматически. Уколы элект-

ричества посылали животных в несколько отдельных проходов. Воздух в них наполнял успокаивающий туман из расслабляющих и гипнотических препаратов, и отсюда счастливые животные невозмутимо шли навстречу своему концу. Мгновенно и безболезненно превратившись из животного в говядину, они перемещались механизмами на некое подобие сборочного конвейера, только запущенного задом наперед. В отличие от вертолетов или автомобилей, что собирались из деталей и сходили с конвейера в целом виде, туши животных быстро разбирались на составные части и загружались в холодильники. Вся операция была быстрой, стерильной, безошибочной — и полностью автоматической. За стеклянными стенами изолированных секций не было ни единого человека. Разборочные линии двигались вперед равномерно и бесконечно, и рука человека к ним даже не прикасалась.

И все же должен был существовать какой-то контрольный центр, где располагались управляющие компьютеры и собиралась информация, и именно туда направлялись ковбои-похитители. Шериф отодвинул массивную задвижку, запиравшую металлическую дверь, и Генри-робота внесли внутрь. Не все из пришедших зашли внутрь, и экран несколько раз мигнул, пока компьютер менял камеры и выбирал лучшую картинку.

Все делалось быстро. Когда мужчины вышли обратно, компьютер снова переключился на первую камеру. Шериф запер дверь. Робот остался внутри.

— И в чем же тут смысл? — спросил Генри, и получил ответ, едва успев задать вопрос.

Генри-робот открыл глаза и сел. Взглянув вниз, на металлический браслет, закрепленный на лодыжке, потом осмотрел идущую от него цепь, заканчивающуюся массивным кольцом, ввинченным в стену. Со всех сторон его окружали блоки компьютера и шкафа электронной памяти. В дальней стене помещения находилась дверь, сквозь которую вошел человек, протирая на ходу заспанные глаза. Увидев новичка, он осталбенел.

— Наконец-то! Один из вас попался! — взревел он и бросился вперед. Его пальцы сомкнулись на шее Генри-робота и стиснули ее мертвой хваткой. — Выпусти меня, или я тебя убью!

Экран, теперь показывавший то, что видели глаза робота, был заполнен изображением сердитого лица незнакомца. Его большая черная борода тряслась от усилий, лысина блестела. Генри просигналил компьютеру, решив снова говорить через робота.

— Полагаю, передо мной командор Сергеев?

— У тебя крепкая шея, — процедил Сергеев, сжимая пальцы еще сильнее, хотя его руки уже начали уставать.

— Очень рад встретить вас, хотя предпочел бы, чтобы вы пожали мне руку, а не шею. Если вы посмотрите вниз, то увидите, что я такой же прикованный пленник, как и мы, а придушив меня, вы ничего не добьетесь.

Сергеев разжал руки и шагнул назад. От его лодыжки тоже тянулась цепь и исчезала за дверью, из которой он вышел.

— Кто вы — и что вы здесь делаете? — спросил Сергеев.

— Мое имя Генри Венн, а друзья зовут меня Хенк. Я бедный бродячий торговец подержанными роботами, коварно похищенный мерзавцами, которые населяют эту планету.

— Я почти готов вам поверить — потому что меня тоже похитили. Но вот шея у вас какая-то странная...

По экрану вновь поползли напечатанные компьютером слова: «ПОМЕЩЕНИЯ ПРОВЕРЕНЫ, ОБНАРУЖЕН ТОЛЬКО ОДИН МИКРОФОН... СЕЙЧАС ОН ОТКЛЮЧЕН, И Я ПЕРЕДАЮ ЧЕРЕЗ НЕГО ПСЕВДО-ИНФОРМАЦИЮ ИЗ БАНКА ДАННЫХ».

— Прекрасно, — сказал Генри. — Теперь можно ненадолго отбросить маскировку. Помогите мне встать.

Командор Сергеев внезапно отступил назад и сжал кулаки.

— Вам нечего бояться, — сказал Генри, разговаривая через робота. — Вы командор Сергеев из службы галактической переписи, первый рапорт о вашем исчезновении поступил восемь стандартных месяцев назад. Меня послали вас отыскать.

— Что ж, вы меня отыскали, но кроме этого вам похвастаться нечем.

— Пусть моя внешность вас не приводит в заблуждение. Вот мое удостоверение.

Робот открыл рот, извлек из него пластиковую карточку и протянул командору.

— Ловкий фокус, — сказал тот. — Даже не мокрая.

— А она и не должна быть мокрой. Сейчас вы разговариваете не со мной, а с моей копией. Сам я нахожусь в космопорту. Если вы будете так любезны и рассмотрите удостоверение...

— РОБОТ! И что же это должно означать? Этот большеротый болван-робот сует мне карточку, где написано, что он — робот!

— Будьте добры, прочтите то, что написано пониже мелкими буквами, — терпеливо сказал Генри.

Сергеев вытянул руку с карточкой перед собой и медленно прочитал:

— «Роботизированный отдельный батальон — Омега три. Генри Венн, старший офицер». — Он подозрительно огляделся. — И где же этот батальон? Что это еще за шутки?

— Никаких шуток. Полагаю, как старший офицер галактической переписи вы имели доступ к секретным документам?

— Даже если бы и имел, все равно бы не сказал.

— В этом нет нужды. Вам следует знать, что Патруль просто не в состоянии решить все проблемы соблюдения законности, возникающие в пределах сферы его влияния. Большинство населенных людьми планет достаточно хорошо справляется с этими проблемами сами — но не все. Призывов о помощи, поступающих в Патруль, больше, чем вооруженных кораблей, которым он располагает на данный момент. К тому же угроза вооруженного вмешательства — не ответ на каждую проблему. Именно поэтому было создано несколько специальных подразделений.

— Да, я слышал о СВИН. А у вас нет с собой свиней? — с надеждой спросил Сергеев. — Когда возникает нужда в тяжелой работе, с ними никто не может сравниться.

— Мне жаль, но свиней у меня нет. Но мне кажется, вы скоро убедитесь, что РОБОТ справится с делом ничуть не хуже. Я работаю один, но имею в своем распоряжении самые хитроумные компьютеры, детекторы, аппараты и...

— Перечень меня не интересует. Для начала вытащите меня отсюда.

— Скоро, командор, скоро, — успокаивающе сказал Генри. — Но давайте для начала покончим с небольшой неясностью. Например, как вы стали пленником, и что вы здесь делаете? Вытащить вас отсюда я могу достаточно легко, но ситуация на планете от этого не изменится.

— И пусть не меняется! — Сергеев зашагал из угла в угол, волоча за собой звенящую цепь. — Эта планета — деревенский тупик, и пусть она такой и остается. Местные извращенцы довели дух пограничных планет до абсурда, и ради доказательства принципа «каждый сам за себя» эти индивидуалисты готовы прикончить кого угодно.

— Не очень-то здоровая обстановка, — заметил Генри.

— Да кому до них есть дело? Жителям Форбраджена на них наплевать — а эта планета в принципе принадлежит им. Первоначально они основали здесь свою колонию. А сами живут на четвертой планете здешнего солнца, соседней, если считать от центра системы.

— Знаю. Я побывал там, отыскивая вас. Мне сказали, что вы отправились на Слагтер, хотя вас и предупреждали, чтобы вы не делали этого.

— Мне следовало бы прислушаться к совету. Но тогда я еще воспринимал всерьез Присягу переписи. Это было до того, как меня на год заперли на этой бойне. Вырвавшись из тисков высокониндустриализованной жизни на Форбраджене, прибывшие сюда поселенцы с удовольствием устроили для себя новый образ жизни. Они почти полностью отрезали себя от родительского мира и создали общество, которое, как я вынужден признать, стало самым гнусным из всех, что мне довелось увидеть за шестьдесят семь лет службы в переписи.

— Расскажите мне о нем, пожалуйста.

— А что вы уже знаете? — все еще подозрительно спросил Сергеев. Заточение на механизированной скотобойне не пошло на пользу его чувству юмора.

— Лишь те факты, что лежат на поверхности. Форбраджен — высокоразвитый мир, и Слагтер играет очень важную роль в его экономике. Эта планета иде-

альна для мясного скотоводства, и, очевидно, здесь ничем другим не занимаются. Мясо замораживают, помещают в грузовые капсулы, затем ракетными буксирами выводят на орбиту. Затем другие буксиры выводят капсулы на орбиту в направлении будущей позиции Форбраджена. Мясо совершает межпланетное путешествие за шесть-девять месяцев, в зависимости от относительного расположения планет. Продолжительность его не имеет значения, потому что в пути одновременно находится множество капсул. Когда одна из них запускается здесь, другая уже отлавливается и тормозится на другом конце. Постоянный запас мяса всегда под руками.

— Вы знаете об их соглашении?

— Да. Слагтерианцы загружают мясо в капсулы, и их ответственность за него на этом кончается. Корабли с Форбраджена привозят необходимые потребительские товары, забирают заполненные капсулы и оставляют пустые — но никогда не садятся на планету. Они снабжают Слагтер всем необходимым, но больше не имеют с ним никаких контактов. В целом отношения выглядят взаимовыгодными — пока вы не приглядитесь к планете поближе.

— И это вы говорите мне — ха! Только я, Сергеев, знаю всю правду о ней, и этого достаточно, чтобы кровь застыла в жилах. Было время, когда и я, подобно вам, ни о чем не подозревал и даже смеялся, когда мне рассказывали о Слагтере...

5

— Отношения у нас, можно сказать... особенные, — произнес чиновник, нервно барабаня пальцами по крышке стола.

— Ах, вот как? — отозвался командор Сергеев, стараясь не выказать скуку.

За спиной его собеседника было большое окно с видом на главный космопорт Форбраджена. Он мог видеть и свой корабль, стройный и сверкающий. От него только что отвели заправочные шланги. Ему не терпелось взлететь. Перепись на Форбраджене оказалась детской игрой. Планета была высоко организован-

ной и централизованной, данные о населении заносили в компьютер. Сергеев потратил несколько дней, знакомясь с системой регистрации, пока не убедился, что каждый житель планеты находится в списках. После этого для переписи оказалось достаточно задать вопрос компьютеру, и через микросекунду число жителей планеты было уже напечатано на выходном устройстве, а копия ответа переслана на его корабль. Проще и не бывает. Следующая планета, Слагтер, обещала предложить его вниманию по меньшей мере несколько проблем, так что работа на ней наверняка окажется более интересной. До Сергеева дошло, что чиновник все еще говорит, и он сделал над собой усилие и стал слушать.

— ...Почти все наше мясо, самый большой источник белка для нашего населения. И лишь позднее мы поняли, что у жителей Слагтера сложились некоторые... как бы их получше назвать... экзотические обычай — и мы ничего не можем с этим поделать. Чужаков там терпеть не могут, и наши жители никогда не ступают на их планету. Поэтому мы не сможем предложить вам помочь, если с вами там что-нибудь случится...

— Мы, переписчики, ждем трудностей, — сказал Сергеев, вскакивая и расправляя плечи. — И в помощи не нуждаемся. Если это все, то я отправляюсь выполнить свою работу. Ни дождь, ни метеоритный штурм, ни ночная мгла не могут стать на пути переписчика и помешать ему сделать свое дело.

— Э-э-э, да, тут вы, конечно, правы. В таком случае удачи вам, командор.

Чиновник протянул руку и слегка пожал ладонь Сергеева. Командор, всегда человек действия, привычно стиснул руку собеседника (у того даже хрустнули суставы), четко повернулся и вышел.

День был суматошным, Сергеев радовался, что улетает. Он быстро шел к кораблю, топая тяжелыми ботинками по железобетону. Предотлетные документы уже были подготовлены, он подписался и сунул в карман свою копию. Завершив эту церемонию, он закрыл за собой люк и поднялся на мостик. Яркий глаз корабельного компьютера следил за ним до тех пор, пока он не сел и не пристегнулся. Сосредоточенно нахмутившись, он протянул руку к пульту.

«ПРОЛОЖИТЬ КУРС НА СЛАГТЕР», — написал он на навигационной панели, потом подождал, пока загорится лампочка «готово». Он тут же нажал кнопку с надписью «взлет». Корабль выполнил команду. Компьютеризация весьма облегчала пилотирование и навигацию.

Едва корабль оказался на орбите, Сергеев заторопился в игровой зал, потирая в предвкушении руки. Последние несколько дней, если он не был полностью погружен в работу, он размышлял о Второй битве возле Спика-III. Военные историки приводили эту битву как классический пример ситуации, в которой денебианцы просто обязаны были проиграть. Все теоретики были с этим согласны. Все, но не командор Сергеев. Он сыграет эту битву заново, и на сей раз денебианцы победят.

Сергеев специально модифицировал игровую комнату на корабле, проведя в нее линию связи с компьютером. В памяти компьютера хранились описания всех великих — и большинства мелких — сражений в истории. В игровой комнате все эти сражения можно было провести по новой, причем компьютер воевал за одну сторону, а Сергеев — за вторую. Дополнительный интерес представляло и то, что ход сражения можно было изменять относительно того, что происходило в действительности. Так Сергеев проводил дни и целые недели, прерываясь лишь тогда, когда следивший за его метаболизмом компьютер приказывал ему поесть и поспать.

— Вторая битва возле Спика-III! — крикнул он, едва успев войти.

Свет тут же погас, а весь объем комнаты заполнился символами космических кораблей, подсвеченных слабым светом отдаленной звезды. Он плюхнулся в кресло перед экраном, зловеще усмехнулся и стал отдавать первые приказы.

Он не оторвался от игры даже тогда, когда корабль достиг орбиты Слагтера. Компьютеру пришлось объявить об этом семь раз подряд. Не получив ответа, он выключил игру. Вспыхнул свет, пропали обломки кораблей и вывернутые наизнанку звезды, а Сергеев заморгал и поднял глаза.

— Как только я начал выигрывать, ты выключил игру! — заорал он.

— Вы проиграли битву девятнадцать раз подряд, — невозмутимо заявил компьютер. — Мой анализ текущей ситуации показывает, что вы проиграли бы и на этот раз. Сейчас мы находимся на орбите Слагтера.

— Я мог выиграть, — пробормотал Сергеев, отправляясь переодеваться в свежую форму и снять выросшую на подбородке щетину. — И выиграл бы.

Компьютер произвел посадку с той же легкостью, что и взлет. Воспользовавшись сигналом радиомаяка, предназначенного для наводки кораблей с Форбраджена, они сели в пропыленном и пустынном космопорту. Командор вызвал контрольную башню на обычной космопортовской частоте, но ответа не получил. Нахмурившись, он перепробовал и другие частоты, а под конец даже аварийную. Ответа не последовало.

— Какая невежливость, — прорычал он, — но службу переписи еще никому не удавалось игнорировать.

Он отполировал рукавом козырек фуражки, затем надел ее — точно под тем углом, который требовался по уставу. Удостоверение лежало во внутреннем кармане, церемониальный пистолет болтался на поясе. Он был готов. Службу переписи никто не посмеет игнорировать.

Спустившись до середины лесенки — и уже начиняя потеть в форме из толстой ткани, — он заметил направляющееся к нему облако пыли. Он остановился на последней ступеньке и стал ждать, какой же прием ему здесь окажут.

Действительность оказалась совсем не такой, какой он ожидал. Перед ним резко затормозила какая-то наземная машина, полуколесная и полугусеничная. Двое находившихся в ней вскочили и начали в него стрелять, один из пистолета, а другой из автомата.

Тренированные рефлексы сделали свое дело. Сознание Сергеева еще только оправлялось от шока и заставляло выкрикивать проклятия нападавшим, а боевая выучка уже бросила его на землю и приказала катиться. Перекатываясь с боку на бок, он вытащил из кобуры свой церемониальный пистолет, который, несмотря на его церемониальность, всегда держал вычищенным и заряженным. Это было старомодное крупнокалиберное оружие, стрелявшее реактивными разрывными пулями.

Даже обстрелянный и захваченный врасплох, командр был куда лучшим стрелком. Пули ударяли в грязь возле него и рикошетили от лесенки, почти не причиняя ему вреда.

Первым выстрелом он выбил бронированное стекло кабины. Вторым — вышиб автомат из рук одного из нападавших. Третьим — разнес дверцу и поранил осколками второго стрелка. Четвертым — превратил двигатель в кучу металломолома.

Нападавшие побежали прочь, ошеломленно пошатываясь на бегу. Сергеев поторопил их, всадив несколько пуль под самыми их пятками. Бандиты перешли на резвую рысь и скрылись из глаз.

— Официальный протест вам обеспечен, — прорычал командр, отряхиваясь. — Служба галактической переписи подобное обращение не спускает.

Он осмотрел гусеничную машину и пожалел, что столь основательно вывел ее из строя. До зданий на противоположном конце поля нужно было долго топать по жаре. Пока он обдумывал свое следующее действие, в отдалении показалось новое облако пыли, и он из предосторожности укрылся за обломками грузовичка, опасаясь очередной подлянки.

Подъехавшая четырехколесная машина приблизилась к нему с гораздо меньшей скоростью и остановилась вне пределов досягаемости его пистолета.

— Я один! — крикнул водитель. — И не вооружен. — Он помахал руками, подтверждая свои слова.

— Поезжай медленно вперед, — отозвался командр, держа водителя на прицеле.

Человек действительно оказался один. Он вылез, дрожа от страха, и задрал руки вверх.

— Я шериф, — сказал он. — Хочу с вами поговорить.

— Лучше говорить, чем стрелять, — заметил командр, выходя из-за прикрытия и не убирая руки с рукоятки пистолета в кобуре.

— Я сожалею о том, что случилось, незнакомец, но кое-кто из ребят немного перенервничал. Увидели новичка и все такое. Но я шериф и хочу — как бы это сказать? — официально вас поприветствовать.

— И не только. Я командор Сергеев из службы галактической переписи и прибыл сюда провести на вашей планете перепись.

— Не знаю, есть ли у нас служба переписи, — никогда не слыхал, чтобы у нас кто-нибудь этим занимался...

— Если мы сможем доехать до вашего офиса, который, я надеюсь, снабжен кондиционером, я буду рад вам все объяснить, — ответил командор, стараясь не проявить неприязни. Тупость некоторых обитателей окраинных планет была просто невероятной.

— Что ж, эта идея мне по душе. Если вы сядете в машину, я отвезу вас прямо сейчас.

Поездка оказалась короткой: машина, очевидно, имела только одну скорость — полный вперед — и вскоре они резко затормозили перед рядом обветшалых строений. Шериф прошел сквозь замусоренный холл в офис, командор последовал за ним.

Едва он вошел в дверь, как кто-то выскочил сбоку, обхватил командора и прижал его руки к телу.

Взревев от ярости, командор с силой пнул нападавшего пяткой в лодыжку, высвободился и потянулся к пистолету. Но в этот момент на него накинулись остальные — один скрывался в соседней комнате, другой в шкафу, а третий даже под столом. Они повалили его на пол, не обращая внимания на его вопли и сопротивление. Пистолет вытащили из кобуры, а командора быстро и ловко связали.

— Что все это значит? — закричал он. — Вы хоть знаете, что делаете...

— Еще как знаем, — отозвался шериф, злобно сверкнув глазами. — Наш управляющий на заводе по-мер, а машины не могут вечно присматривать сами за собой. Так что мы нашли для тебя неплохую работенку.

6

— Вот и вся моя история, — воскликнул Сергеев и снова зашагал из угла в угол, волоча за собой звенящую цепь. — С тех пор я тут и торчу. Жертва этих кретинов аборигенов. Я пахал на них, как раб, и жил с реальностью этой системы, этого взбесившегося свободного

предприятия. Здешний народ потрясающе эгоистичен, абсолютно лжив и фантастически ленив. Всю свою жизнь они только и делают, что пасут животных и воюют друг с другом. Форбрадженцы построили эту полностью автоматизированную и саморемонтирующуюся упаковочную фабрику — но местные жители настолько ленивы, что не хотят за ней даже присматривать. Вместо этого они похитили меня, совершенно незнакомого для них человека, и заточили здесь, чтобы я следил за оборудованием.

— А вы не пробовали отказаться?

— Конечно же, пробовал! — взревел Сергеев. — Тогда они перестали приносить мне еду. Теперь я с ними сотрудничаю. Это работа для идиота — сиди себе да наблюдай за стрелками. Машины все делают сами, абсолютно все. Теперь освободите меня, и мы навсегда покинем эту дыру.

— Скоро, уже скоро, — ответил Генри, и компьютер, уловив успокаивающие интонации в его голосе, растянул губы робота в улыбку. — Здесь вы в полной безопасности, и как только я закончу расследование, вы выйдете на свободу...

— Сейчас! Немедленно! — загрохотал Сергеев.

— Вы должны понять, что я несу ответственность не только перед вами, но и перед местными жителями. Не советую снова душить робота — вы ничего этим не добьетесь, лишь выйдете из себя. Нам же предстоит другая работа — сунуть нос туда, где нас не ждут. С этой планетой что-то не в порядке, и я намерен выяснить, что именно. Здесь вы спокойно подождете, пока я завершу свою миссию. Это займет всего лишь несколько дней...

— Вы бросаете меня здесь одного. Вы sveenya, sabah-kah, gloopwy!..

— Боже, как хорошо вы помните родной язык после стольких лет путешествий! В одиночестве вы не останетесь, потому что робот будет постоянно подключен к моему компьютеру. Он сможет петь вам песни или читать книги. Словом, развлекайтесь, пока я не вернусь.

Генри торопливо отключился, потому что командор продолжал кричать и некоторые из слов показались ему хорошо знакомыми.

— К кораблю приближаются три экипажа, — объявил компьютер.

— Замуруй ведущий к прилавку туннель, погрузи прилавок обратно на корабль и запри люк. Охладителем для воды и всем прочим можно пожертвовать.

— Будет сделано, как прикажете.

Генри покинул зарытый корабль и медленно и задумчиво зашагал к своему. Он сосредоточенно хмурился и потому не заметил ни прохладной прелести заснеженного пейзажа, ни мелодичных ритмов негромкой музыки. Кусок туннеля, ведущий к прилавку, был уже засыпан, и робот-сварщик приложивал металлическую пластину на бывший вход. В конце туннеля Генри поджидал одноместный лифт, и едва он встал на платформу, она тут же начала подниматься, сначала сквозь грунт к поверхности, затем через полуую посадочную опору — в корабль.

Войдя в центральный пост, Генри злохнулся в кресло перед экраном и повернул переключатель. Экран засветился, и он увидел прекрасную картинку, передаваемую расположенной высоко на корпусе корабля камерой.

Механическая рука как раз заканчивала погрузку последних из его вещей, и люк вскоре закрылся. Как раз в этот момент три гусеничные машины остановились возле корабля, пропахав в песке борозды, одна из них намеренно раздавила охладитель для воды. Выскочили люди и принялись палить по кораблю. Засверкали вспышки выстрелов. Генри услышал, как где-то внизу о корпус со звоном бьют пули. Но чтобы произвести на корабельный компьютер должное впечатление, им стоило бы прихватить более мощное оружие. Затем некоторые из нападавших собрались в кружок, посовещались, сблизив головы, затем снова забрались в машины и умчались во весь опор.

— Вечно они куда-то мчатся, — сказал Генри. — Наверное, смылись, чтобы задумать новые проказы. — Он загрустил и призадумался. — Мне тоже пора размыслить. С этой планетой явно что-то не в порядке.

Корабль, поскольку его ни о чем не спросили, промолчал, но терпеливо продолжал слушать, мерно дыша струйкой воздуха из кондиционера. Генри хмуро на-

блюдал в иллюминатор, как на краю пыльной равнины садится солнце.

— Я голоден, — сказал он. — Дай мне пищу для моих мыслей. Сваргань-ка мне бифштекс из слагтерской говядины, которой мы запаслись на Форбраджене. Должно быть, она успела здорово постареть, проделав путешествие в столько миллионов миль.

— Бифштекс среднепрожаренный, зеленый салат с чесночным соусом, чесночный хлеб и бутылка лучшего красного вина.

— Все прекрасно, только убери отовсюду чеснок. Он разрушит мой образ для публики, если мне придется с кем-нибудь говорить — или выдаст в темноте мое присутствие, если уж тебе требуется более практический довод.

Обед был подан, когда солнце скользнуло за горизонт, продемонстрировав напоследок красочный набор пурпурных, красно-золотых и зеленых оттенков на закатном небе. Генри наелся и напился, а тяжесть отменной еды в желудке навела его на глубокие размышления.

— Хотя наш друг, командор Сергеев, провел на планете больше года, я все еще продолжаю считать, что его наблюдения неверны. Это место гораздо сложнее, чем он считает. Нет ли в твоих огромных архивах каких-либо сведений о прошлом Сергеева?

— Есть. До перевода в службу галактической переписи он служил в Патруле, был командиром крейсера. Уволен в отставку из-за ранений и по возрасту.

— Прекрасно! Грубоватый и прямой солдат, мало интересовавшийся социологией, антропологией, экзобиологией и прочими «логиями», согласно которым все на свете и происходит. Так что мы проигнорируем наблюдения командора и наберем свои собственные. В этом обществе присутствуют весьма загадочные факты. Подумай сам. Почему дети постоянно и столь успешно избегают взрослых? Не все дети, а только мальчики. И не девочки. Кстати, ни одной женщины я не видел. Почему? И к чему все эти личные замки на дверях бойни?

— У меня слишком мало материала, чтобы ответить на любой из этих вопросов.

— В таком случае мы раздобудем побольше фактов. Для начала взглянем на один из местных домов. Полагаю, ты записывал всю информацию, которую передавал купленный Сайласом Эндерби робот-телохранитель?

— Да.

— Тогда покажи мне дом его хозяина, снаружи и изнутри.

На экране появилась глухая стена здания и начала равномерно приближаться. Впрочем, не совсем глухая. Хотя окон в ней не было, вся она была испещрена узкими отверстиями, похожими на бойницы. Скорее всего, таковыми они и были. Робот проследовал за своим хозяином за угол здания, где обнаружился глубоко утопленный в стену вход, защищенный толстой стеною. Сайлас наклонился к отверстию возле обитой сталью и усеянной заклепками двери.

— Звук, — приказал Генри.

— Ручей течет, — произнес Сайлас.

— Трава растет, — ответил другой голос из отверстия, и дверь медленно открылась.

— Пароль и отзыв, — сказал Генри. — Больше смахивает на форт, чем на дом.

Он оказался прав. За дверью стояли козлы с автоматическим оружием, набитые патронами магазины и даже гранатомет. Пройдя вместе с роботом по дому, Генри увидел пульт управления сложной системой сигнализации и обнаружения, запасы еды, воды и сжатого кислорода на случай, если дом придется герметизировать при газовой атаке, а также портативный аварийный электрогенератор. Еще более интересным оказалось поведение женщины и двух маленьких девочек — он успел заметить их через приоткрытую дверь, которая тут же захлопнулась. Казалось, они стараются держаться подальше от главной части дома, а сам хозяин не заходит на их половину.

— Все более и более странно, — пробормотал Генри. — Настало время провести небольшое расследование самому. Сможешь провести меня внутрь этого карманного форта, не подняв тревоги?

— Простая задача. Робот легко сможет справиться с системой сигнализации.

— Тогда давай двигаться. Выкатывай уницикл и обеспечь воздушное прикрытие.

— Желаете боевого робота для защиты?

— Нет. Эти чудища столь же бесшумны, как падающая посадочная опора. Надеюсь, моя быстрота и твоя разведывательная сеть помогут мне уберечься от опасности. — Он встал, нахлобучил шляпу и вышел.

В пустотелой посадочной опоре находился потайной выход, менее заметный, чем открытый люк. Уницикл уже поджидал его, нетерпеливо гудя. Это был одноколесный, вернее, одношаровой аппарат, удерживающий вертикальное положение с помощью встроенного гироскопа. Сфера, за счет которой он катился, была мягкая, упругая и бесшумная и издавала лишь легкий шорох, когда Генри ехал в темноте. Впереди и позади него летела невидимая охрана из крошечных роботов с телекамерами.

— Какие новости из города? — спросил Генри.

— На данный момент шесть «клопов» уничтожено во время случайных происшествий, ни один из них не был обнаружен. Сорок три различных индивидуума находятся под постоянным наблюдением. Впереди большая канава, рекомендую вам свернуть слегка вправо.

— Дай мне тогда указчика, ночь темная. Мне нужен кратчайший и наилучший путь в город. Что сейчас делает шериф?

Один из роботов снизился и теперь летел впереди, указывая дорогу маленьким зеленым огоньком. Генри следовал за ним. Компьютер снова заговорил — его голос слышался в крошечном приемнике за ухом Генри.

— Сейчас он ужинает вместе с женщиной, к которой обращается «жена». Ужин у них проходит как-то странно.

— Экзотические застольные обычай? Если они чесчур отвратительны, можешь не рассказывать.

— Я имел в виду не это, а манеру подачи еды. Все миски накрыты крышками. Шериф сначала накладывает из каждой жене, затем сидит и ждет, пока она ест. Сам к еде не притрагивается. Попробовав из каждой тарелки по очереди, она передает их мужу, и тот все доедает.

— В этом вовсе нет ничего странного. Поройся в своих указателях и отыщи так называемых дегустаторов на Старой Земле.

— Я понял, что вы имеете в виду, — ответил компьютер после очень короткой паузы. — Он боится быть отравленным, поэтому ест только ту еду, которую до него уже попробовал кто-то другой и не ощутил неприятных симптомов. Пожалуйста, притормозите и приготовьтесь повернуть налево. Я проведу вас по самым спокойным улицам к месту, которое вы ищете... СТОП.

Генри нажал на тормоз, унисикл дернулся и резко остановился. Гироскоп взвыл, удерживая его вертикально.

— Не соизволишь ли сообщить, что случилось? — прошептал Генри.

— За углом этого здания ждут три человека. Они явно прячутся и наблюдают за кораблем. Это женщина и двое детей. Один из них — мальчик по имени Робби, с которым вы разговаривали сегодня утром. Другой ребенок — девочка приблизительно того же возраста.

— Оружие у них есть? Помнится, утром он хотел его заполучить.

— Оружие не детектируется.

— Ладно. Подключи меня к динамику в «летающем глазе» и подведи его поближе к ним.

— Готово. Он летает над их головами.

— Эй, привет. С вами говорит Генри Венн. Вы хотите меня увидеть?

В приемнике Генри послышались сдавленные крики и удивленные возгласы, затем женский голос произнес:

— Где вы? Я вас не вижу.

— Рядом с вами, говорю по радио. Хотите со мной встретиться?

— Да, пожалуйста, это очень важно.

Даже по радио он уловил в ее голосе напряженность.

— Сейчас я подойду к вам.

Они дожидались его, укрывшись в тени; мальчик стоял впереди, заслонив собой сестренку и мать.

— Это не моя идея, — произнес он, сжав кулаки и делая шаг вперед. — Я даже не уверен, что она мне нравится. Но мать сказала, что пойдет в любом случае, потому пришел и я. Так, приглядеть за ней на всякий случай.

— Понял. Ты поступил совершенно правильно. Очень рад увидеться с вами, мадам, — произнес Генри, вежливо прикасаясь кончиками пальцев к полям шляпы.

— Вы должны мне помочь. Когда вы решите покинуть эту планету, вы должны взять с собой на Форбраджен моих сына и дочь. Их там будут ждать.

— Я не поеду, — твердо произнес мальчик. — Но Китт, ладно уж, пускай летит.

Луна Слагтера уже взошла и бросала слабый свет на затененный участок у стены. Китт оказалась подростком, как и ее брат, возможно, на год или два старше, лет пятнадцати. Она была очень похожа на свою мать, красивую бледную женщину с длинными темными волосами.

— А что ты скажешь, Китт? — спросил Генри.

— Это так далеко. Я знаю, что уже не вернусь. Я не хочу расставаться с мамой, но... в то же время... она права. — Девочка чуть не расплакалась.

— Конечно же, я права, и ты сама это видишь, — сказала ее мать. Она подошла поближе и посмотрела на Генри. — Вы с другой планеты, поэтому я могу вам все рассказать. Вы не поверите, что значит для женщины жить здесь. Это не тяжело физически — но жизнь здесь, как в тюрьме. Моя дочь может этого избежать. Я тайно связалась с властями на Форбраджене. Они заверили меня, что у них есть финансовый фонд, из которого они смогут оплачивать образование для любого ребенка со Слагтера. Они очень захвачены этой идеей. Вы выполните мою просьбу? — В ее глазах читалась неприкрытая мольба.

— Это можно устроить, но я не улетаю прямо сейчас. Есть некоторые сложности...

— В укрытие! — предупредил «летающий глаз» и снизился. — Приближаются машины, стрельба.

7

Они нырнули в укрытие; Генри поволок за собой уницикл. В ту же секунду они услышали треск выстрелов. Низко пригнувшись, Генри смотрел на две полу-гусеничные машины, с ревом приближавшиеся из темноты. Рычали двигатели, метались лучи фар. Водители

явно управляли одной рукой и стреляли другой — что не сказывалось благоприятно ни на управлении автомобилем, ни на точности стрельбы. Пули шлепались в грязь и с визгом отлетали от стен. Машины пронеслись мимо и скрылись за углом. Грохот и рев замерли в отдалении.

Генри поднялся, огляделся и обнаружил, что остался в одиночестве. «Летающий глаз» подлетел поближе.

— Они вернулись домой, — сказал он. — Если хотите, я провожу вас туда.

— Не сейчас. У нас есть более важное дело. Я собираюсь взять интервью у слагтерианца у него дома и получить ответы на некоторые вопросы. Включи-ка свой фонарик и покажи мне дорогу.

«Летающий глаз» отлетел в сторону, а Генри оседлал уницикл и двинулся за ним.

— Следующий дом справа, — прошептал ему в ухо компьютер.

— Я его узнал. Так каков план действий?

— Робот отсоединил систему сигнализации и вставил радиоуправляемое реле в цепь открывания двери. Когда вы подойдете, я ее открою.

— Приглядывай за великим, — сказал Генри, слезая с уницикла в темном углу и выключая мотор. — Понятия не имею, сколько я там пробуду.

Он подошел к двери — та тихо открылась. Он быстро шагнул вперед, потому что массивная металлическая дверь тут же начала закрываться и едва его не прищемила. Он очутился в унылом узком коридорчике, чуть пошире его плеч, освещенном тусклой лампочкой под металлической сеткой. Козлы с оружием и боеприпасами ему пришлось обойти бочком. Да, весьма эффективно. Не дом, а настоящая крепость. Но почему? У Генри было ощущение, что если он ответит на этот вопрос, то сможет ответить и на любые другие вопросы об этой планете.

Главная прихожая выглядела вполне обычно по любым стандартам — если не принимать во внимание ящик с газовыми гранатами и живописно развешанные по стенам армейские штык-ножи и дубинки с шипами. Но тут был и ковер на полу, цветное пятно, выделяющееся на фоне унылой серости, и несколько картинок в рамках. Генри как раз разглядывал одну из них —

тропический остров в синем море, — когда робот-телохранитель проскользнул в дверь в дальнем конце прихожей и тихо прикрыл ее за собой.

— Докладывай, — сказал Генри.

— Сайллас Эндерби заканчивает ужинать. Миссис Эндерби обслуживает его, юные Эндерби смотрят по видео космическую оперу.

— Прекрасно. Отведи меня к своему хозяину.

Робот кивнул, открыл дверь и шагнул в сторону, пропуская Генри вперед. Генри вошел в комнату, приподнял шляпу, широко улыбнулся и поприветствовал всех в самой дружеской манере.

— Сэр и мадам, добрый вечер вам обоим, и я искренне надеюсь, что вы хорошо поужинали.

Миссис Эндерби пронзительно завизжала. Этот звук представлял собой нечто среднее между воплем кота, которому наступили на хвост, и визгом свиньи, которой дали пинка в зад. Потом она уронила миску, которую держала в руках, и с рыданиями выскочила из комнаты, закрыв лицо фартуком. Ее муж проявил не больше восторга. Он застыл на стуле с выпученными глазами — ложка с десертом замерла на полпути ко рту — и судорожно сглатывал слюну. Едва Генри шагнул вперед, он с отчаянным усилием стряхнул с себя оцепенение и выхватил из кобуры револьвер. Но ему не повезло — зацепившись курком за скатерть и пытаясь высвободить оружие, он стянул ее со стола вместе с большей частью тарелок. Генри, сочувственно покачивая головой, протянул руку, высвободил оружие и вынул его из руки хозяина дома. Тот не сопротивлялся.

— Как... — выдохнул Сайллас, — ...как... ты попал сюда?..

— Просто, — ответил Генри и быстро выдумал правдоподобную ложь: — Я постучал в дверь, а твой надежный робот-телохранитель меня впустил.

— Предатель! — прошипел Сайллас.

Он тут же выхватил другой пистолет, поменьше, и быстро выстрелил два раза, прежде чем Генри отобрал у него оружие. Пули срикошетили от стальной груди робота и впились в стену.

— Никто, — пробормотал Сайллас, — Никто в этом доме. Никто... — Он сидел, уставившись в никуда остекленевшими глазами.

— Я не стал бы в этом сомневаться ни на секунду, — сказал Генри, роясь в карманах куртки. — Так вот, я вырос в более приветливом месте, и по моим меркам степень вашего гостеприимства оставляет желать много лучшего. Но я не жалуюсь, заметьте. Живи сам и дай жить другим — вот мой девиз. Я видел много миров, и некоторые были еще воинственнее, чем ваш, хотя им для этого пришлось весьма постараться. Разумеется, я не намеревался вас оскорбить. — Он наконец отыскал в кармане учетную книжку торгового агента и положил ее на стол. — Если вы поставите свою подпись здесь, на квитанции о продаже, мистер Эндерби, я больше не стану вас беспокоить. Без подписи продажа не является законной, а я знаю, что мы оба желаем заключить законную сделку, да, сэр.

Все еще пребывая в состоянии шока, Сайллас нацарал внизу квитанции свою подпись и обессиленно обмяк в кресле.

— Убей меня, — хрипло прошептал он. — Я знаю, ты пришел меня убить. Сделай это быстро, чтобы я не мучился от боли.

— Ничего подобного, мой старый клиент Сайллас, — отозвался Генри и похлопал дрожащего мужчину по плечу. Сайллас застонал и едва не потерял сознание. — У меня другой стиль работы. Я ищу клиентов, а не трупы. Если вы мертвы, сэр, то не представляете для меня никакого интереса.

— Так ты не будешь меня убивать? — изумленно воскликнул Сайллас и выпрямился в кресле.

— Даже в мыслях не было. Впрочем, если захочешь, я продам тебе еще одного робота.

— Предатель! — крикнул Сайллас, злобно взглянув на молчаливого робота.

— Он всего лишь выполнял свой долг, — заметил Генри, пододвигая к себе стул и усаживаясь. — А насчет робота не волнуйся. Он будет охранять тебя до тех пор, пока в его теле останется хотя бы капля масла. Он ведь машина, не забывай этого, и запрограммирован всегда быть на твоей стороне. В отличие от людей, многим из которых нельзя доверять.

— Никому нельзя доверять. — Сайллас тут же отодвинулся подальше и с тоской посмотрел на висящую на стене комбинацию топора и киркомотыги.

— Я в это могу поверить, — отозвался Генри, делая вид, что перелистывает учетную книжку, но в то же время не спуская глаз с трясущегося Сайласа. — Только вот удивляюсь — почему?

— Меня хотят убить, — ответил Сайлас, шныряя повсюду глазами, но старательно избегая смотреть на свою руку, которая медленно двигалась в сторону миски для фруктов, наполненной ручными гранатами.

— Несомненно. И столь же сильно хотят убить меня или любого другого. Но мне очень хочется узнать почему. Что вызывает эти всеобщие подозрения и ненависть? Должна же быть для них причина.

— Умри, убийца! — выкрикнул Сайлас и метнулся к гранатам.

Едва он схватил одну из них, Генри шевельнул пальцем, подав сигнал роботу.

— Очень опасно, хозяин, — сказал робот, вынимая гранату из стиснутых пальцев Сайласа. Он положил ее назад и отодвинул миску подальше. — Я защищаю вашу жизнь, сэр. Если эта граната взорвется в такой маленькой комнате, вы наверняка пострадаете.

Сайлас, весь дрожа, отпрянул от робота и принял отчаянно грызть ногти. Генри притворился, будто не заметил случившегося.

— Мне непонятно, почему вы так живете, почему каждый защищается от остальных. Что произошло? С чего все началось? Чего вы боитесь?

— Диких. Они хотят нас прикончить. Дикие там. Поджигают.

— Дикие? — переспросил Генри, навострив уши и впитывая неожиданную информацию. — А кто они такие?

— Да они там, на холмах. Прячутся, воруют скот, убивают всех, кого смогут. Дикие и есть.

Сайлас мотнул головой, подтверждая серьезность высказанной мысли. Генри приободрился.

— Гм, Дикие. Звучит довольно дико. Впрочем, так и должно быть, раз от них все неприятности. Ладно, мне пора идти, Сайлас. Благодарю за гостеприимство. Привожать не надо, я знаю дорогу.

Но Сайлас уже вскочил, приободренный мыслью о том, что его непрошенный посетитель действительно уходит. Он проводил Генри через прихожую и позволил

ему открыть дверь, быстро оглядев окрестности через бронированный перископ.

— А теперь быстро уходи и назад не возвращайся!

— Мне тоже было приятно с тобой повидаться, — ответил Генри и быстро выскочил наружу, чтобы не прищемило стремительно задвигающейся дверью. Едва он сделал первый шаг по улице, как мир взорвался шумом и грохотом. Оглушенный, он дернулся назад, ища убежище там, где его уже не было. С жутким грохотом стена противоположного дома рухнула наружу водопадом обломков и мусора, и прямо на Генри из руин с ревом выскочила полурусская машина. Ее прожектора пригвоздили его к стене, словно жука. Ружейная стрельба теперь раздавалась со всех сторон, в стену над его головой лупили пули.

8

Погасла сперва одна, затем другая фара, и машина понеслась вперед, уже неуправляемая. Генри прыгнул в сторону, и она врезалась в стену неподалеку от него.

Стрельба продолжалась. В атаку бросились новые машины, загромыхали ружейные выстрелы. Из дома послышался ответный огонь, что-то с оглушительным грохотом взорвалось на дороге, взметнув столб пламени. Дверь теперь была закрыта — и, несомненно, заперта — поэтому Генри метнулся к унициклу и вскочил в седло.

Однако перед уходом он выключил мотор, и гиро- скоп успел остановиться. Он медленно начал раскручиваться, испуская душераздирающий стон. Уницикл затрясся и задергался, словно брыкающийся жеребец. С трудом управляя вихляющейся машиной, Генри все-таки выбрался на улицу и поехал прочь от громыхающего за спиной сражения. По мере того как мотор набирал обороты, уницикл выровнялся и покатился быстрее.

— Быстро-то он быстро, да не очень, — крикнул Генри, придерживая шляпу, чтобы ее не сдуло. — Поп- слушай, всевидящий тысячеглазый робот, может, ты мне скажешь, из-за чего этот кавардак? Кажется, он застал нас врасплох, верно?

— Я очень сожалею, но невозможно знать все...

— Ты же всегда говорил так, словно знаешь все!

— ...Или обследовать каждое здание. Теперь можно утверждать, что неизвестная личность или личности скрывались в здании напротив. Они наблюдали за домом, в котором вы находились. Очевидно, в их планы входило силой ворваться в дом, когда кто-нибудь станет выходить. Так уж получилось, что этим выходящим случайно оказались вы.

— И они ворвались?

— Нет. Я разбил им фары, запустив в каждую по «летающему глазу», и они промахнулись в темноте мимо двери. В атаке принимали участие и другие машины, и я с сожалением вынужден сообщить, что одна из них теперь вас преследует.

— Я все думал, когда же ты это заметишь, — прошептал Генри, включая полную мощность, и принялся догонять свою тень, возникшую в свете фар идущей сзади машины. — Можешь выбить у него фары?

— У меня поблизости только два «летающих глаза», а один мне нужен для поддержания контакта. — Одна фара тут же погасла, едва Генри услышал слова компьютера. — Вторым можно было пожертвовать. Могу ли я посоветовать как можно скорее свернуть в сторону, потому что спереди приближается другое транспортное средство, чтобы отрезать вам путь? Я подключился к их радиопереговорам.

— Заглуши их!

— Уже сделано, но другая группа знает ваше местонахождение и направление.

Впереди засверкали фары, стремительно приближаясь.

— Я посоветовал бы следующий поворот направо, — сказал компьютер. Генри вывернул руль. — Нет! Не этот...

Впереди внезапно выросла стена. Взвизгнули тормоза уницикла, Генри спрыгнул с него и покатился по земле. Уницикл врезался в кирпичную стену. Полуоглушенный и исцарапанный, Генри уткнулся в стену, и в ушах у него раздались последние слова компьютера:

— ...Да не этот. Здесь тупик. Следующий поворот.

— Ты немного запоздал со своей информацией, — пробормотал он разбитыми губами, и, морщась от боли, поднялся, приподнимая поля шляпы, нахлобучившейся

при падении на глаза. — Нет ли у тебя каких-нибудь гениальных предложений по поводу того, как мне выбраться из этой мышеловки? — Нахмутившись, он наблюдал за полутусеничной машиной, блокировавшей выход из переулка. Из машины выскочили двое и побежали к нему.

— Вы уже начали выбираться, — прошептал ему в ухо «летающий глаз» в тот самый момент, когда в переулке что-то взорвалось с глухим хлопком и он наполнился непроницаемым дымом. — Следуйте за мной.

— С удовольствием — как только смогу что-либо разглядеть, — ответил Генри и закашлялся, набрав полные легкие светопоглощающего дыма.

Что-то ткнулось ему в плечо.

— Возьмитесь за «летающий глаз», — сказал компьютер.

Генри почувствовал, как его пальцы легко легли на хвостовую плоскость маленького летающего робота, и, спотыкаясь, зашагал вслед за ним по переулку. Мимо прошуршили чьи-то шаги, потом послышался металлический лязг: это кто-то свалился на обломки его уницикла. Тут же загрохали выстрелы, где-то с визгом пронеслись невидимые срикошетившие пули. Что-то металлическое коснулось лица Генри, он протянул руку вперед.

— Это лестница, — сказал компьютер.

— И это ты говоришь только сейчас.

— Если вы по ней взберетесь, вас увезет отсюда летающая платформа, которая висит сейчас у вас над головой. Полагаю, вы пожелаете вернуться на корабль?

— Неправильно полагаешь, — отозвался Генри, нащаривая ногой ступеньку лестницы. — Вверх, вверх и в сторону. Направление — на холмы. Надо бы поискать тех Диких, про которых говорил Сайллас.

Лесенка вздрогнула под его тяжестью, потом с легкостью начала подниматься вверх. Через секунду Генри был уже над клубящимся облаком дыма, из которого все еще слышался резкий треск выстрелов. Отстоящие друг от друга дома-крепости городка распростерлись внизу, а в отдалении замаячила темная масса гор. Черный диск летающей платформы — по сути своей, лифта для тяжелых грузов — заслонял над его головой звезды. Похожий на паучка робот спустился по лестни-

це и положил лапку ему на плечо, потом придинулся поближе и заговорил прямо в ухо:

— Ночью мало что можно сделать. Я предложил бы вернуться на корабль, а утром...

— Замолчи, раскудахтавшаяся нянька тупоумного компьютера. Раз я сказал — к холмам, значит, к холмам. Дай мне спальный мешок или еще что-нибудь, и я прекрасно посплю на свежем воздухе под этими чужими звездами. А пока я буду спать, можешь отправить несколько «летающих глаз» попорхать по округе и произвести инфракрасную разведку. Отыщи для меня парочку тех самых Диких, и я взгляну на них утром. Дошло?

Ответ последовал после секундной паузы, означавшей то ли компьютерное согласие, то ли роботизированное упрямство.

— Все будет, как вы сказали. Вы так и намерены путешествовать на лестнице?

— Да. После такого жаркого дня ночь прохладная, а ветерок освежает меня после аварии. Тащи дальше.

Темный ландшафт быстро заскользил внизу, и не-приметная травянистая равнина превратилась в предгорье, покрытое вперемежку лесами и лугами; кое-где между ними поблескивала вода, отражая свет звезд. Приблизившись к крутым обрыву, платформа полетела медленнее, потом зависла и начала снижаться. На площадке над обрывом Генри увидел травянистую чащебразную поляну, окруженную отвесными скалами.

— Это место неприступно, — произнес маленький робот, — к тому же незаметно с подножья гор. Надеюсь, здесь вам будет удобно.

— Я тоже, — произнес Генри, зевая, — потому что у меня неожиданно появилось сильное желание спать.

Едва он спрыгнул вниз, загорелись дающие рассеянный свет фонарики, и он увидел, что корабль уже развел бурную деятельность. Он просил спальный мешок или «что-нибудь», и его последнее пожелание компьютер понял по-своему. На траве уже стояла пирамидальная палатка, увшанная разноцветными флагами. Внутри, вся в золотистых отблесках сияющих лампочек, стояла бронзовая раскладная кровать с приветливо от-

гнутыми хрустящими простынями. Под навесом возле палатки — столик и легкий стул. Едва ноги Генри коснулись земли, из висящего над столиком «летающего глаза» вырвались крошечные язычки пламени и зажгли свечи. Они соблазнительно осветили мисочку с икрой, тонкие ломтики поджаренного хлеба, мелко нарезанную сырую луковицу и сваренное вкрутую яйцо. Робот-паучок спрыгнул с плеча Генри и заторопился к ведерку со льдом, вскарабкался на него и приготовился откупорить бутылку охлажденного шампанского.

— Легкая закуска перед отдыхом, — сказал он, погружая в пробку стальные коготки. — Весьма полезно. — Раздался внезапный хлопок, пробка вылетела, вино зашипело.

Генри развалился на стульчике и взял стакан.

— Это так любезно с твоей стороны, — сказал он, потягивая шампанское. — Должно быть, твои схемы эмпатии и психологической подстройки работали сегодня с повышенной активностью. — Он принял от робота намазанный икрой ломтик поджаренного хлеба и откусил. — Но не думай, что я тебя в чем-то упрекаю. Всегда любил мелкие радости привала в дикой глухи.

Потом Генри улегся в кровать и заснул таким глубоким сном, что на рассвете роботу-умывальщику пришлось включить запись духового оркестра с удвоенной громкостью, чтобы его разбудить.

— Прочь, — пробормотал Генри, привычно и ловко отмахиваясь от робота и все еще не открывая глаз. — Какой болван додумался в такой час лупить палкой по горшкам. — Едва он поставил ноги на землю, дрожа от холодного прикосновения, бравурная музыка сменилась звучанием струнного квартета. — Докладывай.

Робот-умывальщик снял с груди таз, поставил на землю и наполнил теплой водой из краника на конце одного из пальцев.

— За ночь я обнаружил многочисленные источники тепла и на рассвете исключил всех диких животных, поскольку они, скорее всего, не являются теми Дикими, которых вы ищете. Все они — пугливые травоядные, и выживание их зависит от ловкости и скорости, с какой они убегают от опасности. Однако в непосредственной близости от вас находятся по меньшей мере пять человек, явно аборигенов, вооруженных грубым оружием и подходящих под данное вами описание Диких.

— Гуманоидные туземцы этой планеты? — спросил Генри, намочив лицо и набрав в ладони порцию жидкого мыла из мизинца робота.

— Весьма маловероятно. Фотометрическое сравнение указывает на их принадлежность к людям до седьмого десятичного знака. Мы можем с уверенностью принять теорию о том, что это люди, перешедшие по неизвестной причине, или причинам, к столь примитивному образу жизни.

Робот вложил в ладонь Генри расческу и превратил свою грудную пластину в зеркало. Пока Генри причесывался, робот произвел на свет зубную щетку с уже нанесенной пастой и принялся усердно чистить ему зубы.

— Все более и более интересно, — промычал Генри со щеткой во рту. — Сразу после завтрака надо будет поближе взглянуть на одного из этих псевдотуземцев.

В руки ему скользнула дымящаяся чашка черного кофе, и он, чувствуя себя человеком немного больше, отхлебнул из нее и подошел к столу. Он плотно позавтракал обжаренной на гриле колбасой и поджаренной кукурузной кашей, потом прихватил чашку с кофе, подошел к краю обрыва и насладился впечатляющим зрелищем появляющихся из утреннего тумана горных верхушек. За его спиной со всех ног носились роботы, упаковывая оборудование в ящики и грузя их на платформу.

— Я готов, — сказал Генри, нажал на чашке кнопку «использовано» и бросил ее с обрыва. Не успев пролететь трех метров, она рассыпалась облачком мелкой пыли. — Как мы установим контакт с объектом?

— Платформа подвезет вас близко, как только можно, чтобы вас не заметили, — ответил робот-паук, перебираясь на повисшую рядом с Генри лестницу. Генри ухватился за перекладину. — Остаток пути я поведу вас сам.

в сторону равнины, не поднимаясь выше горных вершин.

— Прибыли, — произнес робот, когда они зависли над поросшим травой склоном. — Осталось лишь перебраться через гребень, и я рекомендую двигаться как можно тише.

— А я рекомендую заткнуться. Твое дело — показывать дорогу, а мне позволь побеспокоиться о том, чтобы нас никто не заметил.

Дальше они двинулись молча, шагая по колено в высокой траве и отодвигая в сторону нависавшие ветви деревьев. Робот подвел хозяина к нависавшему скальному выступу и, ни слова не говоря, показал вниз. Генри снял шляпу, положил ее на землю и лишь затем подполз к краю и заглянул вниз. Ему открылось впечатляющее зрелице.

Прямо на золе утасшего костра лежала сильно обгоревшая и почти съеденная бычья туша. Рядом с ней, наполовину в траве, наполовину в золе, распростерся весьма неприглядный на вид представитель человеческой расы. Его одежда, если ее можно было так назвать, состояла из кое-как выдубленных шкур, скрепленных полосками из грубой кожи. Длинные и спутанные волосы незаметно переходили в еще более длинную и кудлатую бороду. Волосы, шкуры и сам человек были неопрятными, грязными и обильно усыпанными пеплом. Шкуры раскрылись, обнажив огромный раздутый живот, похожий на перезрелую дыню — очевидно, его владелец совсем недавно обожрался полусырым мясом до частичной потери сознания. Сейчас его явно беспокоил процесс пищеварения, потому что он стонал и ворочался, не открывая глаз. Его рука стала шарить в золе, словно огромное безобразное насекомое, нащупала тушу, отодрала кусок и тут же отправила его в зияющую пасть. Мясо тут же было прожевано и проглощено, причем вкушающий даже не проснулся.

— Какая прелесть, — произнес Генри, вставая, отряхиваясь и напяливая шляпу. — Он ухитрился слопать столько, сколько мне хватило бы на неделю. Посмотрим, что этот розанчик нам о себе расскажет.

Робот прыгнул ему на плечо, и они вместе съехали по склону в лощину.

Дикий мгновенно проснулся, сел — что стоило ему немалых усилий — и уставился на Генри поросячими, налитыми кровью глазками.

— Очень рад познакомиться с вами, сэр. Рад был увидеть, что вы хорошо пообедали. Позвольте представиться...

— Убью! Убью! — взревел Дикий и, схватив лежащий рядом каменный молоток, удивительно ловко швырнул его в Генри. Точно в голову. У того уже не оставалось времени ни уклониться, ни даже поднять для защиты руку.

Робот-паук бросился с его плеча, оставив на коже Генри восемь маленьких аккуратных дырочек концами своих ножек, и столкнулся на лету с молотком. Молоток и робот рухнули на землю, от робота осталась лишь кучка металлических ножек.

— Уверяю вас, сэр, я не хотел причинить вам вреда...

— Убью! Убью! — снова зарычал Дикий, нашарил булыжник размером с кулак и швырнул его с прежней ловкостью. На сей раз Генри успел уклониться.

— Послушайте, мы же можем поговорить, как взрослые люди...

— Убью! Убью! — заверещал Дикий и бросился в атаку, растопырив пальцы.

Генри проскользнул между клешнеобразными руками и быстрым движением стукнул его ребром ладони по шее. Потом шагнул в сторону и полюбовался на отрубившегося противника.

— Боюсь, что у нас с тобой, приятель, появится проблема общения, — сказал он и наклонился, вытирая о траву засаленную ладонь.

Возле его головы прожужжало какое-то насекомое, он отмахнулся от него и услышал тоненький голосок:

— Докладываю. По ущелью сюда идет еще один Дикий. На вид не вооружен.

— И на том спасибо, — отозвался Генри, принимая боевую стойку и расставив руки в стороны.

Вскоре послышался звук торопливо приближающихся шагов, и появился другой Дикий. Он был так же грязен и одет в такие же замызганные шкуры, но на этом сходство кончалось. Во-первых, он был намного старше, с седыми волосами и бородой. Вокруг шеи у него был повязан обрывок некогда цветного шейного

платка, заляпанный и испачканный почти до неузнаваемости. На носу торчало то, что раньше называлось очками. Одной линзы не было, а вторая так потрескалась, что стала почти непрозрачной. Завидал Генри, человек остановился, и слегка склонил голову набок, глядя на него сквозь остатки очков и тихонько хихикая.

— Ну, ну, ну, кто же это к нам пожаловал? — сказал он, мелкими шажками продвигаясь вперед.

— Вот это мне больше по душе, — отозвался Генри, принимая обычную позу. — Встретиться с вами для меня просто удовольствие...

— Удовольствие, удовольствие... Не употребляйте этого слова всуе, — сказал старикан, присаживаясь на корточки возле туши. — Язык — инструмент точный, у слов есть смысл, слова многое могут. Возьмите, к примеру, имена. Если я скажу вам свое имя, вы получите надо мной власть, да, получите, с именами многое можно натворить. — Продолжая говорить самым спокойным и невинным тоном, он втихаря отщипывал от туши кусочки и запихивал их в рот, поэтому его последнее слово разобрать было почти невозможно.

— Я в этом уверен, — сказал Генри, — и охотно с вами соглашаюсь. Но я должен спросить, что делает здесь образованный человек вроде вас, почему вы живете в таких условиях?

— Каникулы, всего лишь каникулы. Хрум, хрум, ням, ням. — Его зубы рвали мясо. — И не смейте даже думать, что я родом с этой захудалой планетки, о, нет. Я с Форбраджена, человек науки, и наблюдаю здесь за местными формами жизни. Весьма интересно. Скоро я напишу статью. Я человек науки и мира...

— Мое! Мое! — прохрипел второй Дикий, придя в себя.

Он покатился по земле и обхватил обеими руками остатки туши. Продолжая одной рукой набивать рот, старик другой подхватил булыжник и умело тюкнул владельца туши по голове. Испустив стон, тот снова рухнул в золу. Генри молча наблюдал, но не стал вмешиваться в их забаву.

— Очень интересно, — сказал он. — Поскольку вы с Форбраджена, ваше мнение для меня особенно важно. Наверное, вы знаете, отчего люди на этой планете столь подозрительны и агрессивны.

— Знаю. Хрум.

Молчание затянулось. Наконец Генри спросил:

— Ну, так вы мне скажете?

— Конечно. Но помните, доверие за доверие, и право первой публикации остается за мной. Знаете, все дело в радиации, в личной радиации. От злых мыслей проистекает злое излучение, радиация, которой мы можем присвоить значение *л*. Когда это *л* используется в уравнении с областью волнового излучения *l*...

Он долго еще нес подобную чушь, и наконец Генри громко вздохнул.

— Свихнулся, бедняга, — сказал он маленькому механическому орнитоптеру, который летал кругами над его головой.

— Если вы имеете в виду его индекс нормальности, то вы правы, — ответил орнитоптер. — Я сравнил его данные с известными параметрами в записях и обнаружил, что на другой планете он с вероятностью в 97,89 процента был бы помещен в психиатрическую лечебницу для корректировки психики.

— Можешь спокойно заменить эту цифру на сто процентов. Какая трагедия, интеллигентный человек приехал сюда, чтобы проводить исследования, и не выдержал напряжения. Надо будет устроить, чтобы его отправили обратно на Форбраджен.

— Я это у себя отмечу.

— Давай двигаться обратно, тут нам делать нечего. Эти Дикие и есть просто Дикие, одиночки и изгои. Они никак не могут быть ответственны за то, что происходит на этой планете... что происходит?

Старик внезапно поднял голову и приложил ладонь к уху. Затем оторвал от туши большой кусок мяса и бросился бежать. Второй Дикий немного замешкался. Он застонал, сел — потом вскочил на ноги и с руганью умчался.

— Они услышали приближение группы тракоциклов, — сказал корабль. — Они движутся оттуда, с той стороны, где пасутся стада.

— И ты говоришь это только сейчас. Я как всегда узнаю последним.

— Опасности пока нет. Я уже собирался вас проинформировать.

— В следующий раз информируй меня сразу. Как я выпутаюсь из этой ситуации?

— Летающая платформа уже в пути. До ее прибытия я посоветовал бы вам взобраться обратно на скалу. Преследователи явно ищут тех, кто крадет у них животных, и, несомненно, станут преследовать тех, остальных.

— Надеюсь, ты окажешься прав, — сказал Генри, карабкаясь наверх с максимальной скоростью.

Место для наблюдения оказалось хорошим. Когда ревущие тракоциклы остановились внизу, Генри смог за ними следить, оставаясь невидимым.

— А вот и туша! — крикнул один из прибывших. — Он ее украл, зажарил и сожрал. Я же говорил, у нас постоянно пропадает скот.

— И куда он побежал?

— Ищейка покажет.

— Если ты позволишь мне спросить, — прошептал Генри орнитоптеру, который сложил крыльшки и теперь сидел у его головы, — то ответь, что такое ищейка?

На поиск ответа у компьютера ушло несколько микросекунд.

— Ищейка — это собака, которая высоко ценилась за хорошо развитое обоняние и съедобное мясо — в различные времена и в различных странах. Теперь это слово применяют по отношению к коммерческому поисковому инструменту, который следует по запаховому следу примерно так, как и исходное существо, давшее ему свое имя.

— Так где же платформа? — спросил Генри, по спине которого внезапно пробежал холодок.

— Всего через три минуты...

— Давай ее сюда!

— Эй, — крикнул кто-то внизу. — Ищейка взяла три следа. Два ведут туда, а один прямо на эти скалы.

— Там кто-то есть!

— Прикончим его!

Генри поработал неплохо, но силы оказались неравными. Тракоциклы с ревом взлетели вверх по склону и понеслись на него. Первого из нападавших Генри вышиб из седла и швырнул, бессознательного, на остальных. До нынешнего назначения он служил в морской пехоте Патруля, и под его тщательно культивированным

жирком скрывалась впечатляющая мускулатура. И он умел драться. Трое уже лежали на земле: кто стонал, кто без сознания, — когда четвертый стукнул его по голове рукояткой пистолета и окончательно испортил ему шляпу. Генри так и не узнал, чем его ударили.

10

Генри застонал, приоткрыл глаза, с отвращением посмотрел вокруг, снова простонал и опять закрыл глаза.

— Объясните мне, что произошло! — сказал командор Сергеев, наклонившись так близко, что его борода коснулась носа Генри.

— Назад, в джунгли, — отозвался Генри, почесывая нос. — Расскажите мне все, что вы знаете, пока я решаю, оставаться ли мне в живых или умереть, а я дополню ваш рассказ недостающими деталями.

— Ба! Вы позволили себя похитить. Теперь мы будем гнить в этой автоматизированной бойне до скончания веков.

— Терпение. Страйтесь не кричать. Я вызволю вас отсюда — вы лишь расскажите, что произошло.

— Вы знаете, что произошло. Вернее, похожий на вас робот все знает. Я не мог спать, а он вообще не спит, и поэтому мы играли в шахматы. Потом этот болван внезапно вскакивает — причем специально разбрасывает фигуры, потому что через четыре хода я поставил бы ему мат, — и выдирает из стены свою цепь. Знай я, что он способен это сделать, я бы уже давно заставил его меня освободить. Затем залезает на ящики с блоками памяти и прячется там. И пока я на него кричу, дверь распахивается, и они вносят вас, уже в таком виде. Через секунду вы прикованы снова, или, если хотите, в первый раз. Nueboh! — вы знаете, что я имел в виду. Потом они уходят. А теперь ваш паршивый робот полностью меня игнорирует — торчит себе там да ковыряет в стене маленькую дырочку. Идиотизм!

Генри посмотрел вверх на свою копию. Робот висел вверх ногами под самым потолком и колупал стенку полоской стали. Ощущив слабость, Генри прикрыл глаза и немного фальшиво застонал.

— Мне нужен доктор, — сказал он.

— Помощь уже в пути, — ответил робот и проткнул стену насквозь.

Едва он это сказал, в отверстие влетел «летающий глаз» и тут же устремился к Генри. Серебристый, похожий на птичку, он завис над хозяином, выжидающе жужжа. На спине у него медленно открылся лючок. Робот-Генри с дребезжащим стуком спустился на пол и подбежал поближе. Он вынул из «летающего глаза» пакетик, и маленький робот тут же вылетел сквозь отверстие в стене.

— Это медицинский набор, — пояснил робот. — Я обработаю ваши раны.

— Сначала болеутоляющее, несчастная имитация компьютера, пришибленная коротким замыканием, — сказал Генри. — А потом объяснения.

Укол сделал свое дело немедленно. Обрабатывая царапины и ушибы, робот начал пояснять:

— Остановить тех людей было невозможно, поскольку в моем распоряжении оказались лишь небольшие по размеру единицы оборудования. Но мне удалось не допустить, чтобы вас убили. «Клопы», пробравшиеся в их оружие, сделали его неработоспособным, и я прекратил все операции, едва вы потеряли сознание и очутились в их руках. Я предположил, что вас снова привезут сюда, поскольку так случилось в первый раз. Мое предположение оказалось правильным.

— А если бы ты ошибся?..

— Я был готов к любым случайностям, — ответил компьютер с механической самоуверенностью. К этому времени тяжелое оборудование уже было подготовлено к использованию. Поскольку некоторые из тяжелых роботов были снабжены атомным оружием, подобная самоуверенность казалась оправданной.

Генри пошевелился и сел, не испытывая больше ощущения, что вот-вот развалится на части при малейшем движении.

— Мы уходим отсюда немедленно! — заявил Сергеев, и его пальцы зашевелились, словно уже сжимали чье-то горло.

— Да, наверное, пора. Мы явно не преуспеем, сидя на цепи возле пульта управления этой бойни. Но —

терпение — дайте мне немного времени, восстановить силы.

— У вас десять минут, не больше! — Сергеев зашагал из угла в угол, поглядывая на часы.

— Какой вы чуткий, командор. Как, должно быть, вас любили подчиненные.

— Может, и любили, но мне не говорили. Пока они мне подчинялись, я был удовлетворен.

— Ни одного из жителей этой планеты вы не смогли бы сделать членом своего экипажа. Никогда в жизни мне не доводилось видеть так много подозрительных и тупых людей. Дети кажутся вполне нормальными, да и женщины тоже, если только можно назвать их затворнический образ жизни нормальным. Но мужчины! Вероломные, подозрительные, готовые убить на месте — перечисление можете продолжить сами. Возможно, форбрадженцы правы, утверждая, что люди здесь просто помешались от пограничной жизни и даже выработали эту культуру типа «убей, или убьют тебя». Сюда не посыпают мощное энергетическое оружие, лишь ограниченное количество взрывчатки. Это приходится делать, или главный источник белка для Форбраджена окажется отрезан. Это дилемма, вроде бы не имеющая легкого решения. Они уже вросли в свой образ жизни — а полностью изменить все общественные отношения почти невозможно.

— К чему менять? Бросить их ко всем чертям! Пусть торчат тут вместе со своими коровами, пылью и пистолетами. Они тут все психи, все до единого!

Глаза Генри расширились, он внезапно сел.

— Что вы сказали?

— Вы же слышали — психи. А теперь пошли, времени нет.

Генри подтянул ноги и медленно встал.

— Возможно, если все они душевно больны, это может многое объяснить. Наверное, я отыскивал не те причины...

— Прошу вас, командор, без насилия, — сказал Генри-робот, становясь между Генри и разгневанным командором, который приближался, протянув вперед руки и пошевеливая пальцами.

— Мы уходим, командор, успокойтесь, — сказал Генри, снова переключая внимание на неотложные

дела. — Корабль, полагаю, ты можешь извлечь нас из этого здания?

— Простая задача, — ответил робот, наклоняясь над приковавшей Генри цепью. — Джентльмены, будьте любезны следовать за мной.

С легким щелчком он оторвал цепь возле лодыжки Генри, потом проделал ту же операцию с цепью Сергеева. Они последовали за ним к двери, которую робот вышиб, даже не остановившись. Оба человека переступили через обломки и пошли вслед за роботом по коридору к наружной двери.

— Эту штуку он так легко не вышибет, — сказал Сергеев, указывая на массивную, обитую сталью дверь.

— Будьте любезны, отойдите в сторону, — произнес робот, указывая рукой.

Едва его просьбу выполнили, дверь рухнула внутрь. Всю противоположную стену утыкали щепки и перекрученные куски металла. Беглецы вышли сквозь выбитое взрывом отверстие и увидели тяжелого робота с энергетической пушкой вместо головы. Глаза и рот у него располагались в желудке.

— Рекомендую быстро покинуть это место, — сказал он. — Ваш побег запустил сигнальную систему, и у меня создалось впечатление, что все мужчины города сейчас спешат сюда.

Услышав эти ободряющие слова, люди и роботы помчались сквозь непроницаемую темноту. Луну и звезды скрыли облака, а в уличные фонари жители Слагтера не верили. Предупрежденные вездесущими «клопами» и «летающими глазами», беглецы свернули в сторону и укрылись, избегая встречи с разыскивающими их местными жителями на тракоциклах. Добравшись наконец до края взлетного поля космодрома, они увидели на его дальнем конце свой корабль, окруженный кольцом грузовиков и полугусеничных машин. Прожектора и фары освещали все вокруг ярко, как днем. Генри остановился, тяжело дыша, и обвиняющее ткнул пальцем в ближайшего робота.

— Только не делай вид, что ты об этом не подозревал. Решил сделать мне сюрприз и не говорить о команде встречающих?

— Нет. Я не стал вас информировать ради вашего спокойствия, посчитав, что новость о том, что корабль

окружен, может оказаться для вас угнетающей и повлияет на эффективность, с которой вы убегали.

— Чихал я на твою эффективность! — взревел Сергеев и пнул робота в лодыжку, в результате чего лишь сильно ушиб пальцы на ноге.

— Как мы попадем на корабль? — поинтересовался Генри.

— Следуйте за мной. Закопанный корабль командора находится почти за пределами охраняемого круга, и я прокапываю сейчас второй наклонный туннель, который выйдет на поверхность в безопасной зоне. Вы сможете войти через него.

— У нас нет другого выбора. Пойдемте, командор.

Прожектора светили ярко, и последнюю сотню метров они преодолели ползком, укрывшись в мелкой канаве. Добравшись до промытой дождями лощины, они вконец вымотались, извялялись в грязи и насквозь пропотели.

— Мы на месте, — сказал Генри-робот. — Подождите, пожалуйста, несколько секунд, и туннель будет выведен на поверхность. А пока я порекомендовал бы абсолютное молчание, потому что детекторы обнаружили индивидуума, который вооружен и движется в нашем направлении.

— Можем ли мы его захватить, не подняв тревоги? — спросил Генри.

— Это возможно. Прошу вас вести себя тихо и оставаться на месте.

Услышав приближающиеся тяжелые шаги, друзья припали к земле. Над ними выросла чья-то фигура, темный силуэт на фоне света прожекторов вокруг корабля. В одной руке он держал наготове револьвер, а другой прикрывал глаза, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте под собой.

Генри-робот выбросил вперед руки с молниеносной скоростью змеи, наносящей удар, и схватил его за лодыжки. Не успев поднять револьвер или вскрикнуть, человек полетел вниз в лощину.

На лету Генри нанес ему звучный удар в челюсть. Коснувшись земли, человек скатился по склону и без сознания свалился на дно вверх лицом. Разглядев его в слабых отблесках света, Генри радостно вскрикнул:

— Наш старый друг шериф! Лучшего я и не мог пожелать!

Рядом послышались гул и скрежет, и на поверхность выскоцило сверкающее лезвие бура. Секундой позже из дыры показался робот-бурильщик, выполз в канаву и встал, покачиваясь на широких лапах.

— Поскорее в туннель, — посоветовал Генри-робот. — Шерифа я потащу вслед за вами. Хочу вам сообщить, что этот туннель не укреплен и, по моему предположению, вероятнее всего, через три или четыре минуты обрушится.

— Чтоб ты провалился вместе со своими дешевыми туннелями! — рявкнул Генри и нырнул в отверстие.

Сергеев тут же последовал за ним. Едва его ноги скрылись в дыре, за ним пополз и Генри-робот, волоча за собой бесчувственное тело шерифа. Замыкал цепочку робот-бурильщик. Боевой робот остался в одиночестве, охраняя вход.

11

Удовольствие оказалось ниже среднего. Генри полз на четвереньках, свод туннеля царапал ему спину. Внутри было темно, не хватало воздуха, к тому же Генри успел выбиться из сил еще до того, как началась эта безумная авантюра. Туннель, казалось, не будет конца; Генри ощущал, как давит на него вся толща земли, стискивает, и ему начало казаться, что у него не хватит сил.

Тут туннель пошел вверх, выровнялся, впереди блеснул свет. Из последних сил Генри дополз до выхода в укрепленный туннель и обессиленно свесился наружу. Поджидавший там робот вытянул его, затем извлек командора, словно пробку из бутылки. Следующим был Генри-робот. Он успел вытянуть шерифа лишь до половины, когда туннель обрушился. Оба человека обессиленно растянулись на полу туннеля, пока робот откапывал шерифа.

— Я подумал, что вы, может быть, захотите выпить холодного пива, — сказал другой робот, появляясь из примыкающего туннеля. Он нес поднос с двумя стаканами и двумя охлажденными бутылками пенящегося пива. — Как по-вашему, командор к вам присоединится?

Командор прохрипел что-то неразборчивое, бросился вперед и схватил одну из бутылок. Презрев стакан, он поднес бутылку к губам и, опустошив ее наполовину, шумно выдохнул. Генри выпил свою чуть менее торопливо.

— Ваш корабль здесь, командор, — сказал он. — Закопан, но в целости и сохранности. И пока его не откопают, не согласитесь ли вы пройти пока в мой?

Побег и пиво заметно улучшили настроение командора.

— Буду счастлив к вам присоединиться. Если вы ничего не имеете против, мне бы больше не хотелось торчать под землей.

— Полностью с вами согласен.

Они, покряхтывая, поднялись и пошли по туннелю в корабль. Прежде чем умыться и переодеться, Генри передал шерифа на попечение корабля вместе с подробными инструкциями. Он сидел в рубке, задрав вверх ноги, читал отпечатанный компьютером отчет и доедал сандвич, когда вошел Сергеев.

— Садитесь и заказывайте, что душе угодно, командор, — сказал Генри, махнув рукой в сторону кресла. — Рад видеть, что корабль смог подобрать вам одежду по размеру.

— По размеру — да, но ткань скверная. У него не нашлось ничего, кроме ваших отвратительных костюмов в клеточку. — Он просмотрел поданное роботом меню. — А что это за официальный на вид отчет вы читаете?

— Это решение проблемы Слагтера. В крови шерифа обнаружено значительное количество ДМПЕ, или тараксина, как его иногда называют. Анализ выявил и его источник.

Командор указал роботу на выбранные им блюда в меню, вернул его обратно и, нахмурившись, посмотрел на Генри, снова превратившись в прежнего Сергеева.

— Вы что, сумасшедший? — спросил он.

— Я-то нет, зато шериф — да. Его признали бы душевнобольным на любой планете, кроме этой. Знаете ли вы, что такое параноидная шизофрения?

— Одно из психических заболеваний. Но при чем здесь она?

— Потому что от нее страдает шериф. Параноик живет в своем собственном мире, зная лишь себя и

доверяя лишь себе. Большой одной из ее разновидностей подвержен мании преследования. Он верит, что весь мир настроен против него. Он может казаться нормальным во всех отношениях, кроме одного. Человек не обязан быть тупым лишь потому, что он психически болен.

— Так вы хотите сказать мне, что...

— Вот именно. Каждый мужчина на этой планете — классический случай параноика. Когда-то считалось, что эта болезнь имеет чисто психологические корни, развиваясь из детских конфликтов и тому подобного. Со временем выяснилось, что подобные переживания лишь запускают болезнь, которая сама по себе имеет чисто химическую причину. Она кроется в разладе химизма мозга. ДМПЕ — это антитело, которое организм вырабатывает в ответ на внешние чужеродные организмы. Беда лишь в том, что ДМПЕ повреждает не только их, но и сам мозг.

Командор ахнул:

— Так вы хотите сказать, что этот — как вы его называете? — ДМПЕ... делает людей психически больными и они ведут себя странно именно из-за него? Если это так, то откуда он берется?

— Компьютер еще завершает микроанализ, но он уже обнаружил микроорганизм, который вроде бы является причиной. Это одноклеточная и очень слабая бактерия, которая, очевидно, очень медленно поражает ткани тела. Подобные формы инфекции могут быть наихудшими, вроде проказы, потому что ее действие настолько слабо, что организм не мобилизует против нее свои защитные силы. И микроорганизм процветает, постепенно делается все сильнее, в то время как тело слабеет, и постепенно вырабатывает достаточно ДМПЕ, чтобы вызвать вторичную, уже психическую болезнь.

— И сколько на это нужно времени?

— Должно быть, лет тринадцать-пятнадцать, потому что у детей нет подобных симптомов. Но я видел пятнадцатилетнего мальчика, и ему уже явно немного осталось.

— А как же девочки и женщины?

— Наверное, у них природный иммунитет, это наиболее логичное объяснение, потому что на этой планете микроорганизм встречается везде.

— Тогда и мы им заразились!

— Успокойтесь, конечно же. Но вспомните, что требуется пятнадцать лет, чтобы эффект проявился. И его можно будет устраниć за пару месяцев, раз уж мы знаем, что следует искать. Сюда с Форбраджена прибудут команды медиков и все возьмут в свои руки.

Сергеев взял принесенный роботом сандвич, откусил огромный кусок и махнул остатком в сторону Генри.

— В ваших аргументах есть одно противоречие. Если уж болезнь настолько распространена, то она должна быть и в мясе. Так почему же она не попадает на Форбраджен?

— Да очень просто. Длительное воздействие очень низких температур убивает за несколько месяцев почти любой организм. Мясо отсюда отправляют замороженным, и оно месяцы хранится в космосе. Другого же контакта с поверхностью планеты нет.

— Достаточно убедительно, — буркнул Сергеев, соглашаясь, доел сандвич и послал робота за вторым. — В таком случае я должен буду остаться здесь, когда мой корабль откопают. Люди больны, и их следует лечить. А когда они поправятся, я пересчитаю их для галактической переписи, и тогда моя работа здесь будет завершена.

— Для них всех наступит более счастливая жизнь. Дети смогут отправиться в школы на Форбраджен и затем вернуться, чтобы построить более разумное общество, чем нынешнее, странное. — Генри криво усмехнулся. — Воистину, впечатляющая мысль.

— Какая? — спросил командор Сергеев, более занятый сандвичем и бутылкой пива, которым он воздавал должное.

— Да дети. Наверное, везде и всюду они восстают, глядя на старшее поколение, и даже считают родителей сумасшедшими за то, что они им внушают свои идеи.

Но здесь, на Слагтере, дети оказались правы!

Мало что осталось сказать. Церемония была короткой. Кадеты выходили вперед, высоко подняв головы, и получали удостоверения. Один за другим они повторяли этот простой ритуал, пока его не завершил последний.

Больше они уже не были кадетами.

— Патрульные, я приветствую вас, — произнес командир, и его голос потонул в радостных криках счастливых людей. Эхо отражалось от куполообразной крыши и затихло лишь тогда, когда выпускники устремились навстречу первым заданиям и своему будущему. Командир остался один, думая о новичках, в чьи классы он придет уже завтра.

Они покидали зал, покидали Землю и направлялись к планетам и звездам галактики во имя закона и порядка. А верные свиньи и послушные роботы, эти грузы человека, будут помогать ему покорять новые звезды.

Бок о бок свинья, робот и человек дружно шагали навстречу замечательному будущему.

Содержание

Цель вторжения — Земля , роман, <i>перевод с английского А. Жаворонкова</i>	5
Обычная история , повесть, <i>перевод с английского К. Королева</i>	165
Парни из СВИН и РОБОТ , повесть, <i>перевод с английского А. Волнова</i>	243

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга одиннадцатая

Составитель *В. Быстров*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *К. Королев, Т. Бережных, М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *И. Лаздина, А. Хиршфельде*

Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление: *А. Бибанаев, Л. Булыкина, А. Кириллов*

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.06.94.

Формат 84×108/32. Гарнитура Балтика. Бумага типографская.

Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр. отт. 20,16.

Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4-274.

Издательская фирма «Полярис»,

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

«Фолио»,

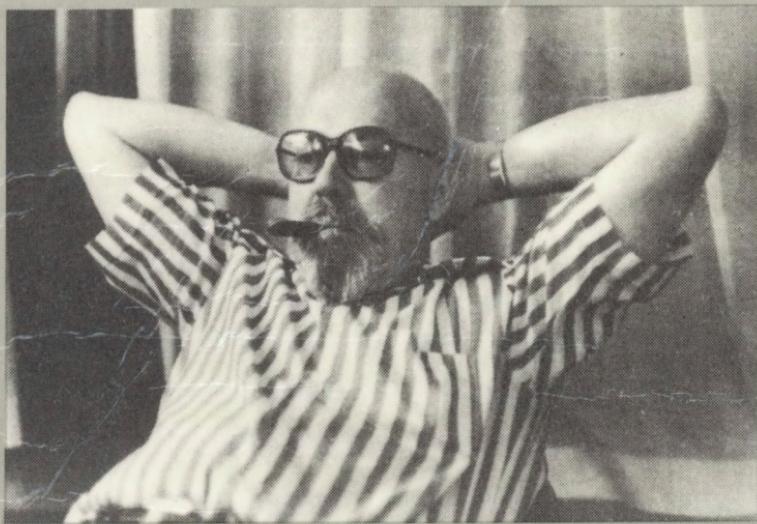
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,

310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

Мирры Гарри Гаррисона кн.11 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 351 с.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

